

ЛЕНИНГРАДСКИЙ ОРДЕНА ЛЕНИНА
И ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ имени А. А. ЖДАНОВА

СЕВЕРНОРУССКИЕ ГОВОРЫ

ВЫПУСК 4

Межвузовский сборник

ЛЕНИНГРАД
ИЗДАТЕЛЬСТВО ЛЕНИНГРАДСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
1994

Печатается по постановлению
Редакционно-издательского совета
Ленинградского университета

В статьях сборника (вып. 3 вышел в 1979 г.) рассматриваются вопросы фонетики, грамматики и лексики современных севернорусских говоров в их историческом развитии и в сопоставлении с другими русскими и славянскими диалектами. В основе статей — богатый материал современной диалектной речи и памятников средневековой письменности, проливающий новый свет на историю заселения русского Севера и Северо-Запада, проблемы истории языка и истории народа.

Для филологов-русистов, историков, этнографов, специалистов по исторической географии, краеведов.

Редакционная коллегия: проф. А.С.Герд (отв. редактор), проф. В.В.Колесов (отв. редактор), проф. Н.А.Мещерский, проф. Р.Р.Палагина, доц. Л.А.Ивашко, доц. Т.Г.Доля, доц. Ф.Л.Скитова, доц. В.И.Трубинский

Рецензент: д-р филол. наук, ст. науч. сотр.
Ин-та рус. языка АН СССР В.Я.Дерягин

ИБ № 1874

СЕВЕРНОРУССКИЕ ГОВОРЫ

В ы п у с к 4

Редактор А.Н.Ельчева Художественный редактор А.Г.Голубев
Технический редактор Е.И.Веселова
Корректоры Н.М.Каплинская, Н.П.Подгородецкая

Подписано в печать 28.04.84. М-25326 Формат 60х84 1/16.
Бумага тип. № 2. Печать офсетная. Усл.печ.л. 11,62.
Усл. кр.-отт. 11,79. Уч.-изд.л. 11,33. Заказ 5577
Тираж 876 экз. Цена 1 р. 70 к.

Издательство ЛГУ им.А.А.Жданова
199164, Ленинград, В-164, Университетская наб., 7/9

РС

С 4602010000 - 097 146-84
076(02) - 84

Издательство Ленинградского
университета, 1984 г.

ПРЕДИСЛОВИЕ

С каждым годом все более активными и эффективными становятся совместные коллективные усилия по дальнейшему изучению русских говоров на севере и северо-западе Европейской части РСФСР. Ленинградский университет и Псковский педагогический институт продолжают работу над Псковским областным словарем, кафедры русского языка восьми вузов РСФСР в Ленинграде, Петрозаводске, Сыктывкаре, Вологде, Череповце, Кирове, Костроме, а также отдельные авторы из Калинин, Ярославля, Пскова заняты созданием сводного дифференциального Словаря русских говоров Карелии и смежных районов сопредельных областей, собраны богатые материалы по топонимике Псковщины, Прионежья, Заонежья, Обонежья и Посвирья. Начато полевое изучение севернорусской духовной культуры. Постоянно расширяется фонд магнитофонных записей и текстов их дешифровки по разговорной речи поселков городского типа и крупных совхозных центров в Карелии и в Мурманской области. Большую работу проводят наши коллеги из Московского университета и Архангельского пединститута по созданию Архангельского областного словаря, в Вологде подготовлен Словарь восточновологодских говоров, начато лингвогеографическое обследование восточной Вологодчины, продолжается углубленное полевое обследование русских говоров Коми АССР (Сыктывкарский университет, Коми пединститут), а также работы по созданию Словаря русских говоров низовий Печоры. Серьезное значение имели конференции диалектологов в Вологде (1979, 1983 гг.), Череповце (1982 г.), весьма существен вклад и собственно индивидуальных исследований (диссертации, книги, статьи, доклады отдельных авторов).

Одновременно неотложной задачей всех диалектологов, занятых изучением русского Севера и Северо-Запада является продолжение собирания массовых материалов по лексике русских го-

воров в Архангельской, Вологодской, Кировской, Костромской, Ярославской, Новгородской, Калининской, Поковской и Ленинградской областях, в КАССР и в Коми АССР. С каждым днем все больше меняется лингвистический ландшафт на севере Европейской части СССР, все меньше остается мелких населенных пунктов, выселков, десятилетиями олуживших идеальной опорой в работе многих поколений диалектологов и целых экспедиций.

Так, например, за последние 15 лет неузнаваемо изменился облик Заонежья, Карельского Беломорья, запада Ленинградской области, Мурмана, окрестностей Череповца. В этой связи особое и самостоятельное значение сегодня приобретают: а) всемерное количественное, качественное и организационное совершенствование местных картотек диалектной лексики в Петрозаводске, Архангельске, Вологде, Кирове, Череповце, Пскове, Новгороде, Калининe и фундаментальных сводных картотек по лексике северных и северо-западных русских диалектов в Московском и Ленинградском университетах; б) создание отдельных картотек по микропонимике и антропонимике, по названиям жителей по их местности; в) полевая работа по картографированию данных; г) создание местных региональных собраний магнитофонных записей текстов. Со временем эти картотеки превратятся в фонды уникальных материалов, на основе которых можно будет развертывать все новые и новые исследования. При этом следует особо подчеркнуть значение массовых и неоднократных фиксаций каждого слова, каждой формы во множестве разных контекстов, а сами картотеки, по возможности, должны создаваться на недифференциальной основе.

Перспективным также является выделение отдельных опорных локальных узлов с переходом в последующем к многолетнему и неоднократному их обследованию, разработка специальных тематических программ.

Весьма важным является бережное сохранение стационарного регулярного характера таких картотек. Как известно, из разных форм хранения материалов наиболее уязвимы в этом отношении картотеки и фонды архивов. В конечном счете именно картотеки по лексике говоров отдельных областей дают наиболее полное представление о языке региона, о мире духовных представлений, обычаях и традициях севернорусов, о психологии восприятия ими ок-

ружащей природы, об отношении к труду, верованиям. Никакой словарь никогда не может вобрать в себя все богатство картотек, и в этом их непреходящее самостоятельное национальное культурно-историческое значение.

Давно настало время подумать о формах кодификации и официальной регистрации картотек. По-видимому, целесообразно было бы приравнять их к фондам редких книг и рукописей. Необходим сводный аннотированный каталог существующих словарных картотек.

Не менее важной задачей как филологов, так и историков и краеведов на севере и северо-западе России является дальнейшее открытие, описание, публикация и изучение памятников местной региональной письменности, создание аннотированных справочных описей, словоуказателей и индексов разных типов.

В статьях этого сборника, как и в предыдущих выпусках, рассматривается круг проблем морфологии, лексики, фразеологии и синтаксиса собственно севернорусских говоров и тех диалектов, которые исторически в своей основе являются севернорусскими по своему типу (новгородские, частично посковские) и которые лишь позднее испытали на себе влияние иных диалектных зон.

Ряд статей содержит материалы по исторической диалектологии. В статьях сборника данные северных и северо-западных русских диалектов рассматриваются через призму других русских говоров и в свете тех общих тенденций, которые характерны для современной разговорной речи в целом. Четвертый выпуск сборника "Севернорусские говоры" продолжает традиции предшествующих выпусков — традиции углубленного изучения речи русского Севера и крайнего Северо-Запада РСФСР.

СКЛОНЕНИЕ ИМЕН СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ
В СЕВЕРНОРУССКИХ И ЮЖНОРУССКИХ ДИАЛЕКТАХ
(именительный падеж множественного числа)

Выявляя особенности склонения имен существительных типа жеребята, жеребенки, С.П.Обнорский еще в 1931 г. обратил внимание русистов на необходимость сопоставления подобных словоформ на широком диалектном материале. Привлекая для этого показания говоров, далеко отстоящих друг от друга, он писал: "Любопытно указание наблюдателей о двух противоположных концах великорусской территории, относящееся к взаимному употреблению форм на -ата и на -енки. Таково, с одной стороны, сведение из Пудожского у. Олонецкой губ., с другой стороны - из Суджанского у. Курской губ. Оба они гласят одно и то же".¹ Но в 30-е годы широкий сопоставительный анализ был почти невозможен из-за недостаточной изученности морфологического строя русских народных говоров. В настоящее время, когда собран богатейший диалектный материал разных регионов, когда отдельные из них описаны с достаточной полнотой, вопрос о сопоставительном изучении их приобрел особую значимость. Подобное исследование перспективно, так как позволяет "достаточно ярко показать как близко, так и дальние морфологические взаимосвязи отдельных диалектов и, что, может быть, еще важнее, представить факты взаимной противопоставленности диалектов".² Изучение диалектной системы русского языка в указанном аспекте целесообразно вести не на уровне целостных диалектных группировок, а диффе-

¹ Обнорский С.П. Именное склонение в современном русском языке. Вып. 2. Л., 1931, с.147.

² Герд А.С., Капорулина Л.В., Рускова М.П., Черепанова О.ч. Севернорусское именное склонение на общеславянском фоне (материалы к истории славянского именного склонения). - Екн.: Севернорусские говоры. Вып.2. Л., 1975, с.24.

ренцированно, на уровне отдельно взятых локальных центров (узлов), переходя от одной конкретной диалектной микрзоны к другой, от одного локального узла к другому.³

Цель данной работы — сопоставление форм им.п. мн.ч. имен существительных севернорусских (карельских) и южнорусских (восточнобрянских) говоров.⁴ Брянские говоры привлечены не во всей совокупности, потому что они весьма неоднородны по своим грамматическим показателям. Кроме того, более детально описаны говоры восточной Брянщины, которые в диалектологической науке признаны составной частью южнорусского наречия, в то время как вопрос о западнобрянских говорах остается открытым.

Учитывая аспект исследования и опираясь на теоретические установки современной диалектологии, в работе выявляется не только то специфическое, что отличает русские говоры от русского литературного языка, но и то, что их объединяет с ним, ибо говоры составляют неразрывное единство с общенациональным языком. Поэтому для объективного освещения склонения важен не дифференцированный, а полный принцип описания падежных форм.

1. В севернорусских говорах существительные м.р. на твердый согласный в им.п. мн.ч. имеют флексии *-ц*, после заднеязычных *-и*, в ударном и безударном положении. Эти флексии наблю-

³ См.: Герд А.С. 1) По некоторым вопросам славянской исторической диалектологии. — В кн.: Севернорусские говоры. Вып. 2. Л., 1975, с. 187–192; 2) К типологии славянского регионального словообразования. — В кн.: Вопросы грамматического строя и словообразования в русских народных говорах. Петрозаводск, 1976, с. 36–47; Рускова М.П. Из сопоставления склонения имен существительных в севернорусских диалектах и южнославянских языках. — В кн.: Вопросы грамматического строя... с. 63–73.

⁴ Список обследованных районов и населенных пунктов: Карельская АССР: Медвежьегорский район (Афонино, Габсельга, Данилово, Лосское, Тихвин Бор, Челмужи); Пудожский район (Губа, Гакутса, Канзановолок, Колово, Корбозеро, Пелусозеро, Песчаное, Семеново, Сумозеро, Черново). Брянская область, районы: Брасовский (Веженка, Городище 1-е, Крупец, Хутор Холмешский); Брянский (Глинищево, Добрунь, Журиничи, Кабаличи, Переторги, Строительная Слобода, Хотилеро, Чернетово); Жуковский (Никольская Слобода, Овстуг, Саково); Карачевский (Верхополье, Ревное); Клетнянский (Акуличи, Лутна); Комаричский (Евдокимовка, Радогощь); Навлинский (Борщево, Ворки, Гладское); Севский (Хинель); Суземский (Денисовка, Чухрай); Трубчевский (Гнилево).

даются как в односложных существительных, так и в тех, которые состоят из двух и более слогов: го́ды (Чёлмужи), воло́си, инже-не́ры, сва́ты (Корбозеро), кома́ри, пуховики́, плуги́ (Пелусозеро), сто́лы (Губа), сто́лбы (Семеново), ду́ки (Габсельга) и др. Флексия -ы в говорах получила более широкое распространение, чем в литературном языке: она прослеживается у существительных, которые в литературном языке употребляются с флексией -а, например, госпо́ды (Тихвин Бор), гла́зы (Сумозеро), воло́си (Габсельга) и др. Существительное сы́н в говорах, как и в литературном языке, может выступать в двух вариантных формах — сы́ни и сыновья́. Но в литературном языке эти формы различаются и по значению, и по стилистической окраске (ср. сыны́ отечества́ и сыновья́ в значении родства). В диалектной речи семантическая и стилистическая дифференциация у приведенных словоформ отсутствует, обе они употребляются только в значении родства: Все сы́ни ко мне́ е́здя́т (Корбозеро), Што сы́ни, што синовья́ — о́дно (Габсельга).

Южнорусские говоры в употреблении флексий -н, -и обнаруживают большое сходство с севернорусскими. В брянских говорах формы на -н, -и наблюдаются также шире, чем в литературном языке. Об этом достаточно убедительно свидетельствуют следующие примеры: рука́ви (Кабалычи), гла́зи (Глинищево), до́ми (Овстут), лесы́, поля́и (Ворки), ветри́, луги́ (Саково), брати́ (Радутино), вечери́ (Снопоть), горо́ди (Азаровка), бо́ки (Ущерье) и др.

2. Широко распространенной флексией им.п. в говорах Карелии является ударная флексия -а (-я). Наблюдается она у существительных и с односложной и с неодносложной основами. В севернорусских говорах с этой флексией зафиксированы слова, которые 1) и в литературном языке употребляются только с флексией -а: лесá (Корбозеро, Пелусозеро), лугá (Семеново), до́мá (Габсельга), холодá (Афонино), жерновá (Пелусозеро), поварá (Габсельга, Губа), мехá кузнични́е (Пелусозеро), рукава́ (Чёлмужи, Габсельга) и др.; 2) в литературном языке имеют колебания в использовании флексией -а (-я) или -и (-я): лагеря́ (Песочное, Черново), штабеля́ (Чёлмужи), учителя́ (Габсельга), договора́ (Афонино) и др. Кроме того, в карельских говорах отмечены сло-

ба, которые проявляют неустойчивость в использовании флексий -а (-я) и -и (-и): глаза́ (Корбозеро, Полусозеро) и гла́зы (Корбозеро, Сумозеро), полога́ и ло́логи (Тихвин Бор), стога́ и сто́ги (Пелусозеро), хода́ и ходи́ (Чёлмужи). Количество примеров параллельного употребления указанных флексий довольно ограничено.

Как показывает материал, формы на -а (-я) употребляются в севернорусских говорах шире, чем в кодифицированном языке.⁵ Номинативные формы на -а (-я) предпочтительнее у слов с предметным значением, реже у слов, называющих лицо по профессии (ср. учите́ля), в единичных случаях наблюдаются у слов иноязычного происхождения, пришедших в бытовой язык носителей говора из профессиональной речи (ср. штаба́ли).

Аналогичные показания находим и в южнорусских говорах. Формы на -а (-я) у имен существительных м.р. зафиксированы в идентичных с севернорусскими говорами условиях. Они наблюдаются в таких же двух группах слов: 1) дома́ (Чернетово), глаза́ (Ревное), берега́, рукава́, города́ (Ворки), холода́ (Добрунь) и др.; 2) лагеря́ (Чернетово), доктора́ (Ревное), учите́ля (Добрунь), договора́ (Овстуг), трактора́ (Комаричи), года́ (Почеп) и др. Заметим, что лексически слова второй группы и в севернорусских и южнорусских говорах совпадают. Этот факт представляет безусловный интерес в том плане, что свидетельствует о большом влиянии на диалектную речь любого региона литературного языка, для которого характерны вариантные образования с флексиями -а (-и) или -и (-и) в определенной, ограниченной группе слов. Как и в карельских говорах, на Брянщине известны случаи параллельного использования номинативных форм с флексиями -а (-я) и -и (и): шофера́ и шофе́ры, колодезя́ и коло́дези (Евдокимовка), хутора́ и хуторн (Овстуг) и др.

3. В отличие от говоров Карелии в брянских говорах, как и во всем южнорусском наречии, процесс распространения форм им.п. мн.ч. с флексией -а (-я) оказался более широким и активным. Это выразилось в том, что он охватил имена не только м.р.,

⁵Сверка номинативных форм на -а (-я) проводилась в соответствии с данными "Русской грамматики" (т. I. М., 1980, с. 497-498).

но частично и ж.р. третьего склонения и мягкого варианта первого склонения: матеря́ (Воржи, Саково), скатертя́ (Веженна, Чернетово), четвертя́ (Радогошь), яблоня́, частья́, деревня́ (Гладское), перива́ (Чухраи), пристаня́ (Монастырище) и др. Эти формы на Брянщине встречаются в основном в восточных, отчасти центральных районах.

4. Существительные о суффиксами - ин, -анин (-янин), -чанин, обозначающие лиц по месту их рождения, народности, социальной принадлежности, образуют форму им.п. мн.ч. без суффикса единичности -ин с различными флексиями в севернорусских и южнорусских говорах. Это объясняется тем, что в истории русского языка данные существительные претерпели значительные преобразования и в каждом отдельном случае требуют исторического истолкования в связи с рядом частных явлений, имевших место в общем процессе перестройки именного склонения.

Типичными севернорусскими образованиями им.п. мн.ч. у данных существительных являются формы с флексией -а, нередко чередующейся с -и.⁶ Так, в вологодских, архангельских, кировских, онежских говорах с ударением на основе зафиксированы: боя́ра, тата́ра, дворя́на, горожа́на.⁷ Такие же формы в большом количестве представлены в произведениях северного фольклора: тут сидят князи, бояра (Кириша Данилов, 17), князи кладут по оту рублей, бояра по пятидесят (там же, 129) и др.,⁸ тут вси князи, вси бояра (Гильфердинг, 327).⁹ В исследуемых карельских говорах отмечены только формы с флексией -и: англича́ни (Габсельга), крестья́ни (Колово, Корбозеро, Чёлмужи), цыга́ни (Тихвин Бор, Корбозеро, тата́ры (Пелусозеро). Аналогичные формы в произведениях фольклора: татары - те борются (Кириша Данилов, 31), тому татары дивовалися (там же) и др.

⁶ См.: Обнорокий С.П. Именное склонение ... о.133.

⁷ См.: Русская диалектология. М., 1972, о.142-144.

⁸ Древние российские стихотворения, собранные Киреем Даниловым. М., 1938.

⁹ Онежские былины, записанные А.Ф.Гильфердингом летом 1871 г. 4-е изд. Т.1. М.; Л., 1949-1951.

В южнорусских говорах анализируемые существительные выступают с безударной флексией -и: креотъяни (Глинншево, Хотылево, Радогощ, Строительная Слобода), партизани, татары (Денисовка), прихожани (Гнилево) и др. В произведениях южнорусского фольклора употребляется общая с литературным языком форма с флексией -е: будуть ехать бояре молодые (Славянина, 49), а бояре, бояре, а иде я вы бывали (там же, 59) и под.¹⁰

Восходя генетически к существительным бывшей основы на согласный звук во мн.ч., существительные с суффиксами -ин, -анин (-гнин), -чанин заменили исконную флексию -а на -а (по письменным памятникам это прослеживается с XVI в.)¹¹ под влиянием имен собирательных типа корела, латина.¹² Что касается этих же существительных с флексией -н (по памятникам они отмечаются с XIII в.),¹³ то, по мнению С.П.Обнорского, они являются "продуктом слияния исконных севернорусских форм на -ана с юновеликорусскими новообразованиями на -ани".¹⁴ Ф.И.Буслаев возводит эти образования к существительным с сокращенной основой без суффикса -ин в ед.ч., т.е. к *ъ-основе, откуда закономерные формы булгар — булгары, мусульман — мусульманы.¹⁵

Южнорусские формы с флексией -и историками языка также объясняются по-разному. А.А.Шахматов в появлении этой флекции

¹⁰ Старинная севская свадьба / Записи и овод О.А.Славяниной. М., 1978.

¹¹ См.: Демидова Г.И. О формах именительного падежа множественного числа имен существительных мужского рода с суффиксами -ин, -анин, -гнин в восточнославянских языках. — Учен. зап. Ленингр. пед. ин-та, 1968, т.293, с.133-134.

¹² Шахматов А.А. Историческая морфология русского языка. М., 1957, с.335; Обнорский С.П. Именное склонение... с.129-130; Кузнецов П.С. Очерки исторической морфологии русского языка. М., 1959, с.54.

¹³ См.: Демидова Г.И. О формах именительного падежа... с.140.

¹⁴ Обнорский С.П. Именное склонение ... с. 137-138.

¹⁵ Буслаев Ф.И. Историческая грамматика русского языка. М., 1959, с.218-219.

видит воздействие существительных м.р. *и-основы,¹⁶ а Е.Ф.Карский и С.П.Обнорский — влияние имен *о-основы, когда последние еще имели флексии -и¹⁷ (первые примеры о этой флексией у существительных с суффиксами -ин, -анин (-яний), -чанин в письменности встречаются уже в XI в.).¹⁸ А.А.Никольский дает фонетическое объяснение: о из закрытого, склонного к и (е^и) дает и в ологе не под ударением.¹⁹ Таким образом, имеет ли флексия -и фонетическое или морфологическое обоснование, сказать трудно. Скорее всего, в генезисе этой флексии следует учитывать оба названных фактора — и морфологический (преобразование системы именного словоизменения и появление флексии по аналогии) и фонетический (особенность заударного вокализма в южнорусских говорах).

5. Существительные с суффиксами -енок, -ник, -няк во мн.ч. изменяют этот суффикс на -ат (-ят). В севернорусских говорах данные существительные выступают в основном с флексией -а: ребята (Корбозеро), робята (Габсельга, Сумозеро), маслята (Пелусозеро), двойчата (Колово). Такие же формы зафиксированы и в других говорах Северо-Запада РСФСР, например, в Ленинградской области д.Шеменичи Подпорожского р-на: Двойники у нас или двойчата, если двое народились. В карельских говорах во мн.ч. можно наблюдать формы с сохранением суффикса ед.ч. -няк и с флексией -и: У бапки были трои — тройняки да двой — двойняки (Сумозеро). Подобные формы в говоре употребляются тогда, когда речь идет о количестве (обычно детей). Возникли они в диалекте "на почве стремления в языке особыми формальными признаками обозначить чистую множественность, как сумму конкретных единичных предметов, как делимую на части совокупность в отличие

¹⁶ Шахматов А.А. Историческая морфология русского языка, с.275-276.

¹⁷ Карский Е.Ф. Белорусы. Т.2. Варшава, 1911, с. 183; Обнорский С.П. Именное склонение... с.130.

¹⁸ См.: Демидова Г.И. О формах именительного падежа... с.138.

¹⁹ Никольский А.А. О языке Ипатьевской летописи. Оттиск из РВ. Варшава, 1899, с.30.

от форм на -ата, соединившимися с представлением неделимой множественности, сплошной массы предметов".²⁰

Показания брянских говоров в отношении рассматриваемых существительных оказываются противопоставленными карельским: основной флексией им.п. у них является -и: гуся́ты (Глинищево), ребя́ты (Овстуг), теля́ты, двойня́ты (Никольская Слобода), котиня́ты, пискля́ты, соловьё́ты (Акуличы, Лутна), кура́ты, порося́ты, пы́ляты, вутья́ты (Хинель) и др. Параллельно с приведенными формами можно встретить образования с флексией -а: ягня́та (Никольская Слобода), ребя́та (Хотылево), пискля́та (Ворки), но они отмечаются значительно реже. Иногда в одном и том же населенном пункте наблюдаются обе формы: близня́та и близня́ты (Снопоть, Рудня).

6. Основным формальным показателем им.п. мн.ч. существительных ср.р. в карельских говорах является флексия -а (-я) (ударная и безударная), т.е. наблюдается такая же картина, как и в русском литературном языке, например: мestá, коры́та (Корбозеро), семена́, яйца́ (Габсельга), семена́ (Пелусозеро) и др. И лишь опорядически в отдельных лексемах отмечается параллельное использование флексий -а и -и: яйца́ и яйцы́ (Тихвин Бор). Приведенный факт подтверждает высказывание С.П.Обнорского о том, что говоры Олонецкого края оказались в известной изоляции от тех говоров, в которых произошла замена иконной флексии имен ср.р. -а (-я) на -и (-и),²¹ появившейся в словах ср.р. по аналогии с именами м. и ж.р. в старорусской письменности XIV в.²²

В отличие от говоров Карелии в брянских говорах отмечается активное параллельное использование флексий -а (-я) и -и (-и), причем это прослеживается в одном и том же населенном пункте и часто в речи одного и того же информанта: письма́, война́, одия́ла, ва́дры, колёси́ (Ревное), мestá, рёбри́ (Верхополье), сёла, ры́лы, польты́ (Городище I-е). Параллелизм форм можно наблюдать в одной и той же лексеме: ва́дра и ва́дры (Строй-

²⁰ Обнорский С.П. Именное склонение... с.147.

²¹ Там же, с.121.

²² Соболевский А.И. Лекции по истории русского языка. М., 1907, с.210-211.

тельная Слобода), си́та и си́ты (Крупец), блюда́ бы́ли больше́е, круглы́е, а э́ти блюда́ ужо́ покупи́ны, некраси́вы (Хотылево). Формы на -и находим и в словах с основой на -х: я́блоки, душо́чки, кры́лушки (Переторги), что находится в соответствии с нормами литературного языка. Таким образом, процесс унификации форм мн.ч. в отношении данной конкретной черты словоизменительной системы на юге проявился отчетливее, ярче, чем на севере, чему несомненно способствовал такой давний фактор, как большее разрушение категории ср.р. в южнорусском наречии.²³

7. Существительные ж.р. в им.п. мн.ч. и в карельских, и в брянских говорах имеют те же флексии, что и в литературном языке, -и (-и): де́вки, портя́нки (Корбозеро), ло́шади (Сумозеро), до́чери (Чёлмужи); руба́шки, ве́тки (Добрунь), вдо́вки, буто́вки (Журинич) и др. Исключение составляют южнорусские говоры, в которые имена ж.р. могут отчасти принимать флексию -а (-я), о чем речь шла выше.

8. Особую группу составляют имена существительные с основами, осложненными суффиксом -j-, принимающие в им.п. мн.ч. флексию -а (ударную и безударную). В говорах Карелии это очень продуктивный лексико-грамматический разряд слов, включающий в свой состав названия лиц и неодушевленных предметов: дядя́ (Пелусозеро), братя́ (Чёлмужи), мушья́, каблучья́, болотья́ (Сумозеро), гвоззя́, камёня́ (Габселяга), мостья́, кружья́ (Чёлмужи), личья́ (Колово, Черново), блюдья́ (Габселяга, Лобское, Канзанаволок), ср. при сочетании с числительным в употреблении может быть обычная форма ср.р.: два́ блюда́ таких (Габселяга). Данные формы существительных, в отличие от регулярных форм м. и ср.р., несут признак "усилительной множественности",²⁴ что было присуще именам собирательным на -ье и -ья, о которых рассматриваемые существительные связаны по своему происхождению. В карельских говорах приведенный тип номинатив-

²³ Котков С.И. Южнорусское наречие в XVII столетии. М., 1963, с.186-187

²⁴ См.: Аварх Ю.С. К истории собирательных типа братья́, зверья́ в русском языке. - В кн.: Общеславянский диалектологический атлас: Материалы и исследования. М., 1977, с.192-194.

ных образований настолько употребителен и активен, что он охватил и имена ж.р.: картинья, ко́сья (от ед. кость), жёншинья (Сумозеро), жилья (Габсальга) и др.

Для говоров Брянщины отмеченные образования не характерны, и лексически они, как правило, не выходят за пределы норм литературного языка: му́жья (Кабалчи), бра́тья, зя́тья (Борщевое), князья́ (Овотуг), но до́мья (Хотылево). Гораздо чаще эти существительные употребляются в говоре в своей обычной форме — братя́, зя́ти, до́ма.

Вопрос о генезисе форм данных существительных рассматривался многими исследователями.²⁵ Для неодушевленных существительных на -ья наиболее убедительным представляется объяснение В.М.Маркова. В отличие от других историков языка, он исключает в формах на -ья какое-либо фонетическое или аналогическое преобразование, а указывает на морфологическую природу их образования, подчеркивая, что имена типа лиотье, колье уже в древнерусский период не были лишены количественного противопоставления, а потому формы листья, колья следует рассматривать как закономерные формы мн.ч.²⁶ Что касается происхождения одушевленных существительных на -ья, то большинство ученых придерживается по этому вопросу традиционной точки зрения: возводят их к собирательным одушевленным именам о основной на *-ja типа братия, у которых постепенно произошло ослабление собирательного значения, и они были переосмыслены как существительные мн.ч.²⁷

9. Флексия -а (ударная и безударная) оформляет также слова, основа которых осложнена формообразующими суффиксами -ов и -j-, типа сыновья́. Такие формы присущи обычно словам мн.ч. в севернорусских говорах, ср. арх. братовья́, воронбья́, дарб-

²⁵ Перечень наиболее распространенных гипотез приведен в работах: Марков В.М. Историческая грамматика русского языка: Именное склонение. М., 1974, с. 69-80; Белевич И.Э. Из истории категории собирательности в русском языке. Казань, 1979, с.24-25.

²⁶ Марков В.М. Историческая грамматика русского языка, с.75.

²⁷ Рюска и диалектология, с.144.

вья, дедо́вья, киров. зятевьѧ.²⁸ Лексический состав их шире, чем в литературном языке. Однако в карельских говорах зафиксирован лишь один пример — сыновья́ (Чёлмухи). Для южнорусских говоров подобные образования нехарактерны, в брянских говорах употребительна только форма синовья́, что не выходит за рамки кодифицированного литературного языка. По своему образованию эти формы рассматриваются как результат контаминации флексии им.п. мн.ч. существительных основ на *-ѣ (сынове) и старых собирательных имен на *-ја (братия).²⁹

Итак, сопоставление русских говоров Карелии и Брянщины показывает, что в им.п. мн.ч. существительных у них отмечается типологическое единство флексий. Так, в м.р. зафиксированы флексии -н (-и), -а (-я) для обоих регионов. Более широкое употребление этих флексий по сравнению с литературным языком объединяет севернорусские и южнорусские говоры (гла́зн, сто́ги, дѣ́сны, лагеря́, штабеля́). Разнит их использование этих флексий в словах типа бо́яра, крестья́ны на севере и крестья́ни на юге, ребо́ята на севере и ребя́ты на юге, наличие образований типа мушш́инья, болото́тя на севере и отсутствие их на юге.

В ср.р. отмечены флексии -а (-я) и -н (-и). Употребление -а (-я) типологически связывает говоры севера и юга, а -н (-и) противопоставляет.

В ж.р. как на севере, так и на юге наблюдаются флексии -н (-и), это объединяет севернорусские и южнорусские говоры. Южнорусским говорам, кроме того, свойственны формы на -я́ (-я́) типа ока́тертя, матеря́, что не характерно для говоров севера.

²⁸ Руоокая диалектология, с.145.

²⁹ Обнорский С.П. Именное склонение... с.75-78; Булаховский Л.А. Исторический комментарий к русскому литературному языку. Киев, 1958, с.102.

Д.В.Капорулина, А.С.Герд
К ИСТОРИИ ИМЕННОГО СКЛОНЕНИЯ
В ЯЗЫКЕ ДРЕВНЕГО ПСКОВА

1

Диалект Пскова и его области — один из немногих славянских диалектов, которые дают возможность выявить историю его развития не только по материалам собственно диалектным, но и по памятникам письменности начиная с XIII — XIV вв.¹

Цель настоящей статьи — проследить на материалах именного склонения, как в целом шло становление языка Пскова до XVI в.

Задача исторической диалектологии состоит не только в том, чтобы показать то особое, отличительное, что привело к формированию диалекта, но по возможности полно восстановить также грамматику и лексику этого диалекта в его эволюции от века к веку с учетом всех типов текстов. К сожалению, в отечественном языкознании нет работ, которые ставили бы своей целью воссоздание единой истории регионального языка по отдельным хронологическим срезам с учетом как диалектных данных, так и памятников письменности разных жанров, включая конфессиональный.

Историю псковского диалекта можно понять и описать только с учетом тех типов речевых ситуаций, которые существовали в средневековом Пскове. Разные типы ситуаций, в которых функционировала речь в Пскове, можно разделить на активные и пассивные. К активным относятся все ситуации, в которых каждый говорящий есть одновременно и слушающий, т.е. ситуации разговорной речи. В средневековом Пскове это была и речь дома, в семье, на улице, на пиру, на братчинах, на торгу, и профессиональная речь ремесленников, речь в суде, язык общения с князем, до некоторой степени язык богослужений. К пассивным относятся речевые ситуации, связанные с созданием летописи при княжеском

¹ В общетеоретическом плане это традиционно дискуссионный вопрос о возможности воссоздания в одной картине истории языка как по памятникам письменности, так и по диалектным данным.

дворе, писцовых книг, повестей, евангелий, житий; лишь некоторые из этих текстов были предназначены для чтения вслух.

Различны были и носители посковской речи XIII–XVI вв.: князь и его дружина, бояре, духовенство, купцы, посадские люди, ремесленники, крестьяне. Наряду с основным торгом существовали рыбный торг и торг немецких купцов на Запсковье. Велика была и роль кончанских организаций – объединений купцов, ремесленников. Все это нельзя не учитывать, изучая историю языка Пскова.

Таким образом, с одной стороны, наивно предполагать, что в средневековом Пскове существовала некая общая единая нормализованная речь, и в полном виде по типам носителей и ситуаций эволюция речи города Пскова не восстанавливаема. С другой стороны, широкое привлечение различных памятников средневекового регионального письма, современных диалектов при обязательном учете фактов других славянских языков позволяет все же воссоздать основные этапы истории регионального языка.

Для истории диалекта важны все типы текстов. При этом церковнославянские тексты не только неотъемлемая составная часть такой истории, но, более того, без них не может быть воссоздана ни полная картина речевого общения, ни языковая ситуация в таком средневековом городе, каковым являлся, например, Псков.

Среди текстов собственно конфессиональных находим в Пскове и евангелие, и псалм, и паремийники, и аимологион, и жития. Часть этих текстов прямо предназначалась для чтения вслух во время богослужений, часть представляет собой яркие образцы подлинно художественных текстов, восходящих к более ранним восточнославянским и южнославянским образцам.

Рассмотрим ниже эволюцию именного склонения в языке Пскова по материалам памятников XIV–XVI вв. Поскольку жанровые различия могут быть не менее значительными, чем территориальные,²

² Ср., например, замечание И.К.Романовской, сделанное ею в связи с описанием древнерусского именного склонения: "Характерным свойством системы языка новгородских письменных памятников XIV в. является то, что она лишена внутреннего структурного единства, выступая в нескольких разновидностях, определяющихся жанрово-стилистическими особенностями текстов" (Система именного склонения древнерусского языка XIV в. в ее жанрово-стилистической дифференциации (на материале новгородских письменных памятников): Автореф. канд. дис. М., 1966, с.4).

а оба вида этих различий меняются в зависимости от времени, ниже особенности древнепсковского склонения описываются отдельно для XIV в. по жанрам летописному и конфессиональному, для XV в. — по жанрам летописному, конфессиональному и деловому, для XVI в. — по жанрам летописному, конфессиональному и повествовательному.

При выделении этих особенностей прежде всего устанавливается определенная "точка отсчета": в качестве "исходной" принимается парадигма, восстанавливаемая для периода первых памятников восточнославянской письменности. В настоящее время при этом учитывается: а) общеславянское (и даже общеиндоевропейское) состояние именного склонения,³ б) показания древнейших восточнославянских памятников,⁴ в) состояние именных парадигм в старославянском языке в сравнении с древнерусским,⁵ г) определенные, хотя пока и очень скромные, сведения о ранних диалектных отличиях в древнерусском языке.⁶

Кроме того, обращается внимание на то, что, описывая именное склонение в отдельных псковских памятниках письменности, все исследователи обычно сравнивают его с именным склонением, отразившимся в памятниках письменности других областей. Так, И.Х.Тот соответствующий псковский материал

³ Кузнецов П.С. 1) Очерки по морфологии праславянского языка. М., 1961; 2) Очерки по исторической морфологии русского языка. М., 1969.

⁴ Результаты новейших исследований в этой области отражены, например, в кн.: Марков В.М. Историческая грамматика русского языка: Именное склонение. М., 1974.

⁵ Результаты новейших исследований в этой области отражены, например, в канд. дис.: Мирочник Ф.И. Формы словоизменения имен существительных в древнерусской письменности XI в. (машинопись). Ташкент, 1973.

⁶ Наиболее полное обобщение этих данных в настоящее время принадлежит Ф.П.Филину. См.: Филин Ф.П. Происхождение русского, украинского и белорусского языков. Л., 1972; наиболее последовательный учет этих данных при построении "исходной" парадигмы древнерусского языка представлен, очевидно, в кн.: Горшкова К.В., Хабургаев Г.А. Историческая грамматика русского языка. М., 1980.

XVI в. сопоставляет с данными "Домостроя",⁷ Х.Харальдссон именное склонение в деловых посковских документах XIV-XV вв. представляет на фоне именного склонения Северо-Запада XIV-XV вв. в целом.⁸ Богатый материал для такого сравнения дают монографии "Именное склонение в славянских языках XI-XIV вв."⁹ и "Именное склонение в славянских языках XV-XVI вв.",¹⁰ где именное склонение отдельных псковских памятников представлено на широком славянском фоне. Однако при этом исследователи редко обращаются к сравнению древнего материала с данными современных псковских говоров. В литературе по этому поводу имеются лишь отдельные замечания частного характера. Чаще всего их делают исследователи современных говоров, а не древних посковских памятников.¹¹

Наконец, принимается в расчет, что по отношению к XI-XIII вв., а иногда и по отношению к более позднему времени исследователи нередко представляют единую новгородско-псковскую парадигму, учитывая тесные контакты древнего Новгорода и Пскова, не имея для XI-XIII вв. собственно псковского материала.

⁷ Тот И.Х. 1) К истории склонения существительных о бывшей основой на согласный и на долгий *ŭ* (на материале Псковских летописей). - В кн.: Исследования и материалы по русской и древнеславянской языковой истории. Вып. I. Горький, 1976, с.40-48; 2) К истории языка русской литературы XVI в. - В кн.: *Studia Slavica*. XIV. Budapest, 1968, с.193-203, и др.

⁸ Харальдссон Х. Система склонения имен существительных в русской деловой письменности Северо-Запада в XIV-XV вв.: Автореф. канд. дис. Л., 1971, с.16.

⁹ Именное склонение в славянских языках XI-XIV вв.: Лингвостатистический анализ по материалам памятников древнеславянской письменности. Л., 1974, с.236.

¹⁰ Именное склонение в славянских языках XV-XVI вв.: Лингвостатистический анализ. Л., 1977, с.223.

¹¹ См., например: Царева Л.И. Говоры юго-западной части Псковской области: Автореф. канд. дис. Л., 1954. - Автор утверждает, что "современные псковские юго-западные говоры имеют много общего с древнепсковским диалектом, известным с XIII-XIV вв." (с.16); Каринский Н.М. Исследования языка псковского Шестоднева. - Журнал мин. нар. просвещения, Нов. серия, 1916, февраль. Ч. XI, с.199-258. - Он указывает на сохранение некоторых древних особенностей в современных ему говорах Мдн. и т.п.

Общая новгородско-псковская парадигма XI–XIII вв. в целом (без учета жанрово-стилистических и временных различий) в сравнении с "исходной", по мнению исследователей,¹² характеризовалась следующими особенностями:

Ед.ч. м.р. В И.п. формы типа господине, Иване, Садке – Ф.П.Филин квалифицирует их как специфически северо-западные начиная по крайней мере с XII в.¹³; в Д.п. формы на -ови у существительных, указывающих на лицо, вне зависимости от былой принадлежности к основам на *-ŭ- по мнению Ф.П.Филина, эта флексия редка на севере, с XIV в. в этой области она становится не показателем грамматической категории, а стилистической приметой,¹⁴ в М.п. с XIII в., очевидно, возможны на стола̑ и на отоли (то же и в ор.р.), а кроме того, и при попѣ – при попу.

Ед.ч. ж.р. У существительных типа жена синкретичная форма Р.-Д.-М. падежей женѣ, которая в конце обозначенного периода начинает сменяться синкретичной формой жены; в Р.п. слов типа земля флексии -ѣ и -и; с XIII в. устанавливаются новые отношения форм И.п. и всех косвенных падежей существительных типа мати: мат' – матер'; матер' – матер', мат' – мат'.

Мн.ч. всех родов. В И.п. флексия -ове у названий лиц, формы на -и у слов типа крестьянин, на -а у слов типа село; начиная с XIII в. распространение унифицированной флексии в Д.,Т.,М. падежах.

Для Северо-Запада, очевидно, была характерной сравнительно ранняя утрата звательной формы (XIII в.), двойственного числа (XIII в.), чередований типа к/ц в основе существительных (XI в.), с XIII в. – формирование категории одушевленности.¹⁵

¹² Определенная сводка мнений исследователей по поводу особенностей этой парадигмы дана в кн.: Крепких Т.А. История диалектных различий в русском именном склонении. М., 1979; учитываются также данные кн.: Филин Ф.П. Указ. соч., с.357–404.

¹³ Филин Ф.П. Там же, с.384–390.

¹⁴ Там же, с.366–376.

¹⁵ Не перечислены некоторые частные особенности, например, склонение слов с суффиксом -н- по двум типам, основа на -ц у названий ягод и т.д.

Таким образом, выделяя те особенности именной парадигмы псковских памятников письменности XIV–XVI вв., которые будут описаны ниже, авторы статьи руководствовались сопоставлением именной парадигмы того или другого псковского памятника 1) с древнерусской именной парадигмой, 2) с поково-новгородской именной парадигмой XI–XIII вв., охарактеризованной выше, 3) с именными парадигмами различных памятников древнерусской письменности, аналогичных исследуемым в жанровом и временном отношении.

Хотя авторы статьи не имели никакого намерения предварительно давать какую бы то ни было общую лингвистическую характеристику выделенных особенностей, однако естественно, что при определении их они не могли избежать некоторого "давления" со стороны 1) именной парадигмы современного русского литературного языка, 2) именной парадигмы современных поковских говоров – части западных среднерусских говоров. Последней, по данным исследователей,¹⁶ свойственны следующие черты: Ед.ч. м.р. В.Р. и М. падежах в части поковских говоров шире, чем в литературном языке, распространена флексия -у (встречается у слов с неподвижным ударением, у многосложных слов); В.п. у неодушевленных существительных может быть равным Р.п. (нашел боровика, съел гриба, блина и пр.).

Ед.ч. ж.р. В.Р.п. у слов типа вода на -е (около воде, с той стороне) при Д. и М. падежах на -н (на горы, на стороны, к сестры) происходит как бы закрепление флексий мягкого варианта основ на *-а, но в ряде мест наблюдается синкретичная форма Р.-Д.-М. падежей на -е; Т.п. типа женуи, грязуи, около Опочки - грязуи; наблюдается частичное разрушение 3-го типа склонения (бывших основ на *-ї): И.п. - ижия, М.п. - в грязе и пр., формы такого типа наблюдаются и в бывших основах на *-согя. и *-ї: к матере (при частотном И.п. - матери).

¹⁶ См., например: Образование севернорусского наречия и среднерусских говоров. М., 1970, с.410–414, 445–451; Царева Л.И. Указ.соч., с.17; Дурново Н. Очерки истории русского языка. М.; Л., 1924; Соколов Н. Говоры Псковской губернии. – Труды Московской диалектологической комиссии, 1919, с.1–12; Русская диалектология /Под ред. Н.А.Мещерского. М., 1972, с.46, и др.

Ед.ч. ср.р. Наблюдается частичная утрата ср.р. (ср. формы типа хорошая дела, на возеру, полную морю и др.).

Мн.ч. всех родов. И.п. — его формы в говорах Пскова очень разнообразны. С одной стороны, сохраняется противопоставление форм м.-ж. и ср. родов, ибо в м.р. много форм на -и (роги, глазы), с другой стороны, в м.р. под ударением очень часто -а, которое есть и в ж.р. (лошадь, степя, вода, пустоша), в ср. же роде могут встретиться формы на -и; форм на -и много в районах, близких к Белоруссии; употребляются также формы на -ье (гвоздье, клинье) и на -ья (березья, жердья); в Р.п. широко распространена флексия -ов/-ев у существительных всех родов (делов, рублев, тапков, овадьбов, деревнев, конфетов, кольев), нулевая флексия традиционно фиксируется у слов зуб и рог; отмечается совпадение форм Д. и Т.п. (о ногам, за грибам).

2

1. Особенности именного склонения, отразившиеся в псковских летописных текстах (далее — ПЛ) XIV в.¹⁷

Ед.ч. м.р. В И.п. отмечены формы типа Иване, их в ПЛ значительно больше, чем в летописных текстах других регионов, исключая Новгород, где эти формы встречаются в 4 раза чаще. В Р. и М. падежах в сравнении с другими летописями много форм на -у у существительных, не принадлежавших первоначально к основам на *-ѣ. В Д.п. формы на -ови не имеют широкого распространения, в М.п. не отмечается значительного количества форм типа столи (несколько больше их в ср.р.).

Ед.ч. ж.р. ПЛ не свидетельствует о существовании синкретичной формы Р.-Д.-М. п. у слов типа жена. В Р.п. частотна старая флексия старославянского языка, восходящая к древнему А, ни в каких других случаях преобладания старославянских форм не отмечено (например, в ПЛ редка форма И.п. типа богини). В ПЛ XIV в. отражен распад бывших основ на *-ѣ, а в связи с этим

¹⁷ Они выявлены на основе фактического материала П Псковской летописи (П о к о в с к а я 2-я летопись по Синодальному списку XV в. — В кн.: Псковские летописи / Изд. А. Наумов. Вып. 2. М., 1955. — Исследовано описание событий до XV в.) и данных "Именного склонения в славянских языках XI–XIV вв." (см. описку 9).

установление форм И.п. на -ѣ (църкѣвь), Р.п. и М.п. — на -и (църкѣви).

Ед.ч. ср.р. В III XIV в. существительные бывших основ на *-согл. в Р.п. обычно имеют флексию -и/-и, в Д.п. — -у/-ю.

Мн.ч. всех родов. В И.п. флексия -ѣ/-и широко распространена в словах м. и ж.р., однако в ср.р. она не фиксируется. В м.р. кроме этого у слов бывших *-о/-ю, *-ѣ и *-согл. основ может использоваться флексия -ове, однако в сравнении с новгородской летописью (далее — НЛ) в III не отличается частотностью. Ф.П. Филин полагает,¹⁸ что -ове вообще на севере было распространено значительно меньше, чем на юге и западе, с XV в. ее употребление постепенно прекращается. Флексия -а, известная также только у слов м.р., оказывается частотной только у существительных бывших основ на *-согл. Очень редко в И.п. бывших основ на *-а/-ја фиксируется флексия -а/-я, очевидно, соответствующая старославянским формам типа земла.

Р.п. в III чаще всего имеет форму на -ѣ/-ѣ. Однако слова м.р. бывших основ на *-ѣ и -ї сохраняют старые флексии, которые простираются во все типы склонения, даже в основе на *-ја и *-ю ср.р. В м.р. при этом в III форм на -ов/-ев несколько меньше, чем в НЛ, форм на -си, напротив, — значительно больше. В бывших основах на *-согл. прочно закрепились флексия -еи.

Единой формы Д., Т., М. падежей в III XIV в. не существовало, но в Т.п. м.р. основ на *-о/-ю зафиксированы новые формы -ѣми и -ѣми, в М.п. — формы -ох (в очень небольшом количестве).

По материалам III нет возможности судить о ранней утрате в языке Пскова Зв. формы, можно только фиксировать известную ограниченность ее лексической наполняемости. Отмечено также более широкое, чем в НЛ, использование форм И.п. в значении Зв.

Формы дв.ч. в тексте III XIV в. в целом, если не принимать в расчет смешения типов склонения, употребляются правильно.

Категория одушевленности, несомненно, развита только в ед.ч., во мн.ч. полностью — только у существительных м.р. основ на *-о/-ю, обозначающих лиц.

¹⁸ Ф и л и н Ф.П. Указ. соч., с.390—395.

II. Особенности именного склонения, отразившиеся в псковских конфессиональных текстах XIV в.¹⁹

По мнению Н.М.Каринского, все псковские тексты этого жанра по отражению в них южнославянских элементов делятся на две группы: 1) рукописи, содержащие южнославянские элементы, проникшие в домонгольский период; 2) рукописи, содержащие южнославянские элементы, проникшие в послемонгольский период. Рукописи XIV в. он относил к первой группе и считал, что они содержат много общих языковых черт с подобными памятниками других северных регионов, однако имеют и свои особенности. "Псковский говор в XIV в. резко отличался от всех известных нам русских говоров", — писал А.И.Соболевский,²⁰ Н.М.Каринский также полагал, что многие важные псковские языковые черты образовались уже к концу XIV в.²¹ В области именно формообразования к ним, по мнению этих исследователей, можно отнести: хорошее сохранение Зв.ф. (невѣсто, творце, храме, снѹ моѹ) — Н.М.Каринский объясняет это влиянием белорусского языка; В.п.ед.ч. типа обрете роса — важно, что Н.М.Каринский фиксирует их в тексте, не именном, по его мнению, болгаризмов; чередование новых и старых форм в Д., Т., М. падежах мн.ч. (в пѣвнцахъ чодѣлы злѣмѣ); закрепление в И.п. мн.ч. форм типа звѣри, чади, редкие формы типа путе, бутра; формы типа тысящѣма, свидетельствующие об известном сохранении форм дв.ч. при смешении типов склонения или о формировании категории числительного.

III. Особенности именного склонения, отразившиеся в псковских летописных текстах XV в.²²

Ед.ч.м.р. В И.п. обычны формы на -е (Василие, морозе, го-

¹⁹ Они выявлены на основе описания морфологических особенностей псковских апостолов, параклитик, поалтырей, евангелий и т.п. А.И.Соболевским и Н.М.Каринским. См.: С о б о л е в с к и й А.И. Очерки по истории русского языка. Ч. I. Киев, 1884; К а р и н с к и й Н.М. Указ.соч.

²⁰ С о б о л е в с к и й А.И. Указ.соч., с.155.

²¹ К а р и н с к и й Н.М. Указ.соч.

²² Они выявлены на основе фактического материала II Псковской летописи — Псковские летописи. Вып.2, М., 1955; "Именного склонения в славянских языках XV—XVI вв." (см.сноску 10); материалов в кн.: К а р и н с к и й Н.М. Язык Пскова и его области XV в. СПб., 1909; данных сводки Т.А.Крепких (см.сноску 12).

роде). Для Р.п. характерно большое многообразие форм (-а/-я, -у/-ю, -и/-и, -е), которые отражают распад прежней системы склонения. При этом особой продуктивностью отличаются только две флексии: -а/-я и -у/-ю. В Д.п. отмечена лишь флексия -у/-ю, в М. - при обычном -ѣ и еще довольно частотном -и в мягком варианте существительных всех прежних типов склонения в ПЛ обнаруживается значительное количество форм типа городи и форм на -у/-ю.

Ед.ч. ж.р. По отношению к языку ПЛ этого времени, очевидно, есть возможность говорить о наличии синкретичной формы Р.-Д.-М. падежей у слов типа жена. Она представлена формой -ѣ/-с, поскольку в Д.п. формы на -и/-и встречаются очень редко. Однако синкретичная форма выдерживается не всегда хотя бы потому, что в летописи этого периода в Р.п. по-прежнему много старославянских форм на -а/-а. Отдельные факты свидетельствуют о начинающемся распаде бывших основ на *-ї: зафиксированы Р. и М. падежи типа грязе, В.п. - типа грязю.

Ед.ч. ср.р. В М.п. обычна в этом случае флексия -и/-и. Изредка такая флексия встречается и в Р.п. (чаще всего у слов бывших основ на *-согл.).

Мн.ч. всех родов. И.п. в словах м.р. и ж.р. обычно оканчивается на -и/-и. У слов ж.р. эту норму нарушают только единичные формы типа матере, у слов м.р. также единичные -а и старославянское -а/-а (влияние формы В.п.) и более частотное -ове, возможное в ПЛ этого времени не только у названий лиц (ср. овощеве). Слова ср.р. флексию -и/-и (селы, чудесы) могут иметь только в В.п. (приблизительно в 1/3 всех возможных случаев).

Р.п. у всех существительных обычно имеет нулевое окончание, однако в м.р. почти в половине всех возможных случаев наличествуют новые флексии: -ов/-ев и -ви/-ии (последняя употребляется в 2 раза реже первой).

Соотношение старых и новых форм Д.,Т.,М. падежей в целом складывается в пользу старых форм. Особенно много старых форм в Д.п. Т.п. отличается большим многообразием форм: кроме старой флексии -и/-и и новой -ами/-лми встречается еще -еми и -ѣми. Это объясняется как объединением разных типов склонения,

так и неустойчивостью двух основных форм. Изредка формы на -и/-и встречаются и в Т.п. слов ж.р. основ на *-а (тип с женны).

По данным ПЛ XV в. Зв.ф. находится в процессе разрушения. Частотной она оказывается практически только для одного слова (господо).

Формы дв.ч. уже не являются живыми. Разрушается чередование типа и/и в основах существительных.

Категория одушевленности не охватывает еще слова ж.р. во мн.ч.

IV. Особенности именного склонения, отразившиеся в псковских конфессиональных памятниках XV в.²³

Н.М.Каринский описал морфологию многих конфессиональных текстов XV в. (палеи 1477 г., палеи 1494 г., текстов, входящих в об. Синодальной библиотеки № 152, и т.д.). По его мнению, во-первых, в языке Пскова XV в. вообще, а в языке конфессиональных произведений в частности, много общего с языком XIV в., однако есть в нем и новые элементы. Они представляют собой или действительно новые явления, или такие явления, которые только кажутся новыми в силу большего жанрового разнообразия псковской письменности XV в. Во-вторых, он замечает, что новые явления очень своеобразно распределяются по жанрам: они есть везде, но количество их неодинаково, при этом новых явлений совершенно необязательно больше в деловых текстах. Н.М.Каринский пишет: "Псковские диалектические черты далеко не всегда выступают ярче в русских статьях, чем в церковнославянских".²⁴ В связи с этим он, очевидно, и посчитал возможным дать общую сводку морфологических особенностей языка Пскова XV в.

Учитывая это, назовем те морфологические особенности, которые Н.М.Каринский отмечает, анализируя собственно конфессиональные тексты.

Ед.ч. м.р. Формы на -е в И.п. редки. Частотны формы, восходящие к основан на *-и: -у/-ю в Р.-М., -ови в Д. падежах.

²³ Они выявлены на основе кн.: Каринский Н.М. Язык Пскова...

²⁴ Там же, с.97.

Ед.ч. ж.р. Р.п. у слов типа жена обычно оканчивается на -е, а Д.-М. падежи на -ы/-и. Изредка встречается В.п. на -а.

Мн.ч. всех родов. При обычной форме И.п. у слов м. и ж.р. типа раба в м.р. встречается флексия -ове и -е (в бывших основах на ^{*}-согл.). В ср.р. -н обычно в В.п. (чюдесн). В Д., Т., М. падежах есть старые и новые формы, в Р.п. частотно -ов.

Формы Зв.п. лексически ограничены (возможно, что только господо).

Чередование типа к/ц в основах существительных отсутствует.

У. Особенности именного склонения, отразившиеся в псковских деловых текстах XV в.²⁵

Ед.ч. м.р. В И.п. формы на -е никем из исследователей, кроме Н.М.Каринского, не отмечаются. В Р.п. флексия -у/-ю в среднем употребляется в 8 раз реже, чем ставшая нормой для большинства существительных м.р. флексия -а/-я. Однако в сравнении с деловыми текстами других регионов -у/-ю в Пскове довольно частотно, особенно у отвлеченных и вещественных существительных. В Д.п. -ови очень редко. Единичное -и в Д.п. и -у/-ю в В.п. у различных слов м.р., очевидно, можно рассматривать как проявление начавшегося взаимодействия основ на ^{*}-о, включавших в себя ^{*}-й, ^{*}-й и ^{*}-согл., и основ на ^{*}-а. В М.п. -у/-ю малочастотно, поэтому, видимо, возможность наличия у слов м.р. синкретичной формы на -у/-ю Р.-Д.М. падежей, о чем говорит Х.Харальдссон (он признает наличие этой формы у определенной группы существительных бывших основ на ^{*}-о и

²⁵ Они выявлены на основе материала различных псковских грамот (по изд.: Грамоты Великого Новгорода и Пскова. М.; Л., Псковская судная грамота. СПб., 1914) и данных исследования Н.М.Каринского (см.сноску 22), "Именного склонения в славянских языках XV-XVI вв." (см.сноску 10), Х.Харальдссона (см.сноску 8), В.И.Собинниковой (см.ее статью "Склонение существительных в Псковской судной грамоте" - Труды Воронеж.ун-та, 1948, т.ХVI, вып.1, с.19-21), А.С.Герда, Л.В.Капорулиной, В.В. Колесова (см. их статью "Лингвостатистическое описание русского именного склонения по памятникам деловой письменности XV в." в кн.: Структурная и прикладная лингвистика. Вып.1. Л., 1978, с.110-133).

*-й, исключая сынъ²⁶), слабо реализуется. Следует также отметить господство в этом падеже флексий твердого варианта *-о- основ -е/ѣ.

Ед.ч. ж.р. формы Р.-Д.-М. падежей у слов типа жена могут быть едиными, но может и наличествовать противопоставление Р. и Д.-М. падежей. Синкретичная форма при этом может быть двух видов: -е/-ѣ и -и, ибо, с одной стороны, Р.п. на -е/-ѣ не частотен, с другой - редки формы на -н/-и в Д.-М. падежах. В В.п. сравнительно частотны формы на -а/-я, что объединяет псковские деловые тексты с новгородскими. Основы на *-й хорошо выдержаны.

Ед.ч. ср.р. В Р.п. в небольшом количестве наличествует флексия -н/-и, в основном у слов, относившихся раньше к основам на *-согл. Форм на -у/-ю нет ни в Р., ни в М. падежах. В М.п. сравнительно частотна флексия -н/-и.

Мн.ч. всех родов. В И.п. наличествует явное противопоставление ср.р. - несл.р., форм на -а и форм на -н/-и. Формы типа двора и лѣтъ хотя и возможны, но очень редки. В м.р. иногда встречаются формы типа послове, но формы на -ѣ/-е довольно частотны как в м., так и в ж.р.: купѣ, конѣ, пожнѣ, грамотѣ. Источники этой флексии разнообразны: пожнѣ можно считать сохранением старой обычной формы существительных *-ja - основ, конѣ возможно под влиянием В.п., грамотѣ - под влиянием мягкого варианта склонения, определенное количество этих форм принадежит бывшим основам на *-согл. и *-й, т.е. являются архаизмами. В Р.п. м.р. нормой являются новые флексии, особенно флексия -ов/-ев. Х.Харальдссон даже полагает, что старая флексия в этом случае становится возможной только в количественно-именном сочетании. В В.п. слов ж.р. основ на *-а старая флексия мягкого варианта -ѣ в целом употребляется в 10-12 раз реже, чем флексия -н/-и, иногда эта флексия встречается и у слов ср.р. В Д., Т., М. падежах новых форм сравнительно мало, особенно у слов м.р. бывших *-й, единичны формы типа головникох.

²⁶ Харальдссон Х. Указ.соч.

Становление категории одушевленности не закончено, ибо во мн.ч. слов ж.р. преобладают старые формы.

Из всех трех флексий, которые в работах сравнительного типа отмечаются для псковских грамот, но не отмечаются для грамот других регионов, заслуживает внимания только флексия -b/-e для В.п. мн.ч. м.р., хотя она и низкочастотна.²⁷ Если ориентироваться не на сам набор флексий, а на их особенности и частоту употребления, то в одних случаях псковские деловые тексты противопоставляются в известном отношении деловым текстам других регионов, в других они объединяются, например, с двинскими, но противопоставляются московским и западнорусским, в третьих окажутся идентичными по своим показателям и с западнорусскими, но непохожими на московские и двинские вместе взятые. В целом же в отношении именных флексий псковские грамоты XV в. оказываются все же ближе к северным грамотам, чем к западным.

VI. Особенности именного склонения, отразившиеся в псковских летописных текстах XVI в.²⁸

Ед.ч. м.р. В И.п. есть формы на -e, И.Х.Тот считает даже, что в ПЛ они употреблены довольно часто. Частотны и формы на -н/-и (они известны и в ПЛ XV в.), однако следует подчеркнуть, что формы типа камн уже не употребляются. В Р.п. частота флексии -у/-ю значительно ниже, чем, например, в Московской летописи того же времени. В этом падеже сохраняется флексия -и/-н и -e, хотя последняя встречается редко и только у слов типа камень. В Д.п. нет -ови/-эви. В М.п. частота флексии -у/-ю в ПЛ в сравнении, например, с Московской, относительно невелика, флексия -и/-н (типа города) еще сохраняет значительную частотность, хотя ведущей, несомненно, является флексия -b/-e.

²⁷ Остальные флексии в грамотах других регионов не отмечены, вероятно, только в силу малой частотности самих словоформ. Например, собственно псковской оказывается флексия -ъ в И.п. ед.ч. слов ж.р. бывших основ на *-согл.

²⁸ Они выявлены на основе материала II и III Псковских летописей (Псковские летописи, Вып.2. М., 1955) и данных исследования И.Х.Тота (см.оноску 7) и "Именного склонения в славянских языках..." (см.оноску 10).

Ед.ч. ж.р. В Р.-Д.-М. падежах по-прежнему не исключается возможность наличия синкретичной формы, поскольку в Р.п. форм на -ѣ/-е в III все же значительно больше, чем, например, в Московской, в Д.п. есть формы на -и/-и (их нет, например, в Московской летописи), в М.п. это же -и/-и в III значительно частотнее, чем в Московской. Однако следует подчеркнуть, что в М.п. формы -ѣ/-е и -и/-и почти одинаково частотны. Основы на *-ї хорошо выдержаны, если не считать флексий -е в Р. и М. падежах у слов бывших основ на *-согл. и *-ѹ. Эти последние существительные могут иметь флексию -и в И.п. (мати, дѣти). Обращает на себя внимание сравнительная частотность в Р.п. старославянской по происхождению флексии -Ѧ/-'а в словах типа земля (в Московской летописи этого не наблюдается).

Ед.ч. ср.р. В Р.п. иногда встречается флексия -и/-и, в основном в словах типа время. В М.п. эта флексия обладает значительной частотностью, поскольку оказываются возможными не только формы типа чюдеси (И.Х.Тот отмечает и чюдесе), но и типа сели, поли. Для Московской летописи это нехарактерно, так же как и флексия -у/-у, впрочем, редкая и в III.

Мн.ч. всех родов. В И.п. четко выражено противопоставление форм ср. (флексия -а/-я) - неспр. (флексия -и/-и) родов. Многообразие флексий характерно только для слов м.р. (наряду о -и/-и встречаются флексии -а/-ѣ, -ове, -ови). Следует отметить чрезвычайную редкость или даже полное отсутствие форм на -а/-я в м.р., что в значительной мере отличает псковский летописный текст от московского. В Р.п. в словах м.р. флексии -ов/-ев почти так же частотны, как и \emptyset флексия. Реже в этом случае встречается -еи, однако эту флексию можно считать общей для всех трех родов (правда, частотность ее в ср.р. и в словах ж.р. типа земля невелика). Следует отметить, что эта флексия прочно укрепились в бывших основах на *-согл. (И.Х.Тот отмечает старую форму этих основ только для слова день). Форм на -ам, -ами, -ах в III значительно больше, чем в Московской, старые формы лучше сохраняются в Т.п. Флексия -ам/-ям встретились в словах бывшей *-ї-основы. В основах на *-согл. прочно сохраняются старые формы.

Категория одушевленности по-прежнему не развивается во мн.ч. у слов ж.р., особенно у слов бывших *-ī, *-согл. и *-ū-основ.

VII. Особенности именного склонения, отразившиеся в псковских конфессиональных текстах XVI в.²⁹

Ед.ч. м.р. В И.п. не отмечена флексия -е. В Р.п. встречается флексия -у/-ю (отъ мразу), -а/-я прочно закрепилась в бывших основах на *-ī (нет огня). В Д.п. широко распространена флексия -ови (духови, бракови, Памфилови). В М.п. отчетливее выражено влияние твердого варианта склонения на мягкий (формы типа о князе). Флексия -у в этом падеже не отмечена. В бывших основах на *-согл. обычна флексия -и (о пламени).

Ед.ч. ж.р. В И.п. встречаются формы на -и/-и в словах типа рабини. В Р.-Д.-М. падежах слов типа жена возможна синкретичная форма на -и (слави) и на -ѣ/-е (силѣ), последняя встречается чаще. У слов типа земля флексия -и прочно держится в Д.-М. падежах (земли, души, однако троицѣ как пастѣѣ). В В.п. бывших *-ū-основ форма колеблется: есть и прѣкви, и любѣѣ.

Ед.ч. ср.р. В Р.п. возможна флексия -у (от лицу). В М.п. части формы типа в сердци, -и сохраняется в словах бывших основ на *-согл. (на небеси).

Мн.ч. всех родов. В И.п. слов м.р. прочно держится старая флексия *-о-основ: вѣлици, крузи, разбойници. У названий лиц изредка встречается флексия -ове (врачеве). В Р.п. очень частотна старая флексия (-ѣ/-ѣ > ∅) *-о-основ. В В.п. много старославянских по происхождению форм на -а (обычаа, монастыра). В Д., Т., М. падежах господствуют старые формы (отрокомѣ, вѣкомѣ; зубѣ, платѣ; трудѣхъ и др.). Наблюдается сращивание мягкого и твердого варианта (конехъ).

В этих текстах много правильных форм Зв.п., особенно в бывших основах на *-о.

²⁹ Они выявлены по материалу Жития Евфросина (изд.: С е - р е б р я н о к и й Н. Житие преподобного Евфросина Псковского. СПб., 1909) и исследования А.С.Герда и М.П.Русковой "Из славянского именного склонения XV-XVI веков" (В кн.: Грамматические классы слов русского языка. Тамбов, 1976, с.81-91).

Много правильных форм дв.ч. (от руку, очима, руцѣ, уши-
ма).

Текст отражает хорошее сохранение старых чередований заднеязычных в основах существительных (дусѣ, бозѣ и др.).

Категория одушевленности в этом тексте развита полностью только в ед.ч. (царя, агнеца).

УШ. Особенности именного склонения, отразившиеся в поков-
ских повествовательных текстах XVI в.³⁰

Ед.ч. м.р. В И.п. есть формы на -е (Александре), но их ма-
ло. В Р.п. сравнительно много форм на -у/-ю (торгу, перцу, от
треску, по веку, в Торжку, на бору и др.). Они встречаются в
любых условиях, особенно часто у отглагольных существительных
(выходу, приступу, приказу). В Д.п. нет флексии -ови (в "Пове-
сти о начале Печерского монастыря" один раз отмечено господе-
ви). Флексия -и/-и в этом падеже встречается редко. В М.п.,
как и в Р., также частотна флексия -у/-ю. Обычно она нали-
чается при предлогах в и на у односложных существительных (в
рову, на часу). В этом падеже обнаруживается по течению пове-
стей результат влияния мягкого варианта на твердый вариант
склонения (в Полоцки, на рубежи, в ларцы), однако флексия
-и/-и не обладает частотностью и в целом следует говорить о
возобладании флексий твердого варианта.

Ед.ч. ж.р. В Р.-Д.-М. падежах бывших *-а-основ в языке
повестей возможна синкретичная форма на -и/-и, ибо в Р.п. окон-
чание -ѣ/-ѣ употребляется редко (от отрани, от реки, окреот
пещери, из башни), а в Д.-М. падежах, напротив, полного выте-
онения флексий мягкого варианта твердым (-и/-и флексией -ѣ/-ѣ)
не фиксируется, наряду с к вѣрѣ, въ землѣ, к богородицѣ отме-
чены и на земли, по башни и др. Особенно много таких форм в Д.
п. И.Х. Тот полагает, что именно в псковских говорах синкретизм
такого типа был широко распространен не только в том случае,

³⁰ Они выявлены на основе материала "Повести о Стефане Батории" (изд. Повесть о приходе Стефана Батория на Град Поков. М.; Л., 1952) и "Повести о начале Печерского монастыря" (изд.: С е р я б р я н о к и й Н.И. Очерки по истории мона-
стырской жизни в Поковой земле. - Чтения ОИДР, кн. IV. М.,
1908), а также исследований И.Х. Тота (см. сноску 7) и "Именного
склонения в славянских языках XV-XVI вв." (см. сноску 10).

когда основа оканчивалась на ц, ж, ш (это общерусское явление), но и при других основах. Заметим только, что в "Повести о начале Печерского монастыря" он проявляется значительно слабее, чем в "Повести о Стефане Батории". Следует отметить также выдержанность форм бывших *-й-основ, но возможность колебания форм у существительных типа църки (Р.п. - -е или -и, М.п. - -е или -и и др.). Изредка встречается старая форма И.п. типа любы (истати, формы типа богъни отсутствуют). Старославянское влияние обнаруживается в довольно значительном количестве форм Р.п. типа земля (старославянское земѣ).

Ед.ч. ср.р. В М.п. почти одинаково возможными оказываются и флексия -ѣ/-е, и флексия -и/-н. Это связано не только с сравнительно частым употреблением форм типа на озерѣ (частотным в сравнении с на столи), но и с довольно частотным употреблением форм типа о времени. В связи с последним отмечается некоторое количество форм на -и в Р.п. Формы на -у/-ю в Р. и М. падежах очень редки. "Нарращение" в бывших основах на *-согл. сохраняется далеко не всегда. Отсюда в текстах параллельные формы типа телеси и телу, например, в Д.п.

Мн.ч. всех родов. В И.п. отмечено четкое противопоставление форм м. и ж.р. (-н/-и) и форм ср.р. (-а/-я). В ср.р. флексия -н/-и изредка встречается только в В.п. В м.р. наряду с -н/-и частотным оказывается еще флексия -е/-ѣ в случаях типа агаряне, мухне, угрове и под. В Р.п. В Р.п. наличествует противопоставление форм м.р., с одной стороны, ж. и ср. - с другой. В м.р. обычны флексии -ов/-ев и -ей (менее частотное), в ж.р. и ср. - \emptyset флексия. В м.р. эта флексия встречается в сочетаниях типа пять месяць, в предложных конструкциях - от латинь, ради грѣхъ, мирянъ и пр. В Д., Т., М. падежах преобладают старые формы, однако новые формы не единичны (по селам, по лесамъ, лучами, столбах и пр.). Прочно держатся формы типа детьми, пѣсньми, зверьми. Однако очень многие формы Д., Т., М. падежей повествовательных текстов свидетельствуют о том, что в живой псковской речи того времени шел активный процесс оттеснения старых форм новыми, ср. формы, нередкие даже в "Повести о Печерском монастыре": с иконы, в повѣстѣхъ, коньми.

В повестях встречается много правильных форм Зв.п.: владыко, княже и пр. Есть в их тексте также правильно образо-

ванные и употребленные формы дв.ч.: нозѣ, ногама, простираку руцѣ и пр. Часто встречаются в повестях формы с сохранением чередований заднеязычных: по бозѣ, во вѣцѣ, о грѣсѣх, на воздуѣ и пр. Категория одушевленности во мн.ч. ж.р. не развита. Старые формы типа на врагы, устроил попы встречаются и в м.р.

Очевидно, что многие из форм, встречающиеся и в повестях, и предтавленные выше, не являлись формами живой псковской речи XVI в. Многие исследователи говорят о том, что псковские повести написаны книжным языком, что можно говорить об искусственности их языкового оформления. Искусственность эту И.Х. Тот сравнивает, например, с искусственностью языка "Домостроя". Характеризуя язык "Повести о Стефане Батории", он пишет: "Диалектные особенности, обнаруженные в более ранних памятниках псковской старины, представлены повестью в незначительной степени. На этом основании мы предполагаем, что во второй половине XVI в. в Пскове употребляется такой книжный литературный язык, который впитал в себя общерусские элементы живой речи. Диалекты вытеснены из него".³¹ Мнение венгерского исследователя в целом представляется вполне оправданным, однако заметим, что сравнение приведенных выше данных о некоторой сводкой морфологических явлений, возникновение которых в период XV-XVI вв. связано с территориальным варьированием,³² позволяет констатировать следующее: из всех тех особенностей, которые предполагаются характерными для именного склонения северо-западного региона (Псков - Новгород) того периода, в языке повестей не отразились только формы типа в пустоше, в гразе и типа о руках, отражающие распад форм дв.ч.

3

Представляет интерес сопоставление флексий именных парадигм псковских текстов XIV-XVI вв. различных литературных жанров, прежде всего флексии, относящиеся к наиболее продуктивным в древности типам склонения и восходящим к бывшим основам на о, *-а, *-ѣ, с флексиями именной парадигмы условно "исход-

³¹ Тот И.Х. Указ.соч. (см.сноски 7,2), с.203.

³² Крепких Т.А. Указ.соч., с.68 и след.

ной" псковско-новгородской системы, данными современных псковских говоров и литературного языка. Результаты такого анализа, т.е. своеобразной ретроспекции и пероспективы выделенных флексий, сведены в следующей таблице.

Т а б л и ц а

Особенности именных парадигм псковских памятников XIV-XVI вв.
в сравнительно-историческом освещении

Флексии	Источники сведений										
	П-Н	Л	К	Л	К	Л	Л	К	П	ПГ	ЛЯ
	XIVв	XIVв	XVв	XVв	XVв	XVв	XVв	XVв	XVв		
I	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12
Ед.ч.м.р., И. - <u>е</u>	+	+	-	+	Р	Р	+	-	Р	-	-
" Р. - <u>у</u>	-	+	-	+	+	+	+	+	+	+	+
" Р. - <u>и</u>	-	-	-	-	-	-	Р	-	-	-	-
" Д. - <u>ови</u>	+	+	-	-	+	Р	-	+	*	-	-
" М. - <u>у</u>	+	+	-	+	+	Р	+	-	+	+	+
" М. - <u>и</u>	+	Р	-	+	-	-	+	-	Р	-	-
Р.-Д.-М. на - <u>б/-е</u> у слов типа <u>жена</u>	+	-	-	+	-	±	±	±	-	±	-
Р.-Д.-М. на - <u>н/-и</u> у слов типа <u>жена</u>	Р	-	-	-	-	±	±	±	+	-	-
Ед.ч.ж.р., Р. - <u>а/-я</u>	-	+	-	+	-	-	+	-	+	-	-
" В. - <u>а</u>	-	-	+	-	Р	+	-	-	-	-	-
Формы, отражающие распад *- <u>і</u> -основ	-	-	-	+	-	-	-	-	-	+	-
Ед.ч.ср.р. Р. - <u>и/-и</u>	-	-	-	Р	-	Р	Р	-	Р	-	-
" Р. - <u>у</u>	-	-	-	-	-	-	-	Р	Р	-	-
" М. - <u>и</u>	+	+	-	+	-	+	+	+	+	-	-
" М. - <u>у</u>	-	-	-	-	-	-	-	-	Р	-	-
Мн.ч.м.р. И. - <u>ове</u>	+	Р	-	+	+	Р	+	+	Р	-	-
" И. - <u>б/-е</u>	-	-	-	-	-	+	Р	-	-	-	-
" И. - <u>н/-и</u>	-	+	-	+	+	+	+	Р	+	±	±
" И. - <u>а/-а</u>	-	Р	-	Р	-	-	-	-	-	-	-
" И. - <u>а/-я</u>	-	-	+	-	-	+	-	-	-	±	±
Мн.ч.м.р. Р. - <u>ѣ/-ѣ</u>	+	+	+	+	+	Р	Р	+	Р	*	Р

I	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12
Мн.ч.м.р.Р.-ов/-ев	-	Р	-	±	±	+	±	Р	+	+	±
" Р.-ои	-	Р	-	Р	Р	Р	±	Р	Р	Р	±
Д.,Т.,М.-ам-ами-ах	о XIII в.										
	-	Р	Р	Р	Р	Р	+	Р	+	+	+
	+										
Мн.ч.м.р.,В.-б/-е	-	-	-	-	-	Р	-	-	-	-	-
" В.-А/-а	-	-	-	-	-	-	-	Р	-	-	-
" Т.-ьми	-	Р	-	-	-	-	-	-	-	-	-
" М.-ох	-	Р	-	-	-	Р	-	-	-	Р	-
Мн.ч.ж.р.,И.-б/-е	-	-	-	-	-	+	-	-	-	-	-
" И.-А/-а	-	Р	-	-	-	-	-	-	-	-	-
" Р.-ои	-	Р	-	-	-	-	Р	-	-	-	Р
Д.,Т.,М.-ам-ами-ах (бывшие * -у основн)	-	-	-	-	-	-	Р	-	Р	+	+
Мн.ч.ср.р.,И.-н/-и	-	-	-	Р	-	Р	-	-	-	+	-
" Р.-ои	-	Р	-	-	-	-	Р	-	-	Р	Р
Д.,Т.,М.-ам-ами-ах	-	-	Р	Р	Р	Р	Р	-	Р	+	+
Мн.ч.ср.р.,В.-н/-и	-	-	-	Р	Р	Р	-	-	Р	+	-
Правильные формы зв.п.	с XIV в.	-	+	+	-*	-*	-	-	+	+	-
Правильные формы дв.ч.	о XIII в.	-	+	+	-*	-	-	-	+	+	-
Чередования типа к/ц в основе слова	о XIV в.	-	-	-	-	-	-	+	+	-	-
Категория одуше- вленности	с XIV в.	±	±	±	±	±	±	±	±	+	+

П р и м е ч а н и е. В таблице приняты следующие условные обозначения: П-Н - данные условно "исходной" псковско-новгородской парадигмы, Л - псковский летописный текст, К - псковские конфессиональные тексты, Д - псковские деловые тексты, П - псковские повествовательные тексты, III - данные современных псковских говоров, ЛЯ - данные современного русского литературного языка; + (плюс) - указанная форма наличествует, - (минус) - указанная форма отсутствует ("отсутствие" флексии может объясняться различными причинами, в том числе и недостаточ-

Представляется, что на основе изложенных выше сведений можно сделать следующие замечания о характере тех особенностей псковского именного склонения, которые нашли отражение в памятниках, привлеченных для исследования:

I. Вся совокупность флексий, представленная выше и составляющая, по нашему мнению, специфику именного склонения псковских письменных памятников XIV–XVI вв., представляет собой очень своеобразный "набор" флексий старого оклонения и флексий развивающейся системы склонения. Этот "набор" не является "набором" специфически псковским, не отражает полностью всего того, что существовало в именном склонении живой псковской речи того периода, однако в то же самое время отражает те основные процессы, которые уже шли или получили развитие в русском именном склонении (например, взаимодействие форм твердого и мягкого вариантов, унификация флексий в различных падежах мн.ч. и т. д.), и дает возможность наблюдать их развитие.

II. "Расположение" описанных выше особенностей в различных памятниках письменности, с одной стороны, свидетельствует о действительном развитии или, наоборот, свертывании того или иного явления, но, с другой стороны, это "расположение" явно обусловлено требованиями сложившейся или складывавшейся литературной традиции, личностью создателя (автора или переписчика) и т.п. В этом плане обращает на себя внимание меньшая архаичность конфессиональных текстов XIV в. в сравнении с такими же текстами XVI в., строгое следование определенным принципам отбора языковых форм в повествовательных текстах XVI в. Учитывая постепенность складывания этого принципа, следует также обратить внимание на относительно небольшое количество в псковской письменности старославянских именных обра-

ностью материала), Р – названная форма хотя и встречается, но не обладает большой продуктивностью,* при знаках + и Р означает отсутствие первоначальной специализации формы, при знаке –, наоборот, указывает на наличие лексической ограниченности (специализации) отдельных сохранившихся старых форм, ± названная форма встретила не во всех привлеченных для исследования памятниках (т.е. названная форма может реализоваться и не реализоваться).

зований. Конфессиональные тексты XIV-XV вв. выделяются отсутствием многих флексий, отмеченных в летописных и деловых текстах. По-видимому, действительно деловые тексты XV в. отличаются простотой и разнообразием флексий, ближе отражают ситуацию обиходной речи, но не надо думать, что сама эта обиходная речь в морфологическом отношении была чем-то исключительным и экзотическим, оторванным от общеславянских тенденций. Множество разных флексий в деловых памятниках могло быть и следствием отсутствия строгих норм в самом жанре, невосприятия его как особого типа литературного текста.

III. Представляется, что собственно диалектными в тот период развития языка было не наличие или отсутствие той или иной флексии (кстати, флексия -е в И.п.ед.ч.м.р. вряд ли является собственно посковой, как считают некоторые исследователи: она малочастотна в первых памятниках Пскова, кроме того, следует учитывать, что иллюстрировать ее примерами типа господине невозможно), а количество и качество ее употребления. Однако и в этом случае иногда назвать то или иное явление собственно диалектным, например псковским, нередко оказывается затруднительным. Например, в летописных текстах XVI в. унифицированных форм Д., Т., М. надежей значительно больше, чем в Московской летописи того же периода, они есть в псковской летописи XVI в. даже в бывших *-i-основах. Можно поэтому предположить наличие, хотя бы и временное, такой псковской диалектной черты, однако можно предположить в этом случае и просто существование определенной псковской или московской литературной традиции. Монографии "Именное склонение в славянских языках XI-XIV вв." и "Именное склонение в славянских языках XV-XVI вв." убедительно свидетельствуют, что самые, казалось бы, местные и диалектные с современной точки зрения формы были известны большинству славянских памятников. То, что нам сейчас представляется диалектным в сравнении с литературной нормой, не было таким в эпоху средневековья. Для эпохи средневековья понятие "диалектное" отнюдь не является синонимом понятий "местное", "локально или ареально ограниченное". В современных говорах нет никаких форм, которых не было в памятниках XIV-XVI вв., а в посковых памятниках средневековья нет никаких особых своих флексий, ко-

торых не было бы в текстах других славянских территорий и школ. Более того, в памятниках есть флексии, которых современное псковское наречие уже не знает.

IV. Каждую особенность современного именного склонения можно свободно "вывести" из той системы (или систем) склонения, особенности которой были описаны в данной статье. Каким же был язык Пскова в морфологии именного склонения в XIV, XV и XVI веках? Он не был един, существовал в разных типах речевых ситуаций, в различных типах текстов, и в этих памятниках язык Пскова XIV-XVI вв., сохраняя все сильные праславянские элементы, был таким, каким он и описан выше. В морфологии нет никаких оснований для традиционного противопоставления истории языка по письменным памятникам и по диалектным данным.

Л.П.Михайлова, Н.А.Черасова

УКАЗАТЕЛЬНЫЕ СЛОВА С НАЧАЛЬНЫМ Э- В РУССКИХ ГОВОРАХ КАРЕЛИИ И СОПРЕДЕЛЬНЫХ ОБЛАСТЕЙ

Система указательных слов, включающая местоимения, частицы, наречия, является замкнутой в литературном языке, ограничиваясь определенным набором конкретных лексем, не пополняясь новыми элементами. В говорах, знающих только устную форму речи, не регламентированную строгими нормами, состав указательных единиц выглядит иначе. Говоры характеризуются более богатыми средствами выражения указательного значения, возникающими за счет широкой вариантности и образования новых средств обозначения. В диалектах, развивавшихся своеобразными путями, возникает разветвленность лексико-грамматических разрядов, в частности, указательных местоимений, частиц, местоименных наречий. Об этом свидетельствуют работы ряда ученых, среди которых можно

выделить П.Я.Черных,¹ И.А.Попова,² И.С.Меркурьева,³ Г.Я.Симину.⁴

Противопоставление говоров в совокупности конкретных диалектных систем литературному языку в целом усиливается в количественном и качественном отношении за счет всевозможных видов диалектных лексических различий, богато представленных на относительно обширной территории русокого языка. В понимании вариантов, непосредственно связанных с типами диалектных лексических различий, мы следуем за Ф.П.Филиным, выделяющим варианты фонетические, морфологические и возникшие в результате народной этимологии.⁵

Предметом нашего исследования являются указательные слова, включающие в свой состав начальное дейктическое *э-*, возникшее в эпоху распада общеславянского языка в результате утраты придыхания (из *hě-*) в южнославянских языках и великорусском

¹ Черных П.Я. Местоименные формы "эвтот", "энтот" и т.п. — Докл. и сообщения филол. ф-та Моск. ун-та, 1949, вып. 8, с. 50-57.

² Попов И.А. 1) Сложные наречия в говорах русокого языка (наречия, образовавшиеся от именных словосочетаний с местоимениями *сний* (онъ), *тот*). — В кн.: Слово в русских народных говорах. Л., 1968, с. 161-180; 2) Наречия со значением 'недавно, некоторое время тому назад' в русских народных говорах. — В кн.: Диалектная лексика. 1975. Л., 1978, с. 146-163; 3) Наречия со значением 'давно', 'прежде' в русских народных говорах. — В кн.: Диалектная лексика. 1977. Л., 1979, с. 72-89.

³ Меркурьев И.С. Указательные местоимения в мурманском говоре. — В кн.: Программа и краткое содержание докладов к X научно-методической конференции Северо-Западного зонального объединения кафедр русского языка пед. ин-тов, ч. II. Л., 1968, с. 102-104.

⁴ Симина Г.Я. 1) Особенности указательных слов в севернорусских говорах. — Там же, с. 72-74; 2) Особенности системы указательных слов в севернорусских говорах. — В кн.: Вопросы изучения лексики русских народных говоров: Диалектная лексика. 1971. Л., 1972, с. 127-136.

⁵ Филин Ф.П. 1) Проект "Словаря русских народных говоров". М.; Л., 1961, с. 34-38; 2) О лексикализованных фонетико-морфологических вариантах слов в русских народных говорах. — В кн.: Лексика русских народных говоров: Опыт исследования. М.; Л., 1966, с. 27-34; 3) О слове и вариантах слова. — В кн.: Морфологическая структура слова в языках различных типов. М.; Л., 1963, с. 132-133.

языке,⁶ их функционирование на территории русских говоров Карелии и сопредельных областей. Анализу подвергаются материалы, хранящиеся на кафедре русского языка Ленинградского университета.

В системе указательных местоимений, отмеченных в исследуемой диалектной зоне, стержневыми выступают общеупотребительные тот, этот, такой, сохраняя семантическое ядро, известное литературному языку: 'общее указание на предмет, выделение данного предмета из других однородных' или 'указание на признак, свойство предмета'. Литературный язык кроме названных указательных слов располагает очень незначительным рядом дополнительных единиц ограниченной сферой функционирования: таковой, этакий - эдакий, экий - экой, сей и оний. В КСРГК зафиксированы следующие местоимения, соответствующие по своей семантике исходному этот (етот):⁷ его фонематические варианты э́тот, э́фот, э́лто, э́т-тот; морфологический вариант э́тнй и новообразования э́ттаковнй, э́тамнй, э́тамотнй, э́тосэ. В этот же ряд должно быть включено и местоимение эсвой.

Местоимение этот употребляется во всех современных говорах.⁸ Его варианты со вставными согласными (э́фот, э́нтот и др.)⁹ бытуют в южнорусских, среднерусских и севернорусских говорах. На них указал как на особую черту олонечского наречия П.Н. Рыбников,¹⁰ форма э́стой зарегистрирована Словарем Куликовского, обнаружены эти местоимения и на территории бывшего Никольского у. Вологодской губ.¹¹ П.Я. Черных заметил, что говоры, имеющие местоимения э́фот, э́нтот и др., не составляют компактной массы, а разбросаны на территории севернорусского наречия.¹² Эти

⁶ Ф о р т у н а т о в Ф.Ф. Избранные труды, т.2. М., 1957, с.218.

⁷ Поскольку в статье рассматриваются лишь образования о действительном э-, местоимения тот, такой не анализируются.

⁸ С и м и н а Г.Я. Особенности указательных слов...с.72.

⁹ Ч е р н ы х П.Я. Указ.соч.

¹⁰ См.: М е ш е р с к и й Н.А. К изучению русских народных говоров на территории Карельской АССР.- Учен.зап.Карельск. пед.ин-та, 1963, т.ЛШ, с.112-130.

¹¹ Ч е р н ы х П.Я. Указ.соч., с.51.

¹² Там же, с.53.

местоимения не обнаружены в ряде других райснгов севернорусского региона.¹³ Отсутствие их рассматривается как одно из доказательств того, что местоимение этот для севернорусской диалектной зоны не исконно, а вторично: оно пришло в говоры под влиянием литературного языка, влившись в старую диалектную систему указательности.¹⁴ Может ли наличие данных форм, отражающих результат лексико-синтаксического процесса перехода сочетания слов в целостную лексическую единицу, быть аргументом в пользу вторичности местоимения этот в севернорусских говорах? Думается, что только косвенно. "Употребление э с местоимениями (этот, этакий, экой) издавна составляло особенность некоторых говоров на севере".¹⁵ Местоимение этот возникло в народной речи и из нее, "проникая в речь деловую, постепенно стало весьма употребительным... стало нормальным явлением нейтральной речи XVIII века".¹⁶ Формы же э́тот, э́нтот и др. вторичны по отношению к местоимению этот. Они, первоначально, по-видимому, очень долго державшиеся в Москве, получили широкое распространение на периферии, в говорах "мещанства", а в диалектах в новое время стали принадлежностью высокого стиля деревенской речи".¹⁷

Зонай функционирования местоимений с вставочными согласными в обследованных районах Карелии и сопредельных областей в настоящее время оказывается главным образом южная часть Медвежьегорского р-на КАССР — Заонежский полуостров, расположенный в северо-западной части Онежского озера. Считается, что в говоре может быть налицо лишь какой-нибудь один из возможных вставочных согласных.¹⁸ В заонежском говоре отмечены две формы, но изоглосса каждой имеет строгую локализацию: э́тот (Медв. Ламбасручей, Заюгино, Бережная, Габ-Новолок, Челмужи); э́нтот

¹³ С и м и н а Г.Я. Особенности указательных слов... с.74.

¹⁴ Ч е р н ы х П.Я. Указ.соч., с.55.

¹⁵ Там же.

¹⁶ Ф е д о р о в а М.Ф. Лексико-грамматические очерки по истории русских местоимений. Воронеж, 1965, с.84.

¹⁷ Ч е р н ы х П.Я. Указ.соч., с.54.

¹⁸ Там же.

(Медв. Шуньга, Типиницы, Узкие, Речка).¹⁹ В Заонежье отмечена и необычная форма э́тот (Медв. Русиновская). Кроме Заонежья форма э́тот отмечена в подпорожских (Грибановская) и пудожских говорах (Авдеево), э́нтот — беломорских (Нхчча).

В говорах, как и в литературном языке, довольно четко проходит семантическое разграничение тот — этот по признаку близкий — далекий в пространственном и временном отношении, поэтому и варианты местоимения этот указывают своим значением на что-нибудь, находящееся в непосредственной близости к говорящему. Такое значение свойственно форме э́тот: В э́том поселке давно (Медв. Ламбасручей); Валька в воскресенье в э́тое была, только не зашла (Подп. Грибановская); В другом мисяце должна приехать, не в э́том еще (Медв. Габ-Наволоки). Эту же семантику имеет и вариант с двойным согласным э́тот: Э́то озеро и Полиское, дак меш ними межозерье, место такое (Медв. Керака); Кятка не луда, матера, рецка там выпадат в море, Рыпка называется, пот Кяткой залиф, вот как э́тта губа (Кем. Гридино). Аналогичное значение и у местоимения э́ттаковный, получающего в употреблении нарушенное согласование: В э́ттаково дом зайдите (Медв. Типиницы). Общим указательным значением обладает и слово э́тось, образованное известной диалектным наречиям постпозитивной частицей -сь. Производная единица явно выпадает из грамматической системы местоимений своей неизменяемостью: А вот уш писнячи пойдут, а э́тось году не шли (Карг. Новгородово).

Вариантные формы э́тот — э́нтот обладают также значением указание на предмет, выделяемый из числа других: Э́нту лошадь Комар зовут (Медв. Шуньга); Фсё равно в э́то ухо не слышу (Медв. Бережная); Если есть у нее сестра, она приезжает в э́тот дом и плачется, приглашает (Медв. Челмужи). Форма э́нто употребляется в предметном значении, выполняя функцию существительного: Э́нто есть навага (Белом. Нхчча). Местоимение может быть осложнено постпозитивной частицей -то: Э́нто-то что тут? (Медв. Речка).

¹⁹ П.Я. Черных отмечает, что в южнорусских говорах употребляется только вариант э́нтот, а к северу от Москвы — э́вот (в:ф) (см. там же, с.52-54).

Как и у местоимения этот, у его диалектных вариантов развилась релятивно-указательная функция, когда местоимение соотносит предметы в речевом потоке и, обобщая, обозначает упомянутое в предшествующем контексте: Были у нас миски такие, большие, и селли кушать, и снаряд германский прилетел прямо в облодо в это (Медв. Закогино); Хоуки, эти места болят (Медв. Габ-Наролок). Только в данном значении отмечена форма эптот: А раньше ис холста фоэ шили, в эптом больше и ходили (Медв. Русиновская).

Указательная семантика в ряде случаев осложняется эмоционально-экспрессивными оттенками. С помощью местоимения говорящий выражает неодобрительное отношение к предмету, лицу: Энти хозяева самы в домотканых потитанниках жарят от солнца до солнца (Медв. Узкие) — или эмоционально усиливает, подчеркивает предмет речи: Так вст и осталась с эсвой пензией (Медв. Бережная).

Новообразование этамний отмечено со значением 'указание на предмет, выделяемый среди других': У нас в этамной деревне, Ярцево-то, много пели (Пуд. Каршево); Бомба упала на этамний рассадник (Энт. Кириллово). Указательно-выделительное значение у местоимения этамотний осложняется эмоциональным оттенком: Дефки, я бы погуляла с этамотним пареньком (Пуд. Погост). Значение 'указание на предмет, лицо, выделяемое из числа других', а также некоторая эмоционально-усилительная окраска свойственны и морфологическому варианту этий: Так этая бапка ее наладила (Медв. Лахново): Да на это хозяйство глядишь-глядишь (Медв. Сенная Губа); Были болезни этые (Подп. Грибановская); А когда ночь там этая, свет кругом (Новг. Русса).

Система указательных местоимений, обнаруживающих в себе общезычковое значение 'такой', представляет собой в исследуемом регионе несколько фонетико-морфологических групп, дифференцированных по общности корней: I. Этакий — эдакий — эттакий — эакий — эндакий; эдаконький — эдачкий — эданький; II. Элакий — элакой — эталакий; III. Экий — экой.

В литературный язык как стилистически сниженные в сравнении с общеупотребительным такой входят лишь местоимения этакий — эдакий и экий — экой. Остальные из отмеченных принадлежат

диалектной среде. Наиболее частотным и имеющим широкую территорию распространения оказывается диалектное (Фасмер, ТУ, с.514) эдакий — эдакой (отмечено в 20 районах, 49 пунктах).

Семантика местоимения эдакий в говорах, существенно не отличаясь от общезыковой, оказывается несколько шире: олово часто замещает местоимение такой, которое в литературном языке богаче, чем эдакий. Эдакий совмещает в себе два основных значения — указательное и определительное. В указательном значении эдакий ориентирует на качество, свойство, равное тому, о чем говорилось ранее: Эдаки случаи бываю^т (Медв. Кераса); Раньше ведь и простыни эдакие держали (Плес. Федотово). Оно может указывать на качество, которое выделяется, подчеркивается: Эдакие цветы пуговицам зовут (Баб. Агенино); Эдаких грибов не брали (Лод. Янгиничи); Раньше играли не эдак софсом, мотив не эдакой был (Чер. Павлоково). С этой семантикой местоимение употребляется на территории Карельской АССР — в Конд. Пуд., Медв., Кем. р-нах; Вологодской обл. — Баб., Выт., Чер., Чаг.; Архангельской — Онеж., Плес., Карг.; Ленинградской — Волх., Лод., Подп.; Новгородской — Чуд.; Мурманской — Тер.

Выступая в определительном значении, эдакий указывает на большую силу проявления какого-либо качества, свойства. В связях с существительным местоимение имеет увеличительное значение: Эдакой скирд был накладен! (Онеж. Лямца); Кошница эдака в дом стучится (Подп. Гонгиничи); С эдакой-то котомкой да в эдакие-то волока идёшь! (Медв. Типиницы); Ваш-то дом на эдаком прибое, на ветру, вот и холодно (Конд. Гангозеро). Данное значение отмечено в говорах Карельской АССР — Медв., Конд. р-ны; в вологодских — Чер., Кирил., Баб.; новгородских — Пест., Чуд.; архангельских — Карг., Онеж.; ленинградских — Кирил., Лод., Подп. р-ны. В связях с прилагательным эдакий приобретает наречное значение 'очень', 'отоль': Эдакая светлая клеёнка пачкается (Чер. Музыка); Трава-то эдакая длинна (Лод. Шаппа); Эдакие мялки были тяжёлые (Чаг. Середка); На доске был эдакой большой камень (Прион. Кончезеро). Наиболее широко распространено данное значение в говорах КАССР — Медв., Прион., Пуд., Белом.; отмечено также в ленинградских — Лод., Подп.; вологодских говорах — Чаг., Чер. р-ны. Употребляется эдакий с реля-

тивным оттенком в сочетании с предшествующим вопросительным местоимением: Этти я Лизы сказала, какой Николай худой у ты, не знаю, по эдакое? (Прион. Лехнаволск). В лодейнопольских говорах местоимение эдакий употребляется в обобщенном значении, заменяя необходимую развернутую характеристику кого-либо: Друг другу говорят: "Я эдакое, а я эдакое" (Лод. Явшеницы). Своеобразное употребление представлено в следующем контексте: Поговорим о таком и с эдакими людьми (Медв. Шуньга). В литературном языке нет оппозиции такой – эдакий, аналогичной тот – этот. В говоре, как видно из текста, эти указательно-определятельные местоимения получают значение противопоставленности. Эдакий в ряде говоров имеет предметно-указательную семантику, близкую местоимению этот: Эдакий пороенок наш плохо растет, прошлогодний был лучше (Прион. Яллуба); Натянут эдаку замшу-то (Медв. Типиницы).

Местоимения этакый – этакой получают меньшее распространение в говорах (отмечены в 9 р-нах, 13 пунктах). Семантически слово не отличается от эдакий. Оно имеет указательное значение: У меня был не этакый самовар (Пуд. Песчаное); Купила ему рубаху с этаким рукавом (Лод. Надпорожье), а также и определительное, выступая чаще в связях с прилагательным: Этаки бабы ядрёны (Карг. Астафьево); А апельсины были, дак вот этаки большие (Пуд. Сумозеро). Это значение отмечено на территории Ленинградской обл. – Лод., Подп.; Вологодской – Чер., Кирил.; Мурманской – Тер. р-н. Реже этакый определяет существительное: В этаку он пору удить уйдёт (Пест., Устичкое); Этака школа была, она из дерева была сделана (Медв. Комозеро). Единичны зафиксированные в шексинском говоре вариативная форма эакий: Эакой большой, а Фое учится; Эакая мода стала (Пограево) – и эндакий – в лодейнопольском: Это чьи эндакие пальчики? (Надпорожье). Оба варианта имеют определительное значение.

От местоимения эдакий в говорах с помощью уменьшительных суффиксов -оньк-, -к- образованы эдаконький, эдачкий, эданький, семантически близкие к такой, но о ком-, чем-нибудь маленьком: А был Павлик эданькой, хотел за нашей оходить, дак вистегали, дак кровь бежала (Подп. Хевроньино); У нас трафика эдачкая маленькая (Пуд. Гакутса); Ах ты, свинья эданькая, как тебе не стыдно! (Пест. Устичкое). Наблюдается своего рода "со-

гласование" по смыслу: малое — предмет — получает и уменьшительные определяющие его слова. В последнем случае, очевидно, смягчается бранная экспрессия.

Варианты элакий — элакой — эталакий зафиксированы только в говорах Белозерья: кирилловских — Филино, Тимонино, Колесово, Высокая Гора; вавжинских — Остров, Троицкое и белозерских — Буброво. Новых значений, отличающихся от семантики остальных местоимений, эта группа не имеет. Преобладающим оказывается указательное значение: Нет элаких болот не бывало, чтобы зги-нуть (Колесово); Карманы больно низко, дак элака мода (Троицкое); Элаких песен не любят (Буброво). То же значение и у формы эталакий: Калитка что ротулька, эталакая лепёшечка (Троицкое). Определительно-увеличительное значение совмещается с элакий с уточнительным: Криночка небольшая элакая, молоко цедить в ней хорошо (Тимонино); У меня дак мыши и крысы были, а теперь-то ни мыша, никого нет, хвосты у них вот элаки тоненькие (Остров).

Из вариантов группы экий — экой и их усеченных форм эко — эка — эки большим ареалом распространения отличаются последние. Вся группа оказывается стилистически более яркой, чем остальные местоимения. Употребление отдельных ее форм, особенно усеченных, окрашивает речь эмоционально-экспрессивными оттенками. Свообразны эти варианты и в семантическом отношении: в них совмещаются отдельные значения, свойственные общеупотребительным местоимениям какой и такой. Следует отметить прежде всего способность этих форм выражать эмоциональную оценку восхищения, удивления, возмущения и т.п.: Эки мужичинки-то, высокие, хороши! (Карг. Масельга); Эво, эка сила здынет на здн! (Чар. Низ); Эка мужичина, да маленько недослышит (Онеж.Пянтино); Эку проминашку делают! (Медв. Типиницы). Местоимения этой группы могут иметь определительно-усилительное значение, отмеченное у слова эдакий: Толь экой горящей! Охти мнеченько! (Онеж. Тамица); Эку грязну ф телевизоре показывали (Карг. Лехмозеро); Эки воды большие, дак поди найди утопленника (Пуд. Сумозеро). Отмеченные значения довольно широко распространены в каргопольских говорах: Орлово, Лехмозеро, Кононово, Каласниково, Мосеево, Абакумово, Тихмоньга, Осетино, Хардушино, Шушерино;

а также в плесецких и онежских говорах. Встречаются и в Карелии — Пуд., Медв.; Вологодской обл. — Кирил., Чаг. р-ны.

Значение усеченных форм оказывается нередко близким к семантике усилительных частиц, следствием чего становятся затруднения в их разграничении: э́ка бродня, долго ходила! (Тихв. Пяхта); э́ка карнава, разворотила всё (там же). Допустимо видеть в э́ка и местоименную форму (какая бродня), и частицу (вот бродня). Группа местоимений э́кий — э́кой обладает и собственным указательным значением, о теми же оттенками, что и местоимение э́дакий: Не э́ки пороги есть (Белом. Нихча); Колоть? Да э́кие не колот (Карг. Мосеево); Вот и я э́ка, в него, в дедушку (Кирил. Захарьино).

В кирилловских говорах отмечена своеобразная форма э́кити-то: А вот уж как э́кити-то стали подрастать, так тут-то и хватило горя (Ивачево). Новообразование возникло путем присоединения к корню двух частиц — диалектной -ти и общенародной -то. Ср. эттака-то в значении 'здесь'.

Среди указательных частиц с начальным дейктическим э- наиболее частотными являются э́ва, э́во, относящиеся к просторечным в современном русском языке (ССРЛЯ, т.17, стр.1713). В русских говорах рассматриваемого региона э́ва, э́во не отличаются значением от общеупотребительного, выполняя функцию указания на наличие какого-либо предмета в некотором отдалении; они служат также для выражения сильного удивления, приближаясь к междометию: Да э́во плат-то, э́во! (Плес. Вершинино); Э́во палатка повешена, никак цыганы?! (Кирил. Смолино); Середа сегодня, уж за́втра четверг, э́ва неделя катится! (Тихв. Пяхта). Э́ва, э́во имеет довольно широкую территорию распространения: в КАССР — в Лоух., Медв., Пуд. р-нах; в Архангельской обл. — Карг., Онеж., Плес.; Вологодской — Чаг; Новгородской — Новг., Пест., Чуд.; Ленинградской — Бокс., Волх., Кирил., Лод., Подп., Тихв. р-нах (всего отмечено в 49 пунктах).²⁰ В пестовских говорах, наряду

²⁰ Можно предположить, что слово, являясь общенародным, бытует во всех исследуемых говорах. Отсутствие же его в КОРГК может быть объяснено тем, что собиратели фиксируют лексику для дифференциального словаря.

с основным, отмечен фонетический вариант эо с указательным значением: Я фялчу эту лампочку, эо, да и светло (Поэт. Богослово).

В ряде говоров зафиксирован вариант с повторением частицы, что вносит дополнительный эмоционально-экспрессивный оттенок, при этом указательное значение может сохраняться: Эво-эво, этим снуём (Плес. Конево). Однако чаще эво-эво служит для выражения изумления, удивления: Эво-эво! Гли-ко, бык идет! (Лод. Ефремово); Эва-эва откуда приехали! (Чер. Ивановское); Эва-эва куда его занесло! (Тихв. Коськово). Отмечен и случай совмещения сразу двух частиц эва и во, выступающих в указательной и усилительной функциях одновременно: Эво, во разбила кучку-то, пускай посохнет (Чуд. Деревя).

Наряду с основным вариантом эва, эво рассматриваемый лексемный ряд включает и такие образования, как эвон, эвона, эвоно; эвока, эвоко; эвонто, эвонде, эвота, эвото. Просторечные частицы с элементом -н- имеют разную частотность. Вариант эвон, по данным КСРГК, можно считать основным, он представлен в говорах Белозерья - в Белоз., Кирил., Чер. р-нах; Карелии - Медв., Пуд., Архангельской обл. - Плес; Новгородской - Пест. р-не. Частица эвон в сочетании с местоимением указывает на что-либо находящееся поблизости, употребляется чаще при восклицании: Эвон каки красивы чашки мне внучка подарила, с этикеткам! (Лод. Мустиничи). Ср. также: А там эвона кая крыса сидит! (Тихв. Снопово); Эвоно у тебя что куриц-то! (Чер. Дорки); Эвоно у вас как парень-то работает! (там же). Фиксации вариантов эвона, эвоно ограничены единичными пунктами Тихв. и Чер. р-нов.

Эвоно́ (с ударением на последнем слове) употребляется как наречие с пространственным значением 'там, в том месте, не здесь': Эвоно́ деревня маленька, уехали фое (Плес. Усть-Пога); Жил эвоно́ на мизах (там же). Наречное значение 'там' отмечено лишь в плесецких говорах.

От эвон присоединением частиц -то и -де образовались новые слова: эвонто - указательная частица с тем же значением, что и эва, эвон, эвонде - частица в значении наречия, употребляющаяся для указания на что-либо находящееся вблизи,

‘вот здесь’. Ср.: – Где нахотели-то вы? – Эвонто где! (Чер. Енюково); Ведро эвонде возьми! (Кад. Рыконец).

Диалектными вариантами по отношению к просторечному эвот, выступающему в роли указательной частицы вот (ССРЛЯ, т.17, стб.1721), являются эвота, эвото, различающиеся одной фонемой. Они представлены в волховских и киришских говорах: эвото налито, пей с вареньем; эво, варенье привес парень (Волх. Сторожно); – Дай ножни-то! – Эвота! (Кириш. Городище); Эвота одевашка кака (Кириш. Черенцево).

Если образования эвота, эвото можно считать лексико-фонетическими вариантами к общеупотребительному эвот, то эвонто, эвонде – самостоятельные диалектные слова, различающиеся своеобразными аффиксами – бывшими частицами. Здесь мы полностью разделяем мнение Ф.П.Филина о том, что однокорневные слова с разными суффиксами при их лексико-семантическом тождестве “нельзя считать вариантами одного и того же слова”.²¹

В некоторых говорах довольно активной является частица эт-та, этто, употребляющаяся для усиления эмоциональной окрашенности содержания высказывания, соответствующая общеизвестным частицам вон, вот, ведь: Этта куды дачники ходят, туды на косячок (Прион. Суйсарь); Ты там этта не был (Плес. Уоть-Пога); Этта наладает, так не скоро и до дому добредёт (Подп. Сошницы); Нас здесь каждый гот этта топит (Онеж. Пянтино); Тут ничего этта нет (Прион. Кончезаро); У нас этта не ходят в баню (Карп. Ковжа). Отмечается и междометное употребление: Этта, костычкоф каких наловил! (Подп. Сошницы).

Между тем представлено и указательное значение частицы эт-та ‘это’: Этто фсе отол, и бес столешницы тоже стол (Онеж. Пянтино); Этта, вишь, я фсе заложю, а то ребята фсе нарушат (Плес. Майлахта); Лей, мать, баран этта (Медв. Типиницы); Вет этто не реку переехать, а залиф, море (Кем. Гридино). Частицы этта, этто имеют место в говорах Прион., Медв., Кем., Плес., Подп., Онеж., Карг. р-нов.

Иногда довольно трудно точно установить значение слова эт-та. Ср.: Ну и ветер, этта рвет оено! (Подп. Сошницы); У меня

²¹ Ф и л и н Ф.П. О слове и вариантах слова, с.132-133.

доць, э́тта тут замужем на волости (Кем. Гридино). Возможно, здесь указательное значение осложнено синтаксической функцией: э́тта приближается к местоимению, выполняющему роль относительного слова, которое указывает на имя предшествующей части сложного предложения.

Слова э́ва, э́во и э́тта, э́тто могут быть осложнены прибавлением постпозитивной частицы -ка. В литературном языке -ка присоединяется обычно к глагольным формам для выражения приказания, побуждения к действию (глянь-ка, поворотись-ка), используется также в сложных частицах ну-ка, на-ка, полно-ка, поди-ка, пусть-ка. Круг такого рода частиц, бытующих чаще в просторечии, ограничен. Говоры располагают большими возможностями соединения элемента -ка с частицами и словами местоименного происхождения. Э́вока, э́воко 'то же, что э́ва' отмечены в говорах Лод., Подп., Плес., Чер. р-нов: Э́вока подношки, пришвица (Плес. Аершиино); Э́воко, огурцы никак не могут цвести (Подп. Грибаново); Э́вока, сам идет, и звать не надо (Подп. Сошницы). Отмеченная в подпорожских и кемских говорах частица э́ттака по значению и употреблению совпадает с э́тта: Э́ттака мой дом недалеко, з двумя половинами (Кем. Гридино); Э́ттака, у Людэ опять гости (Подп. Сошницы). Обращает на себя внимание факт употребления э́вока в наречном значении 'здесь', а э́ттака - в значениях 'здесь', 'сидя': Э́вока высоко поле е, и то брошено, четьре гектара (Лод. Ефремово); Э́ттака был скотный двор (Медв. Вырозеро); Зять-то приезжал э́ттака (Тер. Чаваньга). Необычность, нетипичность соединения -ка с частицами и наречиями э́ва, э́во, э́тта, э́тто дает основания отнести новообразования к лексическим диалектизмам.

Имеют место единичные случаи употребления частицы э́тта о постпозитивным членом -то для усиления экспрессии: Э́тта-то рядом молодых сколько! (Конд. Кулмукса); Э́тта-то одефше, как в лесу (Подп. Сошницы). И, наконец, зафиксировано соединение двух частиц -на и -то в наречии э́ттака-то 'здесь', первая из которых превратилась в часть слова, а вторая может быть свободно опущена и служит лишь для выделения важного с точки зрения говорящего слова: Сидел бы э́ттака-то, а то бегаешь, вот и не уследил (Подп. Сошницы).

В ряду просторечных частиц с начальным э-, бытующих в говорах, находятся эк, эка, эко, служащие для усиления выражения удивления, насмешки, досады (ССРЛЯ, т.17, стб.1713). Эк 'вот' зафиксировано в Карг. и Чер. р-нах: У нас эк сколько фруктоф много, и ягоды, и грибы! (Чер. Веретье). Эка, эко как фонетический вариант к эк 'вот' известно в говорах Медв., Чер., Карг., Волх. р-нов. В кемских говорах отмечена частица эттак, употребляющаяся для подчеркивания существенных свойств предмета: Одеяло так тыкущее, будто шерстяно, бес пододеяльника тычет, а эттак мягкое (Кем. Гридино).

Как видим, некоторые частицы легко приобретают наречное значение: эвоно 'там', эвонде 'вот здесь', эвока 'здесь', этта 'здесь', 'сюда'. Таким образом, появляется омонимия в пределах местоимений, частиц и наречий. Более ярким примером омонимии на рассматриваемой территории являются эк, эка, эко. Эти слова широко известны на севере как усеченные формы местоимений и наречия, а не как частицы. В роли наречия эк выступает в восклицательных предложениях в усилительном значении 'как, вот как': Эк небо-то затонуло! (Кирил. Ивачево). Эк отмечено в этой функции в каргопольских, кирилловских, медвежьегорских, онежских, подпорожских, вытегорских говорах. Вариант эк имеет и значение 'так, таким образом', являясь обстоятельством образа действия: Век-то свой и жила эк-от, и билась, фоя преби-лась, топеречи уш ничего не остаётся (Кирил. Ивачево); Ветъ мы не эк жили (Волог. Осилково). Эко известно также в значениях 'столько', 'сколько': Катъка, ты как могла эко пройти? Мы мёр-ляли граблём, дак у тебя больше (Карг. Масельга); Эко у ей обрядок-то наложено! (там же).

Семантически сложным является наречие этта с рядом пространственных и временных значений. ССРЛЯ приводит наречие этта, этто в значении 'недавно, на днях' с пометой "обл." (т.17, стб.1949), что свидетельствует о широкой употребительности данной лексики. В русских народных говорах имеется богатая группа наречий с этим значением.²² С указанной семантикой этта бытует

²² П о п о в И.А. Наречия со значением 'недавно, некоторое время тому назад'...

и в русских говорах Карелии и сопредельных областей: Белом., Кем., Медв., Прион., Пуд. - КАССР; Баб., Белоз., Волог., Вят., Кад., Чер. - Вологодская обл.; Карг., Онеж. - Архангельская, Подп. - Ленинградская, Чуд. - Новгородская, Тер. - Мурманская обл. Зафиксировано в 28 пунктах: Этта было тепло, а ночь-то нет тепла (Онеж. Пурнема); Меня этта на три рубля оштрафовали (Тер. Чаваньга); Клец этта Лунина кусиу, да свезли его в горот (Медв. Конда-Бережная); Этта в лафку привозили помидоры, скорёхонько разобрали (Чер. Харламовская). Оттенком к данному значению, отмеченным лишь в Медв., Прион., Онеж., Чер. р-нах, является 'в данный момент, сейчас, теперь': Этто я отворю потпольницу, спущу тебя (Прион. Лехнаволох); А этта уш в деревни осталась фшилова слобода, таки старушонка живут (Онеж. Унежа).

Более широкую территорию - 18 р-нов (Медв., Кондоп., Пуд., Кем., Прион., Белом., Терск., Онеж., Плес., Канд., Карг., Баб., Белоз., Вят., Кад., Кирил., Подп., Тихв.), 59 пунктов - охватывает этта с пространственным значением 'здесь': Володя фсе этта жил (Онеж. Тамицы); Надо ему там, а не этта разыскивать (Пуд. Песчаное); Он ей этта [на руке] и этта [на шее] разрезал (Баб. Верхний Конец). В д. Типиницы Медв. р-на отмечен вариант эдда 'здесь': Эдда зберут таки зборушки. В некоторых говорах - Кем., Онеж., Плес., Подп. р-ны - развилась противоположная семантика, слово этта выступает в значении 'там': Жила он этта дома (Подп. Важины); Этта тоже есть старик да старуха (Медв. Конда-Бережная).

В сочетании с глаголами движения, направления действия наречие этта обнаруживает также значения 'сюда' и 'туда'. В первом значении этта употребляется в говорах Медв., Прион., Пуд., Онеж., Подп. р-нов в отдельных пунктах: Этта зайди, не забудь, я в эфтом доме ждять буду (Медв. Конда-Бережная); Ф четвёртом доме живу, этта пришел, как в ригаче (Пуд. Песчаное). Более узкий ареал характерен для этта 'туда' - Онеж., Подп., Медв. р-ны: Иди, иди этта, в ошпной дом, не бойся (Подп. Сошницы); Этта прямая дорога, недалеко (Подп. Важины). Зафиксирован единичный случай употребления этта 'откуда': Машина пойдет, дак этта видно будет (Канд. Ковда).

Для обозначения вопроса о способе действия, в значении 'как, каким образом' используется наречие экак. Мы располагаем пока единственным примером: Экак без денег жить? Наше дело — надо распланировать пенсию (Чаг. Середка). А противоположное по семантике, "ответное" наречие находит выражение в словах эдак, этак, эттак, эттака, эттаково, элак, эталок.

В современном русском языке наречия эдак и этак находятся на периферии литературного языка, первое — просторечное и устарелое, второе — разговорное (ССРЛЯ, т.17, стб.1931). Из них на севере более широко распространено эдак 'так' (Кем., Конд., Медв. Прион., Пуд., Плес., Онеж., Карг., Баб., Белоз., Вашк., Кирил., Чаг., Тер., Тихв., Подп., Кириш. — 17 р-нов, 28 пунктов); Раньше не эдак плясали, как пойдут вытапывать, только пол дрожит (Тихв. Горка); Не плакал он никогда эдак (Прион. Лехнаволок); Вет эдак-то, девушки, некрасиво (Подп. Гонгиничи). В некоторых контекстах эдак несколько противопоставлено слову так, когда говорящий имеет в виду разное конкретное семантическое наполнение слов. Это проявляется и в выражении так и эдак 'разными способами, по-разному': И так и эдак уж загорала, а все равно белая (Подп. Сошницы); И трепали лен и так и эдак (Чаг. Середка). Ср. разговорное так и этак (ССРЛЯ, т.17, стб.1931).

Слово этак 'так, таким образом' в обследуемых говорах более редко в сравнении с эдак, отмечено лишь в нескольких пунктах Медв., Кирил., Выт. р-нов: Мужик приказал хоронить з гармонией, несите на руках и гармоней грайте, этак и делали (Выт. Ерчино). Имеет место и утвердительная частица этак: Было, этак, было (Выт. Ильино).

Образования эттакова, эттаково используются для обозначения высокой меры проявления какого-либо действия, состояния — 'так, в такой степени': Что вы эттакова копаецоь там?! Мне он, дефки, ваши годы! (Медв. Перхино). Употребления такого рода ограничены медвежьегорскими и прионежскими говорами. Кроме того, в Прионежье известно и временное значение 'в данный момент, только что': Эттакова пришла (Прион. Суйсарь).

Наречия элак, элако бытуют в том же значении, что и эдак, этак 'так', на ограниченной территории — в Белоз., Вашк., Кирил. и Волог. р-нах: Элак давно не пивали чаю (Вашк. Бердниково); Мне еще элак и лучше, не вдрук сделать (там же). Элак отме-

чено в Вашкинском р-не (Остров, Бердниково, Троицкое), в Белозерском (Ульянкино), Кирилловском (Высокая Гора, Захарьино, Козлово, Куричино), Вологодском (Осилково); вариант элако — в одном пункте: Ой, какое платье у тебя! И в Ленинграде элако шьют? Ишь на руке-то как ладно! (Кирил. Колесово). Ср. распространение на этой же территории местоимения элакий, элакой (см. с.48).

Возникновение вариантов элак, элакий — с согласным л — можно связать, по всей вероятности, с фонетическими переходами звуков [л] и [в], имеющимися в ряде северных говоров. Анализируя звук [л] в севернорусских говорах, В.Н.Теплова приходит к выводу о том, что "в процессе отхода от употребления звука [ў] в соответствии с [л], благодаря наличию звука [ў] и на месте [в], в говорах происходит некоторое изменение в фонологической системе...звук [у] в соответствии с [л] утрачивает связь с фонемой [л] и соотносится с фонемой [в]".²³ В некоторых северных говорах наблюдается [ў] неслоговое на месте [л] независимо от позиции, т.е. не только перед согласными и в конце слова, но и перед гласными: буўа.²⁴ Для слов элак, элакий можно предположить наличие более древнего, не сохранившегося сейчас варианта эвак, эвакий (ср. частицы эвака, эвако), в котором мог произойти переход [в]>[у]>[л]. "Проводником" этого явления могли послужить и частицы, имеющие с местоимениями и наречиями общее указательное значение. Закрепленность [л] только за словами элак, элакий позволяет видеть здесь лексикализацию. Указанное изменение могло явиться отражением так называемой гипернормализации, характерной для современных говоров.²⁵

²³ Теплова В.Н. Звуки [л], [л'], [у] на месте этимологического [л] твердого и их место в фонологических системах севернорусских говоров. — В кн.: Очерки по фонетике севернорусских говоров. М., 1976, с.175.

²⁴ Образование севернорусского наречия и среднерусских говоров по материалам лингвистической географии. М., 1970, с.269-270, 50-54; Русская диалектология /Под ред. П.С.Кузнецова. М., 1973, с.82-86.

²⁵ Блинова О.И. Введение в современную региональную лексикологию. Томск, 1973, с.106.

Активно́й оказывается дейктическая частица э- и в образовании наречий места: э́там, э́тама, э́тамотка 'там', э́туди 'туда', э́тут 'тут': Э́тама у ели был домик (Пуд. Пога); Я здесь живу у дочери, лони только перешла, жила э́тамотка за озером (Медв. Падмозеро). Вариант э́там 'там' отмечен в каргопольских и медвежьегорских говорах, э́тама – в пудожских, э́тамока – в медвежьегорских. Для всех характерна узко ограниченная территория. В говорах Лод. и Подп. р-нов э́там выступает в противоположном значении – 'здесь': Э́там посидит да там посидит, фое ей на месте на сидится (Лод. Ефремово); Да ён тогда ещё э́там жил, пока не женился (Подп. Сопницы). В лодейнопольских говорах обнаружен и синоним э́тут 'здесь, тут': Севец под окном посадила, э́тут (Мустиничи). Единичным является также употребление э́туди 'туда': Кни э́туди-то, пошто сюда пихаться! (Медв. Падмозеро).

Наконец, отметим довольно широкое распространение наречия э́столюк 'столько' – в Прион., Медв., Белом., Онеж., Плес., Баб., Выт., Кад., Кирил., Чер., Тер., Подп., Тихв. р-нах. По значению и употреблению оно не отличается от просторечного э́столю, э́столюк (ССРЛЯ, т.17, стб.1926).

Изучение состава, семантики, функционирования и территории бытования указательных слов с дейктическим э- позволяет утверждать, что этот разряд слов оказывается богатым средством выражения указательности на территории русских говоров Карелии и сопредельных областей. Лексические единицы с элементом э- при разнообразии фонетико-морфологических вариантов в данном регионе образуют семантические гнезда, объединяющие местоимения, частицы и местоименные наречия. Указательные слова, сохраняя семантическое ядро эквивалентов литературного языка, весьма активно функционируют, развивают своеобразные диалектные значения и дополнительные эмоционально-экспрессивные оттенки. Формы указательных слов с вставочными согласными (э́фто́т, э́нто́т и др.) в современном употреблении в говорах утратили прошлый социальный статус,²⁶ перейдя в разряд стилистически нейтральных для говоров единиц.

²⁶ Черных П.Я. Указ.соч., с.54.

БЕЗАФФИКСНОЕ СЛОВООБРАЗОВАНИЕ ИМЕН ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ
В РУССКИХ ГОВОРАХ КАРЕЛИИ И СОПРЕДЕЛЬНЫХ ОБЛАСТЕЙ

В работах современных лингвистов, как советских, так и зарубежных, большое внимание уделяется вопросу об образовании слов без специальных словообразовательных средств.¹ Данный способ, как и другие способы словообразования, сопровождается различными изменениями в слове: чередованием звуков, перемещением ударений, "усечением" части основы, изменением парадигмы. Если при образовании слов другим способом (например, суффиксальным) подобные изменения являются дополнительными, то при безаффиксном способе словообразования сопровождающие средства, как утверждают ученые, могут быть единственными. В зависимости от того, какое из этих средств является главным, рассматриваются "фонетико-морфологический",² "безаффиксный",³ "бессуффиксный"⁴ способы словообразования, "нулевая суффиксация",⁵ "парадигматиза-

¹ M a r c h a n d H. The categories and types of present-day English word-formation. Wiesbaden, 1960; D o k u - l i l M. Tvorení slov v češtině. 1. Teorie odvozování slov. Praha, 1962; В о р т Д.С. Морфология нулевой аффиксации в русском словообразовании. - Вопросы языкознания, 1972, № 6, с.76-84; К р ы л о в Н.А. Типы основ в современном русском языке. - Филологические науки, 1963, № 2, с.36; Т и м о ф е - е в К.А. О так называемом "безаффиксном" способе словообразования. - В кн.: Вопросы языка и литературы, вып.2, ч.1. Новосибирск, 1968, с.143-149.

² В и н о г р а д о в В.В. Вопросы современного русского словообразования. - В кн.: Избранные труды: Исследования по русской грамматике. М., 1975, с.155-165.

³ З е м с к а я Е.А. Понятие производности, оформленности и членности основ. - В кн.: Развитие словообразования современного русского языка. М., 1966, с.3-12; Ш а н с к и й Н.М. Очерки по русскому словообразованию. М., 1968, с.284.

⁴ Л и х т м а н Р.И. Существует ли безаффиксный способ словообразования в русском языке? - Вопросы языкознания, 1968, № 2, с.51-59.

⁵ Л о п а т и н В.В. Нулевая суффиксация в системе русского словообразования. - Вопросы языкознания, 1966, № 1, с.76-87.

ция",⁶ "конверсия".⁷ Мнения ученых разноречивы, предлагаются различные аргументации, но в то же время наблюдается стремление рассматривать изучаемое явление "под единым углом зрения"⁸

В статье используется традиционный термин "безаффиксный", включающий все разновидности анализируемого явления, и термин "нулевая суффиксация" как равноправные, равнозначные.

Изучение безаффиксного способа словообразования на диалектном материале только начинается.⁹

Цель настоящей статьи — проанализировать имена прилагательные, образованные безаффиксным способом в говорах Карелии и сопредельных областей, и выявить черты сходства и различия в их образовании между говорами и литературным языком. Материал для анализа выбран из КСРГК, а также собран самим автором в полевых условиях (более 360 слов). Анализируются качественные (их большинство), относительные (немногочисленные) и притяжательные (единичные) прилагательные, образованные при помощи "нулевого" суффикса в чистом виде и в сопровождении других способов словообразования.

Нулевая суффиксация широко используется в диалектной речи при образовании прилагательных 1) суффиксальным и 2) префиксально-суффиксальным способами при помощи нулевого суффикса.

Рассмотрим подробнее каждую из этих групп.

1. Наиболее значительно количество сложных прилагательных с нулевым суффиксом, имеющих ведущую опорную непроеизводную ос-

⁶ З в е р е в А.Д. Бессуффиксные прилагательные в восточнославянских языках. Черновцы, 1970.

⁷ С м и р н и ц к и й А.И. По поводу конверсии в английском языке. — Иностранные языки в школе, 1954, № 3, с.21.

⁸ К у б р я к о в а Е.С. Дериация, транспозиция, конверсия. — Вопросы языкознания, 1974, № 5, с.70-72.

⁹ Н е м ч е н к о В.Н. О нулевой аффиксации в системе словообразования имен прилагательных в говорах русских старожилов Прибалтики. — Диалектологическая конференция по изучению русских говоров Прибалтики. Клярику. 23-25 сент.: Тезисы докладов. Тарту, 1968, с.11-15; П а н т е л е е в а Е.М. Имена существительные общего рода: (На материале Томской и Кемеровской областей). — В кн.: Лексические и грамматические проблемы сибирской диалектологии. Барнаул, 1972, с.84.

нову имени существительного, известную в литературном языке. Прилагательные имеют значение: 'обладающий тем, что названо опорной основой и конкретизировано в первой основе сложения'. В качестве первой основы в сложных прилагательных выступают основы разных частей речи (прилагательных, глаголов, существительных, числительных): высоконосый 'гордый', востроголовый 'озерной', черноголовый 'смуглый от загара'; вертоголовый 'подвижный', граборукий 'неловкий в движениях'; домоносый 'длинноносый', маслоглазый 'хитрый'; однобокий 'кособокий'. Единичны сложные имена прилагательные с тремя производящими непроизводными основами: краснобелолыцый, чернобелолыцый.

Прилагательные с простой основой в подавляющем большинстве образованы от непроизводных, в большинстве общенародных основ имен существительных: жарый 'дающий тепло', ср. жар 'тепло', костый 'худощавый', гажий 'змеиный' (о месте), ср. гад 'змея', осинный 'осиновый (о лесе)', ср. осина, вдовый (о доме), много образований от непроизводных основ глагола: прихожий 'приходящий, непостоянный', ср. приходить, закутый 'закрытый'; ср. закутать 'закрыть', справый 'зажиточный', ср. справить 'приобрести что-н.'; немного отмечено прилагательных с производящими наречными основами, производными и непроизводными: никуда 'плохой', ср. никуда 'никуда', тутый 'здешний', ср. тут, сегодня 'нынешний'. Прилагательные с производными производящими основами имен существительных, глаголов, наречий редки, некоторые из них — основы сложных имен существительных, например: вертополохий 'болтливый', ср. вертополох 'болтун', худомный 'сварливый', ср. худоум 'сварливый человек'; отмель 'мелкий', ср. отмель, съезжий 'приезжий', навекый 'вечный', ср. навек.

2. В префиксально-суффиксальных образованиях в качестве производящей основы более активна непроизводная основа имени существительного, известная литературному языку с приставкой без- бес- со значением 'лишенный того, что названо мотивирующим словом', например: беспорый 'быстро тающий, о сахаре', беспротый 'беспомощный', безрукий 'неловкий', бескорый 'о хлебе', безработый 'безработный' и др.

В вышеназванных способах образования прилагательных преобладают в качестве производящих основы общенародные над диалектными, но в говорах они более свободно сочетаются со словообразующими суффиксами, в результате появляются слова, употребляемые только в диалектной речи: компаний (ср. в лит. компанейский), леной (ср. в лит. ленивый), забочий (ср. в лит. заботливый), престорный (ср. в лит. проосторный), нужный (ср. в лит. нуждающийся), гарий (ср. в лит. горелый), кубой (ср. в лит. круглый), скоросный (ср. в лит. быстрый), вереский (ср. в лит. жестокый 'грубый - о ткани'), ласкословый (ср. в лит. ласковый), крутоумый (ср. в лит. упрямый), большедрыный (ср. в лит. прожорливый), худоумый (ср. в лит. злой), худоязыкий (ср. в лит. картавый) и др.

Значительно в русских говорах и число прилагательных, образованных при помощи нулевого суффикса от собственно диалектных основ имен существительных: вёдрый 'ясный, солнечный', ср. вёдро 'хорошая погода', рямзый 1 'боевой, озорной', ср. рямза 'озорник', рямзый 2 'ленивый', ср. рямза 'лентяй', рофкалый 'неспелый (о ягодах)', ср. рофкаль 'незрелая ягода', звеной 'маленький', ср. звено 'крошка, малыш', мухорый 'неряшливый', ср. мухор 'неряха', пихкой 'труднопроходимый (о лесе)', ср. пихка 'чаща, густой лес'. Сложные же прилагательные в большинстве своем образованы от основ общенародных, а собственно диалектные основы единичны, причем это первые основы: басколиный 'красивый', ср. баской 'красивый', чалногий 'тонконогий', ср. чалый 'тонкий, худощавый', шимволосый 'растрепанный', ср. шмы/хмы 'волосы'. Префиксальные прилагательные + "нулевой суффикс" мотивированы общенародными основами: заглубой 'глубокий', бесперый, бесстужий 'неустойчивый (о погоде)' и др.

Прилагательные, мотивированные компаративами, также употребляются в диалектной речи исследуемых русских говоров. Они сохраняют присущее мотивирующему слову значение сравнения: больше-большой, а такие, как старший, младший, худший, имеют значение 'вышей степени проявления признака'. При образовании имени прилагательного финаль -е компаратива "отсекается": позже - позжий 1 'поздний, последний (об автобусе)'; 2) 'младший (о человеке)'.

Образование имен прилагательных с помощью нулевой суффиксации сопровождается другими изменениями в слове, а именно: чередованием согласных в основе по твердости/мягкости: болезнь-болезный; чередованием д/ж, т/ч: погода-погожий, по пути-попучий; отсечением финали производящей основы: итина-истный.

Ударение или совпадает с ударным слогом производящего слова, опорой основы сложного слова (байный, ср. байна; миллионёрский, ср. миллионёр; крутоумый 'упрямый', ср. ум), или передвигается в начало или конец слова (весный 'весенний', ср. весна, зимый 'зимний', ср. зима, заднеголовый 'высокомерный', ср. голова, воронный 'иссиня-черный', ср. ворон и др.).

В диалектной речи производные с нулевым суффиксом употребляются параллельно с суффиксальными образованиями: желтотельный и желтотельный 'смутный от загара', полнокровный и полнокровный 'крепкий, здоровый', высококривый и высококривый 'высокомерный', тверезый и тверезный 'трезвый' и др.

Таким образом, нулевая суффиксация широко используется в образовании имен прилагательных в русских говорах. Ведущей образующей основой является общенародная непроезжая основа имени существительного, опорная основа имени существительного в сложном слове. Собственно диалектные основы активно участвуют в образовании прилагательных с простой основой. Реже употребляются в качестве производящих глагольные основы и основы имени прилагательного, и совсем немного производящих наречных основ и имени числительного. Основы числительного и прилагательного активны как первые основы в сложных словах.

В диалектной речи нулевая суффиксация особенно часто используется при образовании сложных имен прилагательных суффиксально-сложным способом: лятиконосный 'о человеке о приплюснутым носом', пестророжий 'вонючатый', мокрогубый 'пьяный', сухогорлый 'о человеке с плохим аппетитом', слизкоязыкий 'лживый'.

Образование имен прилагательных при помощи нулевой суффиксации в диалектной речи осуществляется по тем же законам, что и в литературном языке. Среди производных преобладают разряды качественных имен прилагательных, единичные примеры соста-

вляют производные с относительным и притяжательным значением. Особенным является характер словообразовательных отношений между производящей и производной основами, иная сочетаемость словообразовательных компонентов в диалектной речи: глуховоротный 'о платье с глухим воротом', четвероугольный (лит. четырёхугольный). Безаффиксных образований в говорах больше, чем в литературном языке, от литературных слов они отличаются как по структуре, так и по семантике: подхожий 'умеющий ладить с людьми', ядроглазый 'о человеке о большими глазами', сорокоуемый 'непостоянный, нестойкий (о человеке)', хитроумный 'сложный (об узорах)'.

В отличие от литературного языка в диалектной речи нулевая суффиксация продуктивна.

Ю.И.Чайкина

НАЗВАНИЯ ЛИЦ ПО РЕМЕСЛУ И ЗАНЯТИЯМ
В ДЕЛОВОЙ ПИСЬМЕННОСТИ РУССКОГО СЕВЕРА XVI-XVII вв.
(на материале приходо-расходных книг Кирилло-Белозерского
и Спасо-Прилудского монастырей)

В последние десятилетия внимание языковедов все более привлекает деловая письменность среднерусского периода. Вызывает значительный интерес историко-стилистический аспект изучения деловых источников, не менее перспективно исследование их со стороны лингвистической содержательности и информативности.¹ Не утратило актуальности изучение деловой письменности XVI-XVII вв. и с точки зрения отражения в ней особенностей народно-диалектной части, поскольку, по словам В.В.Виноградова, "письменно-деловая речь... одним краем касается литературного языка, а другим уходит в гущу народно-разговорной диалектной

¹ Д е р я г и н В.Я. Русская деловая речь на Севере в ХУ-XVII вв.: Автореф. докт. дис. М., 1980; К о т л о в С.И. Лингвистическое источниковедение и история русского языка. М., 1980.

речи".² Исследование деловых документов XVI–XVII вв. в плане отражения в них особенностей диалектной речи дает возможность затронуть многие нерешенные вопросы истории русского языка, и в частности вопрос о диалектном членении языка великорусской народности.

По мнению историков, в XVI–XVII вв. в Русском государстве наблюдаются значительные экономические сдвиги, активно развиваются и укрепляются ремесла и промыслы. Отличительной особенностью ремесла в этот период явилась "его большая дробность, наличие в нем очень мелких специальностей".³ Расцвет промыслов и ремесел, появление новых, сравнительно узких специальностей не могли не отразиться на словарном составе русского языка данного периода. Бурное развитие производительных сил способствовало активному формированию общерусских и локальных инноваций.

Деловой язык являлся одной из функциональных разновидностей (стилей) народно-литературного языка.⁴ Естественно, что обращение к активным источникам XVI–XVII вв. позволит пролить свет на процессы формирования русского литературного языка в начальный период его развития. Среди разных жанров деловой письменности наибольшей близостью к народно-диалектной речи отличаются хозяйственные книги крупных вотчин (в том числе и монастырских).

Предметом настоящего исследования явилась профессиональная лексика – названия лиц, занятых в кузнечном, бочарном и строительном деле, – в хозяйственных приходе-расходных книгах XVI–XVII вв. северных монастырей – Спасо-Прилуцкого и Кирилло-Белозерского.

Человек, занятый кузнечным промыслом, не имел единого, устойчивого наименования. К названиям с более общим значением

² Виноградов В.В. Основные проблемы образования и развития древнерусского литературного языка. М., 1958, с. III.

³ Бахрушин С.В. Предпосылки всероссийского рынка в XVI в. – Научные труды, 1952, т. I, с. 29.

⁴ Виноградов В.В. История русского литературного языка. – В кн.: Избранные труды. М., 1978, с. 106.

относились кузнецъ, прѣнный мастеръ и котельникъ. Самым активным является общеупотребительное слово кузнецъ: Зубил кузнец 34 серпы, дали от дела 5 алт. (РП, 1585 г. - ВХК, I, 29); Дѣлал Ферапонтовский кузнец Ивашко Пухта 20 коо горбуш (РК-БМ, 1606 г. - Ник.). Кузнецъ - восточнославянское образование, И.И. Срезневский фиксирует его в памятниках XI в. (Срезневский, I, 1360). Особая группировка мастеровых-кузнецов существовала в Киеве в XII в.⁵ Значение устойчивого сочетания прѣнный мастеръ близко слову кузнецъ. В ряде случаев данные термины отождествлялись: Тотемские ооли посатікой человек пренной мастер кузнец Купреян Дмитреев сын Рохлецов дал вкладу 5 руб. денег (ПС-ПМ, 1577 г. - ВХК, II, 292). Котельникъ в значении 'кузнец' употребляется эпизодически, последовательнее все же это слово выступает в значении 'работник, который делает или чинит котлы': Ширяю Котельнику дал от подѣлки пол полтины, подѣлал котел большой квасной. Михалку кузнецу от дѣла 4-х терпугов дал 4 деньги (РК-БМ, 1567 г., л.12 об. - Ник.). Вместе с тем различие в семантике этих слов в ряде контекстов стирается. Ср., например: Два казака з белозерским кузнецом подѣлывали котел ... квасной (РК-БМ, 1581 г., л.19. - Ник.). Об отсутствии в среднерусский период четкого профессионального различия между кузнецами и котельниками писали историки и языковеды.⁶ В документах Кирилло-Белозерского монастыря данный термин выступает в двух вариантах - котельникъ и котельный: Попку Котельнику (РК-БМ, 1603 г., л.50 об. - Ник.), Попку Котельному (там же, л.109). Примечательно, что название человека по профессии в данном случае обнаруживает тенденцию к переходу в производное фамильное именование.

⁵ Закупра Ж.А. Номинация лиц по профессии в памятниках письменности русской народности XIV-XVI вв. (строительное дело и ремесло). Канд. дис. (машинопись). Киев, 1973, с.71.

⁶ "Часто в расходных документах кузнецы числились котельниками" (Колесников П.А. Город Тотьма в XVII в. Канд. дис. (машинопись). М., 1965, с.298). См. о том же: Котков С.И. Очерки по лексике южновеликорусской письменности XVI-XVIII вв. М., 1970, с.230.

В XVI–XVII вв. уже существовала узкая дифференциация кузнечного труда. Рядом с названиями кузнецъ, цѣбный мастеръ в исследуемых документах употребляются лексемы дульщикъ, домщикъ, дмещъ, поковщикъ, молотникъ, гвездарь, причем степень активности этих терминов в расходных книгах монастырей не была одинаковой.

Названия дульщикъ, домщикъ, дмещъ не различались семантически, все они обозначали ‘раздувальщик мехов в кузнице’. Варьировались эти термины территориально: дульщикъ, домщикъ отмечены в документах Спасо-Прилуцкого монастыря, дмещъ – в хозяйственных книгах Кирилло-Белозерского: Дано Федоту Яковлеву кузнецу три рубля денегъ, дано Палки дульщику два рубля денегъ, дано Осипу дульщику два рубля денег (ПРС-ПМ, 1653 г. – ГАВО, ф.512, оп.1, № 42, л.112 об.); Дал домщику кузничному Галкѣ въ головой наемъ пят(ь) алтын (ПРС-ПМ № 30, 32 об., 1606 г. – Сл.РЯ XI–XVII, 6, 313); Митька Волочанкинъ дмещъ (РК-БМ, 1608 г. – Ник.); Дмещи Елка Губин, Петрушка Купринъ (Переписная кн. слуг Кир.-Бел.мон., 1697 г. – ГПБ, ф.351, № 82/1321, л.53).⁷ Слово дмещъ – узкоместное, оно не отмечено в памятниках письменности иных, кроме Кирилло-Белозерского, монастырей. Судя по материалам областных словарей, дмещъ известно лишь череповецким диалектам XIX в. в значении ‘раздувальщик мехов в кузнице’ (СРНГ, 8). Термин домщикъ в диалектах старорусского языка выступает в значении ‘подсобный рабочий в кузнице’, причем в Сл.РЯ XI–XVII вв. приводится единственная иллюстрация из хозяйственных книг начала XVII в. Спасо-Прилуцкого монастыря (6, 313). Полагаем, что у обоих терминов дмещъ и домщикъ значение ‘раздувальщик мехов в кузнице’ в диалектах среднерусского языка было уже вторичным. Первоначальное значение того и другого слова связано с железоделательным промыслом, с выплавкой железной руды в домницах. Дмещъ, домщикъ – ‘человек, который дует криды в домницах’ (Череп. у. – КСл.РЯ XI–XVII в.). Узкоместной являлась и лексема дульщикъ. Локальный характер ее

⁷ См. также: ПРС-ПМ, 1612 г. – ГАВО, ф.512, оп.1, № 9, л. 63; ПРС-ПМ, 1615 г. – там же, № 45, л.82 об., и др.

подтверждается тем, что ни в исторических, ни в областных словарях она не значится.

Поковщикъ, по свидетельству Дала, в старину имело значение 'кузнец' (III, 242). Исследуемые документы дают возможность установить более точное семантическое содержание данного слова. В расходных книгах Спасо-Прилуцкого монастыря поковщикъ — это 'кузнечный работник, специализирующийся на ремонте цренов (металлических котлов, в которых вываривали соль)'. Поковщикъ "заковывал гвозди и полицы в црен": Заковали ·РІ· гвоздей дано ст кузла и с поковщики семнатцет алтынъ (ПРС-ПМ, 1628г. — ГАВО, ф. 512, оп. I, № 29, л. 7); Поковывали в казенной варнице црбнъ заковано двисти гвоздей... да поковщикомъ дано на три дни двема члвом шесть алтынъ (ПРС-ПМ, 1638г. — ГАВО, ф. 512, оп. I, № 10, л. 6 об.). В таком же значении данный термин фиксируется в документах Онежского Крестного монастыря: Кузнецу Федке за работу что он работал у моря на ямах црбнов починивал... да дву члвом поковщикам дано дватцетъ алтын.⁸

'Работник с ручным молотом, молотобоец' обозначался лексемой молотникъ. Это слово частотно в хозяйственных книгах Спасо-Прилуцкого монастыря конца XVII в.: молотнику Федору Шипову платил за молотничество за десять дней шесть алтын (РТП, 1695г. — ДП, 70); дано кузникшнымъ молотникамъ двумъ члвкамъ поденщины два алтына (ПРС-ПС, 1698 г. — ГАВО, ф. 512, оп. I, № 160, л. 77 об.). В Словаре Дала молотник с пометой "стар". — 'помощник кузнеца, работник с ручным молотом, молотобоец' (II, 343). В том же значении это слово употреблялось в источниках Онежского Крестного монастыря: Да дву молотником что они у того же цреного кузла были в поковщиках... дано...⁹, — а также в доку-

⁸ Столбцы из архива Онежского Крестного монастыря. — ЦГАДА, ф. 1195, оп. 3, 1658. — Употреблялось это слово и в московской актовой письменности, однако контекст не дает возможности вскрыть его семантику: И которые посадские жь люди съ тягла вышли въ басманники, и въ Кадашево, и во псари, и въ станосники... и въ поковщики... и тѣх всѣх свозити на старне ихъ посадокіе мѣста (Перепис. кн. осыковых дел, 1648г. — КСЛ. РЯ XI-XVII вв.).

⁹ А р х и в Онежского Крестного монастыря. — ЦГАДА, ф. 1195, оп. I, 1675.

ментах Устюжны, Ярославля и других городов.¹⁰ В местных вологодских источниках начала XVII в. отмечен вариативный термин молотчикъ: Молотчикомъ двѣма члкомъ дано наиму... ·В· рубля з гривною (ПСР-ПМ, 1612 г. — ГВАО, ф. 512, оп.1, № 13, л.9); Оковал на лоде околѣ дерева жблезом обруч дал наиму и с молотчикомъ кузнецу ·В· алтъя (там же, л.15). В хозяйственных книгах монастырей северо-западной зоны идентичное значение имел термин молововщикъ: У кузнеца молововщикъ (Список Софийских дворцовых служителей 1576—1583 гг.);¹¹ молововщикъ Аверка (Приходо-расх. кн. Волоколам. мон., 1606 г. — АК, 342).

‘Кузнец, делающий гвозди’, имел название гвоздарь. В таком же значении это олово отмечено в Словаре Даля (I, 347). Данный термин регистрируется лишь в источниках Спасо-Прилуцкого монастыря: Дал Степчыю гвоздарю 15 алт. оброку (РС-ПМ, 1567г. — ВХК, II, 299); Гвоздарю Гурью Григорьеву дано денежно-го жалованья... (Расход. кн. Волог. архиерейского дома, 1663г. — Суворов, 95). Гвоздарь — широкоупотребительная в старорусском языке лексема, она зафиксирована в тверских, псковских, новгородских, холмогорских, устюженских, московских, волоколамских, суздальских, ярославских, костромских, вятских, рязанских источниках.¹² В переяславских актах в таком значении употреблялось однокоренное гвоздочник: В.Власко Семенов сын

¹⁰ Арциховский А.В. Новгородские ремесла. — В кн.: Новгородский исторический сборник, вып. VI. Новгород, 1939, с.9.

¹¹ Греков Б.Д. Монастырское хозяйство XV—XVII вв. Л., 1924, с.157.

¹² Дозорная книга г.Твери 1616 г. /Изд. Тверск. учен. комиссии. Тверь, 1890, с.25; Псков и его пригороды, кн.2. — В кн.: Сборник Москв. архива Мин. юстиции, т. VI. М., 1914, с.205; Память слугам Соловецкого монастыря, 1677г. — ДАИ-7, с.159; Приходо-расх. кн. Холмогорск. архиерейского дома, 1696 г. — ЛОИИ, ф. Арх. губ. канц., оп.3, № 16, л.124; Приходо-расх. кн. Волоколамск. мон., 1573—1574 гг. — ЛОИИ, ф.284, № 1/2, л.120 об.; Владельцы и писовые, дозорные, межевые и переписные книги XVII в. — Труды Ярославск. учен. архивной комиссии, 1913, кн.6, вып.3, с.153; Опись дел Вятской земской избы, 1702 г. — Труды Вятской комиссии, 1912, вып.1, с.239.

гвоздочник (Вып. 1519 - АФХЗ I, № 23), в тульских - гвоздиль-никъ.¹³ Лексема гвоздарь активна в языке XVIII в.,¹⁴ входит в словарный состав современного литературного языка (СОРЛМ, 3). Помимо русского языка известна польскому.¹⁵

В деловой письменности XVI-XVII вв. 'мастер, изготавливший бочки' обозначался лексемами бочарник, бочар, бондарь, бочеч-ник (бочесник), бочечкарь, бочкарь и др.¹⁶ Первые три термина являлись наиболее употребительными. Слово бочарникъ, по свидетельству С.И.Коткова, в XVII в. имело широкое распространение и к локальным не относилось.¹⁷ Н.Д.Чечулин отмечает его в письменных источниках XVII в. ряда городов Московского государства - Кореле, Ладого, Орешке, Устюжне, Коломне, Можайске, Казани и др.¹⁸ В словарях Срезневского, Кочина, Дювернуа, Дала оно отсутствует. Лексема бондарь (от бодня 'бочка') фиксируется с XVII в. В период формирования терминологии национального русского языка слово бочарник вытесняется лексемой бондарь.¹⁹ Широкое распространение в среднерусский период имело и слово бочарь (новгородские, московские, холмогорские, курские и др. говоры).²⁰ В исследуемых монастырских хозяйственных книгах эти

¹³ Щеглова Н.А. Названия "сквозных" профессий о оуб. -ни (-ник) в терминологии оружейного дела XVII-XVIII вв. - В кн.: Вопросы истории русского языка, вып.41. Новосибирск, 1971, с.31.

¹⁴ С л о в а р ь Академии Российской, по азбучному порядку расположенный, ч.I-VI. СПб., 1806-1822.

¹⁵ П о л ь с к о - р у с с к и й словарь / Под ред. М.Ф. Розвадовского. М., 1960.

¹⁶ Железнова Р.В. Словообразовательно-этимологическая характеристика слов бочар - бочкарь - бочечкарь - бод-наръ - бондарь в русском языке. - В кн.: Этимологические исследования по русскому языку, вып.III. М., 1976, с.72-81.

¹⁷ Котков С.И. Очерки по лексике ... с.220.

¹⁸ Чечулин Н.Д. Города Московского государства XVI в. СПб., 1889, с.52, 68, 171, 226.

¹⁹ Закупра Е.А. Номинация лиц по профессии... с.156.

²⁰ Челобитная иноземца Л.Семенова, 1647 г. - ЛО, № 41; Кн. Иверского Валдайского мон., 1662 г. - ЛОИМ, ф.181, оп. 2, № 22; Кн. прихода-расх. Холмогорск. архиерейского дома, 1692-1695 гг. - ЛОИМ, к.11, № 102, л.80 об.; Котков С.И. Очерки по лексике... с.232; С л о в а р ь Академии Российской, ч.I-VI. СПб., 1789-1794.

общеупотребительные лексемы не отмечены. Сошлемся на единичное, пожалуй, употребление слова бочарник: Дал бочарнику от насюу от бочекъ и от чанов... сорок алтын денег (ПРС-ПМ, 1633 г.- ДП, 4). 'Рабстник, изготовляющий бочки', обозначался в местных документах терминами бочкаръ и тшанникъ. Бочкаръ частотно в источниках Кирилло-Белозерского монастыря: Дружинко бочкаръ, Гордѣй бочкаръ (РК-БМ, 1605 г.- Ник.); Да... ниже воротъ анбаръ... а в немъ делаютъ бочкари [бочки] (Переписи. кн. Кир.-Бел. мон., 1601 г.- ГПБ, ф. 351, № 71/1310, л.376); Отпущень в лѣсъ обручей сътъ бочкаръ (ПРК-БМ, XVII в. - ГПБ, да, А I № 18, л.611). В источниках Спасо-Прилуцкого монастыря не фиксируется, лишь в хозяйственных книгах Вологодского архиерейского дома отмечен вариант бочкаръ: Бочкару Ларке Прокофьеву на шесть бочек пивных дубовых семдесят пят обручей наложил дано полтора рубли (1664 г.- ГАВО, ф. 883, оп.1, № 38, л.4). Судя по материалам картотеки Сл.РЯ XI-XVII вв., слово бочкаръ в срезнерусский период имело ограниченный ареал и охватывало северно-восточную диалектную зону, поскольку бытовало в московских, владимирских, ярославских, нижегородских, арзамасских актах.²¹ Современные говоры дают тот же ареал (СРНГ, 3, 142). Тшанник (варианты тчанник, чанник, шанник) -узкоместная лексема, регистрируемая по преимуществу в документах Спасо-Прилуцкого, Кирилло-Белозерского монастырей, а также в таможенных книгах Устюга Великого: Ивану шаннику дан пуд соли (ПРС-ПМ, 1624г.- ГАВО, ф. 512, оп.1, № 24); Да Новые Ерги тшанникъ Дмитрий Максимовъ да Елизарова Раменья Давидъ Кирсановъ дблать ... тшанов (Кн. большого строителя Кир.-Бел. мон., 1646 г. - ГАЛО, ф. 251, оп.1, № 250, л.46); С оббда стали на дблѡ шанники села Яргомжа (ПРК-БМ, XVII в.- ГПБ, ф. да, А I № 18, л.76).

²¹ Д о к л а д ы и приговоры, состоявшиеся в Сенате, 1714 г./ Изд.АН, т.IV. СПб., 1901, с.663, 814, 816; В л а д и м и р с к и й сборник: Материалы для статистики, этнографии, истории и археологии Владимирской губ. М., 1857, с.145; Я р о с л а в с к и е писцовые, дозорные, межевые и переписные книги XVII в., с.105; П и с ц о в а я переписная книга XVIII в. по Н.-Новгороду. - РИБ, 1898, т.17, с. 170; П р и х о д о р а с х. кн. Волоколамск. мон., 1606 г. - АЕ, с.368.

В карготаках Сл.РЯ XI-XVII вв. и СРНГ это слово отсутствует, в словаре Даля и областных не отмечено.

Значительное число названий лиц по профессии относилось к строительному делу. 'Строитель сооружений из камня и кирпича' обозначался общерусским словом каменщикъ или словосочетанием каменного дела мастер: Каменщики дѣлали предѣ шегнушею лесни-цу и кѣлью служебную каменную (РК-БМ, 1608 г., л.50 - Ник.); Платил каменщикамъ что дѣлали каменное дѣло снимали мнстрскую стѣну что от рѣке в... из Водяной башни (ПРС-ПМ, 1671г. - ГАВО, ф. 512, оп.1, № 73, л.71); Старец Власей дал церковного камен-ного дела мастеру Тимофею наниму 12 руб. денег (ПРС-ПМ, 1588г.- ВХК, II, 309).²²

'Работник, изготовляющий кирпичи' в исследуемых докумен-тах назывался кирпичникъ и кирпшикъ: Сверх того дано имѣ кирпичникомъ... за тысячу... цена за сто кирпичей по два алтина по пяти денегъ (ПРС-ПМ, 1653 г.- ГАВО, ф. 512, оп.1, № 42, л.54 об.); Кирпичники Федор Лыко с товарищи здѣлали двѣ пѣчи кирпичю (РК-БМ, 1581 г. л.12 об.- Ник.); Старец Феодосей ча-мывал бѣлозерскихъ кирпичиковъ Ортюху Ильина с товарищи рѣзали 'б. кирпичю... от тысячи дано по .К. алтынь (ПРК-БМ, 1614г. - ЛОИИ, ф. 260, оп.1, № 40, л.31).²³ По мнению Ж.А.Закупры, тер-мин кирпичник возник в языке великорусской народности.²⁴ Кир-пичник - общерусское слово, оно отмечено в актах Волоколамско-го монастыря, мановеликорусской письменности.²⁵ Кирпичник ре-гистрируется в источниках ряда северных монастырей, в деловой письменности таких городов, как Белоозеро, Каргополь, Вологда,

²² См. также: РС-ПМ, 1576 г.- ВХК, II, 297; ПРС-ПМ, 1653г. - ГАВО, ф. 512, оп.1, № 42, л.152; ПРС-ПМ, 1655г. - ГАВО, ф. 512, оп.1, № 45, л.193 об.; ПРС-ПМ, XVII в. - ГАВО, № 24.

²³ См. также: РС-ПМ, 1576 г. - ВХК, II, 306; ПРС-ПМ, 1653 г.- ГАВО, ф. 512, оп.1, № 42, л.112; ПРС-ПМ, 1655г.- ГАВО, ф. 512, оп.1, № 45, л.195, об.; ПРС-ПМ, 1671г.- ГАВО, № 73, л.68.

²⁴ Закупра Ж.А. Номинация лиц по профессии ... с.47.

²⁵ Приходо-расх. кн. Волоколамск. мон., 1606г. - АЕ, 359; Котков С.И. Очерки по лексике... с.215.

в новгородских памятниках.²⁶ А.И.Соболевский считает его севернорусским диалектизмом.²⁷

К лексике строительного дела относились еще творильшики и подымики. Творильшики — 'рабочий, замешивающий в творилах извест' (творило 'деревянный поддон под ушатом с водою' (Шенк.) — Подписочный, 171). Этот термин отмечен в расходных книгах Спасо-Прилуцкого монастыря: Того ж дни дал от ...стенного дѣла творильщикомъ и от кирпичной носки робятомъ что носили и дѣлу мастеромъ (1633 г. — ГАВО, ф. 512, оп. 1, л. 42, л. 152).²⁸ В таком же значении употребляется он в московской письменности среднерусского периода: Наемными каменщиками и подымиками и творильщиками.²⁹ Подымики (варианты подыиъшики и подыемшики) 'работник, поднимающий или переносящий что-либо, грузчик' отмечено в актах Кирилло-Белозерского и соседнего о нем Новозерского монастырей: От того жъ каменного дѣла подыиъшикомъ сельскимъ хрестьянемъ дано... (Кн. большого строителя Кир.-Бел. мон., 1646 — 1648 гг. — ГАЛО, ф. 251, оп. 1, л. 250, л. 18); Сколько раз дано в наймы денег работникамъ у церковного каменного дѣла были в подыиъшикахъ (Приходо-расх. кн. Новозерск. мон., 1685 г. — ЛОИИ, к. 115, л. 662, л. 438). Подыиъшики — название профессии, связанной не только с каменным делом. Подыиъшики (подыемшики) 'грузчик' отмечено в книгах ооляного промысла: Дали веску и подыемшикомъ рубль денег (Приходо-расх. кн. Колмогорск. торго, 1549 г. — ВХК, I, 125). Ср. также: В тамокне казаком подыиъшикомъ мед въсили дал гривну от того ж меду (РК-БМ, 1568 г., л. 22 об. — Ник.). В актовой письменности Спасо-Прилуцкого монастыря данный термин не упо-

²⁶ П и с ц о в ы е и дозорные кн. г. Белозера, 1618 г. — ГИБ, ф. 352, л. 79/1313, л. 9; П е р е п и с н а я кн. г. Каргополя, 1712 г. — ЛОИИ, к. 115, оп. 1, л. 305, л. 23; В ы п и о ь из новгородск. писц. кн. — В кн.: Г р е к о в Б. Д. Монастырское хозяйство... с. 155 и др.

²⁷ С о б о л е в с к и й А. И. Лекции по истории русского языка. М., 1907, с. 106.

²⁸ См. также: Р а с х.; кн. Сп.-Прилуц. мон., 1655 г. — ГАВО, ф. 512, оп. 1, л. 45, л. 27, 106.

²⁹ М а т е р и а л ы для истории, археологии и статистики г. Москвы /Собр. И. Е. Забелиным, ч. 1—2. М., 1884—1889, с. 563.

треблялся. Слово подмышикъ последовательно заменяется словосочетанием подъемный казакъ (Да они же взяли у казначея ... 5 руб. на подъемные казаки и на харч - 1585 г., ВХК, I, 57) или описательными оборотами типа "робята, кои носят к камяному дѣлу маотеромъ кирпич и известь" (ПРС-ПМ, 1655 г. - ГАВО, ф.512, оп.1, № 45, л.27), "робята от кирпичной извисной носки" (ПРС-ПМ, 1653 г. - ГАВО, ф.512, оп.1, № 42, л.152).

Не имел единого, общего названия работник, который клал и ремонтировал печи. В документах Кирилло-Белозерского монастыря он обозначался словом печкаръ, в источниках Спасо-Прилуцкого - киршишникъ, печемаз и извѣстный мастеръ, в памятниках Вологодского архиерейского дома - каменщикъ: Печкарю Бычку за шубу дал 10 алтынъ (РК-БМ, 1581 г. - Ник.); Фома печкаръ (РК-БМ, 1605 г. - Ник.); На дворѣ работникъ печкаръ Яким Федоровъ (Опись подмонастыр. слободы Кир.-Бел. мон., 1710 г. - ГИБ, ф.361, № 113/1348, л.17); Дал кирпичникомъ что дѣлали пич про мнтрском обиход галачаномъ пять рублей (ПРС-ПМ, 1655 г. - ГАВО, ф.512, оп.1, № 45, л.21); Печемазу старцу Варламу дал 2 руб. и 6 алтынъ (ПРС-ПМ, 1578 г. - ВХК, II, 299); Дано извисному мастеру Ивану Гаврилову ону Кастину от четырех печей от кладни и от обжегу по полтора рубля (ПРС-ПМ, 1653 г. - ГАВО, ф.512, оп.1, № 42, л.139); Каменщику Афонасю Ларионову в попорѣ кѣлѣ печь клал да в полатныхъ сѣнях и на крылѣхъ мость починивалъ и в нижней полатѣ... поды кирпичные настилалъ... за работу семнадцать алтынъ (Приходо-расх. кн. Вологод. архиерейского дома, 1664 г. - ГАВО, ф.883, оп.1, № 38, л.5 об.)³⁰ В памятниках других территорий слово печкаръ 'печник' не регистрируется, но зато оно известно современным говорам северо-западной зоны - тверским ржевским, псковским себежским, великолукским, опочецким, островским, невельским, белозерским валькинским, бабаевским (КСРНГ). В северо-восточных архангельских не отмечено (Подвысоцкий). Печемаз и известный мастер в деловой письменности и известной нам лексикографической литературе не фиксируются.

³⁰ См. также: Приходо-расх. кн. Новозерск. мон., 1682 г. - ЛОИИ, к.115, № 662, л.7, 409; РК-БМ, 1581 г., и др.

Подведем итоги.

1. Привлеченные к рассмотрению названия лиц по ремеслу позволяют выявить некоторые закономерности формирования профессиональной лексики в языке великорусской народности. В XVI-XVII вв. промысловая терминология отличалась крайней неупорядоченностью. Наряду с общерусскими словами (кузнецъ, бочарникъ, каменщикъ, кирпичникъ и др.), семантическое содержание которых не обладало четкостью и однозначностью, в словарном составе диалектных зон формировалось значительное количество местных инноваций, являвшихся названиями узких профессий (например, кузнечное дело — дмець, дульщикъ, домщикъ, молотникъ, поковщикъ, гвоздарь). В связи с тем, что в среднерусский период лицо получало название обычно по предмету, продукту труда, локальные различия этой лексики сводились в основном к специфике словообразовательных средств (аффиксов): молотникъ — молотчикъ — молотовщикъ, гвоздарь — гвоздочник — гвоздильникъ, кирпичникъ — кирпищикъ — кирпичщикъ, печкаръ — печемазь и др. В одной и той же диалектной зоне наблюдалась как избыточность инноваций, так и значительное варьирование. Ср., с одной стороны, молотникъ — молотчикъ, кирпичникъ — кирпищикъ, с другой — подъемщикъ — подымщикъ, тшанникъ — шанник — чанникъ и др.

2. Почти все рассмотренные названия лиц по ремеслу (молотникъ, молотовщикъ, дульщикъ, домщикъ, дмець, тшанникъ, бочарникъ, печкаръ, печемазь, творильщикъ, подымщикъ и др.) сформировались в среднерусский период, что свидетельствует не о нивелировании и отмирании, а об известном росте локальных особенностей в языке великорусской народности, причем не только в речи сельских жителей, но и населения, проживающего в городах и в особенности в подмонастырских слободах, т.е. населенных пунктах полугородского типа.

3. Как подсказывают подсчеты, количество локальных инноваций в исследованных хозяйственных книгах неодинаково: в документах Кирилло-Белозерского монастыря 5 слов (дмець, бочкаръ, тшанникъ, печкаръ, подымщикъ), в источниках Спасо-Прилуцкого — 11 (дульщикъ, домщикъ, поковщикъ, молотникъ, молотчикъ, гвоздарь, тшанникъ, печемазь, известный мастеръ, кирпищикъ 'печник', творильщикъ). Это обстоятельство еще не говорит о том, что в

кирилловской диалектной зоне соответствующие узкие специальности не имели наименований. Локальные названия лиц по ремеслу, бесспорно, имелись, различия же в количественном составе и частотности их в письменной деловой речи объясняются разной степенью литературной обработанности хозяйственных книг. Судя по всему, степень литературной обработанности документов Кирилло-Белозерского монастыря была более высокой.

Г.В.Сулаков

ЛЕКСИЧЕСКИЕ ДИАЛЕКТИЗМЫ В СЕВЕРНОРУССКИХ АКТАХ XVI-XVII вв.
(названия рукавиц)

Богатые архивные собрания сохранившихся до наших дней памятников письменности второй половины XVI-XVII вв. и уже выполненные лексикологические описания части из них позволяют делать попытки воссоздания лингвистического ландшафта прошлого.

Ниже на материале архивов Вологды и Архангельска, картотеки ДРС и многочисленных публикаций текстов XVI-XVII вв., принадлежащих различным территориям Русского государства, анализируются названия рукавиц. Классификация этих названий по принципам наименования, этимология слов и сведения об их употребительности приводятся в статье В.Я.Дерягина.¹

Очевидно, что в севернорусских говорах набор слов, выражающих понятие "рукавица", богаче, чем в южнорусских. Однако уже в изучаемый период рукавицы использовались не только для защиты рук от холода, но являлись элементом рабочей одежды и даже использовались в парной бане. Об этом свидетельствуют многие факты, например: вологодских рукавиц дубленых на отраду выдал 12 (ГААО, ф. 829, оп.3, № 5, расх. кн. Богосл. м., л.31, 1597 г.); дано сторожам на рукавицы, в которых им сечь дрова (КДРС, кн. пр.-расх. моск. приказов -I, 1614-1619 гг.); 7 рукавиц солидных добрых цена 23 ал 2 де 12 рукавицы солидных

¹ Д е р я г и н В.Я. Названия рукавиц в русском языке.- В кн.: Диалектная лексика. 1973. Л., 1974, с.27-50.

отирков цена 6 алтнъ (КДРС, Астрах. акт., № 983, скл. 7, 1627 г.); даны рукавицы в хлебно... даны рукавицы на каменное дѣло (ГАВО, ф. 512, оп. I, № 45, пр.-расх. кн. С.-Прилуцк. м., л. 179 об., 1671 г.); девятнадцатеры рукавицы ловецкие новые (ГАВО, ф. 883, № 59, оп. Фералонт. м., л. 77 об., 1680 г.); велено купить верховым богомольцамъ въ баню... рукавицы съ вари-ги (Заб. I, 502, 1693 г.).

Всего в актах XVI-XVII вв. нами обнаружено 37 слов и их вариантов от 14 корней: вареги - варенги - варяги, вачеги, везеницы - везяницы - вязеницы - вязяницы - везонки - везенки, верхи - верхницы - верхонки - верхоньки, голицы, дельницы, деяницы, дилъницы - деяльницы, дубленицы - дубленки, исподки - исподницы, камешницы, надолонки, персницы - перстчатки - перстянки - перстяницы - перчатки, ровдужницы, рукав, рукавки - рукавцы, рукавицы - рукавиченки, шубницы.

К общерусским названиям в то время относились слова рукавицы, рукавки, вязаницы, голицы. Примыкает сюда по значению также общерусское слово рукав 'муфта из меха или плотной ткани для укрытия рук'.

Нестабильность фонетико-морфологического облика слова вязаницы (везеницы - везонки - вязеницы - вязяницы - везяницы - везенки) объяснялась, вероятно, тем, что оно не относилось к числу основных специальных наименований, а чаще употреблялось как пояснительное, дополняющее и легко могло заменяться определением вязанье, поэтому, может быть, оно нечасто употребляется в текстах. Например: купил десятеры исподки вязяницы купил три исподки вареги вязанье (ГАВО, ф. 512, № 15, пр.-расх. кн. С.-Прилуцк. м., л. 22, 1617 г.); даны рукавицы дубленые да везеницы новые... даны рукавицы дубленые с нопотками вязаными (ГАВО, ф. 512, № 127, кн. выдачи рухляди вологод. арх., л. 20 об. - 21, 1683 г.).

Специфическим признаком слов голица и варега была их более частая употребительность в северных актах по сравнению с южнорусскими.² В Москве слово голица употреблялось одинаково

² К часто употребляемым относим слова, зафиксированные в актах данной территории не менее 10 раз не менее чем в трех документах, написанных разными писцами.

часто наряду со словом рукавица, наиболее ранние примеры его употребления тоже связаны с Москвой: Куплено в меншуп казну полтора ста рукавиц галец по осми алтын без дву денег десятков (КДРС, пр.-расх. кн. Волоколамск. м., № 6, л. 198 об., 1587-1588 гг.). Употребительность этого слова в говорах Москвы способствовала его закреплению в деловом языке Московского государства и расширению его употребления в южнорусских актах XVIII в.³ Самая ранняя фиксация слова вареги (варяги), по материалам картотеки ДРС, относится к 1551-1559 гг.: Княжим людям дал алтын две шапки с сукном дал гривну рукавиц варяги дал алтын (КДРС, кн. расх. арханг. Корельского м., № 935, л. 28 об.). Наиболее часто встречалось в В. Устюге, Тотеме, Сольвычегодске, на Ваге. Локальным являлся вариант варенги, обнаруженный В. Я. Дерягиным в платяной книге Михайло-Архангельского монастыря за 1696 г.⁴ и отмеченный в конце XIX в. в Тотемском у. в форме варенки (СРНГ, 4, с. 51).

Несомненно севернорусским являлось слово вачеги 'суконные рукавицы', представленное из славянских языков только в русском. Думается, что в пользу разного происхождения слов варега (от корня вар- (варить) - по версии В. Я. Дерягина⁵) и вачега (из саам. *va'tts*, *va'ttsa* 'рукавица' - Фасмер, I, с. 280) говорят и разная территория их употребления в старорусский период: варега - общерусское, вачега - севернорусские говоры. Приведем примеры: куплено сукна аршинъ на вачеги (ГАВО, ф. 883, № 24, приходе-расх. кн., вологод. арх., л. 286 об., 1650 г.); портной швечик шыл работным людямъ два кавтана да трои вачеги (КДРС, арх. Онеж. Крест. м., 1661 г.), трои вачеги суконные (КДРС, дело патр. Никона, 398, К.-Белоз. м., 1676 г.). Слово отмечено также в текстах XVI-XVII вв., относящихся к Двинскому

³ См. примеры: Котков С. И. Очерки по лексике южнорусской письменности XVI-XVIII вв. М., 1970, с. 183.

⁴ Дерягин В. Я. Указ. соч., с. 49.

⁵ Там же, с. 48.

и Важскому уездам.⁶ В настоящее время употребляется только в говорах северновеликорусского наречия (СРНГ, 4, с. 77-78), а также является профессиональным термином металлургов, обозначая грубые шерстяные рукавицы, используемые доменщиками при работе у печи.

В деловой письменности зафиксирован характерный для севернорусской территории обычай одновременного ношения двух пар рукавиц — нижних, вязаных, и верхних, кожаных или суконных.

Верхние рукавицы носили соответствующие названия: верхи, верхонки — верхоньки, верхницы. Варианты названий были территориально распределены: верхи — Вологда, Архангельск; верхонки — верхоньки — Архангельск, Онега, Вага, южное Зауралье,⁷ верхницы — Архангельск, Вага, Вологда, Ярославль, В.Устуг, Сольвычегодск, Якутск. Наибольшей употребительностью отличался вариант верхницы. Самую раннюю фиксацию слова верхи в указанном значении обнаруживаем в приходе-расходной книге тотемского соляного промысла вологодского Спасо-Прилуцкого монастыря за 1607 г.: купил старец Геронтей на Вологде трой рукавицы верхи ... купили старцу Павлу рукавицы верхи с исподками (ГАВО, ф. 512, оп.1, № 6, л. 93 об., 94 об.). Приведем примеры и о других вариантах: шестерн рукавицы наvorgодския верхницы (КДРС, кн. расх. Корел. м., № 937, л.62 об., 1560-1563 гг.); 10-ры рукавицы верхницы 10 алт... рукавицы верхонки 5 д (ГААО, ф. 829, оп. 3, № 5, л.14, об., 17, расх. кн. Богосл.м.1597г.); купил рукавицы себе старец Иосиф верхницы и с исподками... купили старцу Деонисею рукавицы верхницы и с исподки (ГАВО, ф. 512, № 17, пр.-расх. кн. вычегод. промысла С.-Прилуцк. м., л.16, 1615 г.); девятёрн дьяницы да верхонки дал 23 алтна 2 де (КДРС, расх. кн. Свир. м., № 160, л.56 об., 1615-1631 гг.); рукавицы верхницы барановые (Шляпин, 809, 1668 г., В.Устуг); У него ж, Ивана, куплены шестерн верхоньки о испотками (КДРС, арх. Онеж. Крестн. м., 1673 г.); колмогорской покупки пятдесят

⁶ Там же, с.37.

⁷ В р а ж н и к о в а Н.Н. Исследование в области лексики южного Зауралья по данным деловой письменности XVII-XVIII вв.: Автореф. канд. дис. М., 1971, с.10.

варегъ тритцать семеры верхници урѣсковне (КДРС, акты Холмогор. тамож. избы, № 847, 1647 г.). Современная география анализируемых слов также исключительно северо-русская (СРНГ, 4, с.162, 168-169). Не зафиксировано в говорах только слово верхи в указанном значении.

Северо-русским являлось в изучаемый период слово исподки 'нижние рукавицы, надеваемые под другие, верхние' (Сл. РЯ XI-XVII вв., 6, с.277), см. примеры: а грабежем с меня сорвали... рукавицы ровдужы на исподках новне (АХУ-III, 165, явка, 1634г., В. Устят. у.); Генваря в 9 день дано исподьки новне под рукавицы волчьи (Шляпин, 231, 1668 г., В.Устят.). Наиболее употребительно слово было в Архангельске, Вологде, В.Устятге и Сольвычегодске, отмечено также в актах Ваги, Олонца и южного Зауралья.⁸

Слова исподка и верхница обозначали в севернорусских актах не только понятие "рукавица", но называли также нательную одежду, причем, по нашим данным, и в этих значениях слова тоже принадлежали к севернорусским диалектизмам: А въ коробѣ, государь, было... двадцѣть рубашекъ мужскихъ и женскихъ исподокъ и верхницъ, цѣна восемь рублевъ (АХУ-III, 153, явка, 1633 г., В. Устят. у.); пропало у меня сироты з двора с сараи с шеста две рубашки мужская да женская... тоѣ свою женскую исподку познала на ней Кунаве Игнатево жене и почала ей говорить что моя рубашка (ГАВО, ф. 1260, оп.7, 42, чел. 1662 г., Вологод. у.). Кстати, слово исподка 'нижняя рубашка' отсутствует в Сл.РЯ XI-XVII вв.. Попытку предупредить двусмысленность, порождаемую многозначностью слова, наблюдаем в следующем примере: того же дни купил тринатцатеры исподки рукавишних дал тринатцат алтнѣ днѣ (ГАВО, ф. 512, № 39, л. 10 об., пр.-расх. кн. С.-Прилуцк. м., 1652 г.). Данный пример позволяет предположить, что исподки могли употребляться и как внутренняя, пришиваемая к кожаной или суконной оболочке часть рукавиц.

Вариант исподници отмечен всего один раз в явочной челобитной из Тарногского Городка: вынесъ изъ избы... шапку вер-

⁸ Примеры из южноуральских текстов см.: Бражнико-
ва Н.Н. Указ. соч., с.10.

шесть кострышкой, черной, подкладъ овчинной, да рукавицы барановые съ исподницы съ вареги (АХУ-II, 777, явка 1673 г., В.-Устатг. у.).

К названиям рукавиц В.Я.Дерягин отнес и форму исподы в следующем примере: Он же взял... рукавицы и с исподами цѣна 4 ал (кн. казен. товаров Пертоминского м. 1686-1687 гг.).⁹ Однако здесь, на наш взгляд, слово исподы означает внутреннюю, пришитую к верхней оболочке часть рукавиц или 'изнаночную сторону одежды, подкладку' (Сл. РЯ XI-XVII вв., 6, с.276). Думать так позволяют и соображения лингвогеографического характера: исподки, исподницы 'нижние рукавицы' свойственны были только севернорусским говорам, испод 'изнаночная сторона, подкладка' - явление общерусского распространения, таким же является и форма исподы в выражении рукавицы с исподами, см. пример из московской грамоты: Били нам челоу смоленяня посаские торговые люди ... чтоб нам их пожаловати велети из Смоленска с товаром торговати пропустити в Литву, а товару де у них... 2000 рукавиц с исподами, да у Дорошки ж товару 1200 рукавиц с исподами да 500 ирх шубных (Русско-белорусские связи, Минск, 1963, с.60, гр. из Казен. приказа 1604 г.).

На севернорусской территории употреблялись слова дегичиц (с 1578 г.), дельниці (с 1670 г.), дельниці (с 1687 г.) - дяляниці (с 1631 г.). Первая фиксация слова деяница относится к 1578 г.: да купил деяницы дал алтынь (Карт. ДРС, пр.-расх. кн. Ант.-Сийского м., № I, л.79 об.); для остальных слов первые употребления приводит Сл. РЯ XI-XVII вв. (т.4).

Слово деяница - наиболее употребительное в этом списке, оно было представлено в актах Свирского и Иверского Валдайского монастырей, в таможенных книгах Тихвинского монастыря, а также в актах Пскова и Двинского у., например: дано деяничнику наиму от вяззения деяниц 14 алтынь (КДРС, кн. расх. Свирск. м., № 160, л.22 об., 1615-1631 гг.); Куплены... двои рукавицы борани и з деяницами братии (КДРС, кн. старорусск. сол. промысла Иверского Валд. м., № 22, лл. 126 об. - 127, 1622 г.); явилъ тифинец Данило Куколской товару... сапоги да 1 деяницы да зи-

⁹ Дерягин В.Я. Указ. соч., с.35.

пун (КДРС, там. кн. Тихвин. м., № 355, л. 36 об., 1624 г.); сняли съ него... рукавицы съ деяницами (Псков. губ. вед., 1845 г., чел., 1671 г., Псков); рукавицы перстятцы дьяницы (Фенне, 90, Псков, 1607 г.).

По первоначальному району бытования слово деяница можно считать новгородско-псковским диалектизмом, распространившимся с течением времени на путях новгородской колонизации Севера, что подтверждается и современной географией этого слова (СРНГ, 7, с.342, 347; КСРГК).

Слово дельница, по данным КДРС, зафиксировано только в приходе-расходных книгах Онежского Крестного монастыря за 1670 и 1682 гг., например: да Василью Гладкому продано двои сапоги изпелные красные верхницы да делницы (КДРС).

Деяльница - дияльница отмечено в актах Свирского и Архангельского Пертоминского монастырей (Сл. РЯ XI-XVII вв., 4, с.240-241), т.е. там же, где употреблялись слова деяница и дельница.

Несомненно севернорусским следует признать и малочастотные варианты дубленицы - дубленки 'рукавицы из дубленой кожи'. Один пример со словом дубленицы из приходе-расходных книг Соловецкого монастыря за 1670 г. привел В.Я.Дерягин,¹⁰ вот еще одна иллюстрация: Тотемец Иван Трубников продал... бумаги, рукавиц дублениц, икры... (ТК, МГ III, 620, Тотьма, 1676-1677 г.). Пока не отмечен в литературе и не представлен в КДРС вариант дубленки, употребленный в расходной книге Николаевской Мокрой пустыни (Вологод. у.); да он же Антипа дѣлал семнадцатеры рукавицы дубленки дано от дѣла пят алтъ (ВСКМ, № 2199, л. 5 об.). Возникнув и сохранившись на севере, слово распространилось и за Урал: в XVIII в. оно отмечено в южном Зауралье,¹¹ в наши дни - в средней части бассейна р.Оби.¹²

Не отмечено в литературе и не учтено картотекой ДРС севернорусское слово камошницы 'рукавицы из камасов (шкур с

¹⁰ Там же, с.41.

¹¹ Бражникова Н.Н. Указ. соч., с.16.

¹² С л о в а р ь русских старожильческих говоров средней части бассейна реки Оби. Т.1. Томск, 1964.

оленьих ног)". Пример с ним встретился в раздаточной книге Троице-Гледенского монастыря за 1675 г.: ему ж даны рукавицы камошники с испотками (ВОКМ, № 6823, л.4 об., В.Устуг). Слово сохранилось в современных говорах (Онеж., Арх. — СРНГ, 13, с.28).

Отмечено в актах слово надолонки 'рабочие рукавицы с кожаной нашивкой на ладони' от долонь 'ладонь'. Территория его распространения — Новгород, Вологда, В.Устуг, т.е. севернорусские говоры, например: У него ж куплены трои рукавицы надолонки дано трицат алтынъ (КДРС, кн. старорусск. сол. промысла Иверского Валд. м. за 1662 г., № 22, л. 128 об. — 129); дано ... войлок короветник новыѣ, рукавицы надолонки и с испотками ветхими (Шляпин, 255, 1668 г., В.Устуг); дано на болшую коровню коровником и коровницам... рукавицы верхницы надолонки на рубаху и на штаны гребенины (там же, 271); ему ж даны июля 9 дня надолонки (ГВАО, ф. 512, оп.1, № 16, л. 182 об., С.-Прилуки. м., 1671). В наши дни слово в указанном значении представлено только в севернорусских говорах: Яросл., Перм., Карелия (КСРНГ). Однако чаще надолонкой в отличие от затылка 'тыльной части рукавиц' называли кожаную нашивку на рабочей поверхности рукавиц, например: ему же даны рукавицы дубленные ветчаные надолонки новые (ВОКМ, № 9548/2, кн. выдачи платья Тр. Гледен. м. 1675 г., л.8, В.Устуг); ему ж даны рукавицы починенные надолонки новые затылки старые... ему же даны рукавицы затылки старые надолонки новые (ВОКМ, № 6823, разд. кн. Тр.-Гледен. м., л.32, 1675 г.).

Названия, производные от слова перст, встретились также на севернорусской территории. См. примеры употребления слова перстянки: Да у него ж было положено моего платилка... кожи поношенне да рукавицы ровдужные перстянки да огниво (КДРС, акты Верхотур. съезж. избн, карт. № 4, 1649 г.); новгородец посацкой члкъ Тимофѣи Михиевъ онъ явилъ товару... 9 перстянки опочатые (КДРС, кн. там. Свирского м., № 198, № 3, 1661 г.); да платья... рукавки перстянки лошаные (КДРС, опись Иверск. м., 1673 г.). Единственный раз фиксируется вариант перстятница, причем в записи иностранца: рукавицы перстятници (Фенне, 90, Псков, 1607 г.). Литературный вариант перчатка в XVII в. отмечен в смо-

ленских актах 1673-1696 гг.¹³ и в курском документе 1720г.,¹⁴ начало его употребления на севере пока не установлено.

Слово шубницы ' меховые свчинные рукавицы ' фиксируется о XVI в.: купил двои рукавицы шубницы дал 10 де (КДРС, кн.пр.-расх. Ант. м., № 1, л.108, 1580 г.); да двум Василем же дал рукавицы шубницы двои новые (пр.-расх. кн. Вжск. м.1596г.).¹⁵ В XVII в. слово употреблялось в гологодских, тотемских и великоустыгских актах: рукавицы шубницы под сукном синим новым... рукавицы шубницы новые под сукном синим (Шляпин, 212, 230, 1668 г., В.Устуг); Василей Малко поехал в Уну даны голицы и шубницы и онучи (ТАВО, ф. 512, оп.1, № 45, л.181 об., С.-Прилуцк. м., 1671 г.); продали рукавиц варег, рукавиц шубниц ... на 11 р. (ТКАТ - III, 580, Тотьма, 1676-77 гг.). В настоящее время слово широко распространено на всей территории, занятой северновеликорусским наречием, и имеет многочисленные варианты (КСРНГ).

Отметим, что многие из употреблявшихся в севернорусских актах слов имели и параллельные соответствия в виде составных наименований (вязаницы - вязаные исподки, дубленицы - дубленые рукавицы, шубницы - шубные рукавицы и т.д.), например: даны рукавицы дубленые да везеницы новые ... даны рукавицы дубленые с испотками вязаными (ТАВО, ф. 512, № 127, л.20-20 об., 1683г., Вологда); продали рукавиц дублениц (ТКМГ-III, 120, Тотьма, 1677 г.); вологжана Костянтин Симанов, Осип Тарасов продали рукавиц варег, рукавиц шубниц (там же, 590); ему ж дал рукавицы шубные (ТАВО, ф. 883, № 90, л. 2 об., 1627 г., С.-Прилуцк. м.); ему ж дал рукавицы пердатые (там же, л.2); Микитка Шалков явил товару 13 кож аленьих 6-ры рукавицы пероницы (ТКМГ-I, 300, Сольвычегодск, 1635 г.).

Таким образом, из всей совокупности употреблявшихся в XVI-XVII вв. названий рукавиц значительная часть их встреча-

¹³ Б о р и с о в а Е.Н. Лексика Смоленского края по памятникам письменности. Смоленск, 1974, с.88.

¹⁴ К о т к о в С.И. Указ. соч., с.182.

¹⁵ Цит. по: Д е р я г и н В.Я. Указ. соч., с.43.

лась только на севернорусской территории. Отчетливо прослеживается нормализующая роль московской деловой письменности: если слово попадало в московский говор и язык московских приказов, оно обнаруживало тенденцию к общерусскому распространению. Дальнейшая история анализируемых слов сводилась к расширению региона их бытования и в силу этого к увеличению числа фонетико-словообразовательных вариантов.

О.С.Мжельская

ЛЕКСИКА ПСКОВСКОГО РЫНКА НАЧАЛА XVII В.

Еще в середине 30-х годов нашего века Б.А.Ларин поставил перед историками русского языка проблему изучения разговорной речи Московской Руси. В "Проекте древнерусского словаря" он писал: "В ДРС с возможной полнотой будут представлены не только данные по языку Москвы и крупнейших городов той эпохи, но и по языку отдельных областей, так как должен быть отражен не только язык литературный, но и диалекты разных классов общества и разных областей..."¹ Сам ученый постоянно работал над этой темой. Два десятилетия спустя в работе "Разговорный язык Московской Руси" Б.А.Ларин уточняет это важное для истории сложения русского национального языка понятие: "В это общее понятие (разговорный язык Московской Руси. — О.М.) входят и областные диалекты Московской Руси (крестьянские по социальной принадлежности носителей), и городские диалекты средних и "подлых" сословий, и, наконец, разговорная речь высших классов".² Б.А.Ларин подчеркивает: "Разговорная речь Московской Руси в ее сложном многообразии и развитии с XV по конец XVII в. должна изучаться как предпосылка и глубокая основа националь-

¹ П р о е к т древнерусского словаря. М.; Л., 1936, с.43.

² Л а р и н Б.А. Разговорный язык Московской Руси. — В кн.: Начальный этап формирования русского национального языка. Л., 1962, с.22.

ного языка — более существенная и определяющая, чем традиции книжнославянского языка..."³

Б.А.Ларин наметил и частично исследовал круг источников, наиболее перспективных в отношении отражения в них разговорной речи XVI—XVII вв. Такими источниками, сохранившими "точные и разнообразные" данные о разговорной речи Московской Руси, он считал записи русской речи иностранцами, приезжавшими торговать в русские города. Б.А.Ларин подготовил к печати и исследовал "Парижский словарь московитов", 1586 г., и "Русско-английский словарь-дневник Ричарда Джемса", 1618-1619 гг.,⁴ составленные в Холмогорах, и, используя для сопоставления деловые документы XVI—XVII вв., написанные в этих местах, и свидетельства живых народных говоров, получил важные данные о холмогорском говоре XVI—XVII вв.

К источникам такого рода относится и "Русско-немецкий разговорник" Тонниса Фенне, составленный в Пскове в 1607 г.⁵

Предыдущими исследованиями памятника была установлена вполне достаточная точность записей русской речи купцом-немцем и добросовестность его информантов, так что данные "Разговорника" относительно разговорной речи Пскова, крупного торгового центра начала XVII в., могут быть оценены как достоверные.⁶

Не менее половины текста этого памятника посвящено торговле. На с.273 Тоннис Фенне пишет: "Во имя Святая Троица. Яз почну здѣ писать как надобѣ нѣмчину с русином торговать, товар купить или мѣнять товар против товару, коли Г<оспо>ду Бог<о>у

³ Там же, с.26.

⁴ Л а р и н Б.А. 1) Парижский словарь московитов 1586г. Рига, 1948; 2) Русско-английский словарь-дневник Ричарда Джемса. Л., 1959.

⁵ T ö n n i s F e n n e ' s low German manual of Spoken Russian. Pskov, 1607 / Ed. L.L.Hammerich, R.Jakobson, E.van Schooneveld. Vol. I-II. Copenhagen, 1961-1970.

⁶ И в а ш к о Л.А., М ж е л ь с к а я О.С. 1) Названия членов человеческого тела по данным русско-немецкого "Разговорника" 1607 года.— В кн.: Севернорусские говоры. Вып.2. Л., 1975, с.110-119; 2) Прилагательные, называющие черты характера человека и особенности его психического склада в русско-немецком "Разговорнике" Тонниса Фенне 1607 г.— В кн.: Русская историческая лексикология и лексикография. Вып.2. Л., 1967, с.122-132 и др. работы.

любо". Изучение "Разговорника" показывает глубокое отличие содержания и стиля этой его части от деловых документов Московской Руси, представляющих данные о торговле. В "Разговорнике" находим: пространные списки товаров и описание их свойств и достоинств, большое количество реальных предполагаемых диалогов, содержание которых составляют торговые, финансово-экономические и юридические отношения.

В тематическом и лексико-грамматическом аспекте можно наметить следующие группы слов.

Широкую группу составляют глаголы, относящиеся к купле-продаже: торговать, купить, продать, платить, проторговаться, дать 'назвать цену' и 'заплатить', додать 'доплатить', взять 'получить деньги': Я иду с тобою да твой товар посмотрю ... что тебѣ инде люди дадут, и яз тебѣ то потоку жѣ дам (276); Я свой товар продам, да вручу деньги взять (280); Без деньги никому не умѣть товар купить (245); Яз тебе засажу, докуль ты мнѣ деньги не платишь (288). Различные изменения цены товара на рынке характеризуют глаголы: дорожить 'поднимать цену', прибавить (цену), взбивать - 'то же', припрошивать 'назначать завышенную цену', перекупить 'вмешиваться в сделку, стремясь приобрести товар себе', опасть 'упасть в цене', поднуться 'подняться в цене': О чём ты свой товар дорожишь? Товар номня опал (281); Ты товар дешёво купил; ...нынѣча товар поднулся (285); Много ты припрошиваешь. Убавь (296); Много люди (!) о моём товарѣ спраутси, да друг у друга хочет товар перекупать; кабы яз то вперѣд аѣдал, яз бы цѣны к своему товару прибавил (365); Пожалуй не покасти ты мнѣ у того товару да не <в>збивай цѣны (283).

Товары не только продавались за деньги, можно было менять один товар на другой: Я не мѣняюсь своим товаром на твой товар, за<не>же твой товар плоше моего (287).

Многие слова характеризуют денежные отношения: деньги и куны, цѣна, по закону 'в соответствии с установившимся уровнем цен, принятыми правилами торговли', повадно 'по подходящей цене', задаток 'сумма, запрашиваемая при покупке вперѣд', придаток 'доплата', придать 'добавить, доплатить', ряд слов обозначает 'прибыль': прикуп, прибыток, корысть, примок (последнее употребляется только в форме косвенного падежа с примка, примка дашь); понятие 'убыток' выражается словами убыток и наклад,

а также слогосочетанием кабы на в^ор^оту не п^ало, обозначающим опасение потерпеть убыток; могарец 'вознаграждение маклеру за услуги', посул 'взятка'; группа слов служит для номинации кредитно-денежных отношений: эние 'долг', эиноват 'должен кому-л.', личить 'задерживать возвращение долга', поручиться и дать поруку по кому-л. 'принять на себя денежную ответственность за обязательства другого лица', поручник, кабала 'долговое обязательство', заклад 'имущество, ценности, под залог которых выдается ссуда', выкупть (вынять) заклад 'выкупить заложенные вещи': С малыми кунами/деньгами к великого(!) товару не ходи (281); Не убавили(!) ты цену, ино я инде торгую, где люди по закону продадут (280); Я с тобою насилу не торгую, я инде торгую, где люди пова^дно продадут (280); Отври мош^ну да дай с^бм задаток (245); Колько ты мнѣ придашь к моёму товару? Мой товар лучше твоёго (296); Я торгую с прибытка, да ты таково-ж (297); Дай Осподи тебѣ в моём товаром(!) прикуп (291); Затѣм яз товар купил, что мнѣ ёго с прилика(!) продать (279); Тот убыток тебѣ Бог за твое собо^йство ['беззаконие'] послал (248); Я проторговался, в наклад я продал (285); Промежник, хочешь промежи нас промежничать да наш товар на обѣ стороны о^бн^ить? Мы тебѣ за то дадим могарец (297); Яз тебѣ вирки не дам. Яз тебѣ не виноват (203); О чем ты на моих денѣг(!) личишь, да на срок не платишь? Срок давно прошел (292); Я по нём поруку дал/ поручился, да он в себѣ вѣру ['обещание'] не держит, ино мнѣ за ёго надобѣ платить (227); Напиши кабала(!) да вели твоему поручнику того подписати для всякой притчи (263); Коли ты свой заклад опять вынешь...? Полно я тебѣ того блил (294).

Разнообразны названия лиц, принимавших участие в торговле на псковском рынке: купец, купчина, товарищ 'компаньон, партнер', нарядник 'рееспорядитель, хозяин', промежник 'посредник, маклер', закуп 'скупщик товаров с целью их продажи по более высоким ценам', вѣсец, вѣсчий 'работник на весах', хзвозник 'возчик', дрягиль, казак 'рабочий, грузчик': Я не вѣдаю, чей тот товар ... купец у того товару пошѣл прочь (277); Кто таков есть, что за купчина? (423); Я был у своёво товарища да о

ним подумал да ёво доложит (306); Ты мнѣ не дидник, я своевольной человек (254); Закуп^и бздит да товару закупам да ёво дорожают (386); Ёвсеп, збсь прямо (282); Потект по вбсчѣво, да без ёво не ходи опять сюда (381); Поди да зови казаки, пусть соль вывалят <и>з погреба (426); Скочи до позови драгилѣв, котори соли в мѣхи набивают (427); Я перво <и> звознику(!) добуду (328).

На псковском рынке продавались многие товары. Автор "Разговорника" дает подробные списки этих товаров. Однако во второй части книги, содержащей реплики диалогов, которые могли иметь место во время торговых сделок, вместо названий отдельных товаров обычно употребляется слово товар (о чем можно судить по примерам, приведенным выше); по-видимому, те, кому предназначался разговорник, должны были в зависимости от обстоятельств заменять слово товар названием конкретного товара. Лишь в конце книги есть реплики, предполагающие продажу определенного товара: льна, сукна, сельди и т.п.

Не рассматривая в этой статье названий товаров, остановимся на словах, характеризующих качества, свойства товаров, способ их продажи и хранения. Они принадлежат к разным частям речи.

На качество товара указывают прилагательные добрый, дорогой, строгий 'надежный, качественный', разгонный 'разных сортов', дешевый, худой, плохой и др. В отдельных репликах появляются и другие прилагательные, которые характеризуют свойства конкретных товаров: Мой товар строг, без зароку добро<й> (279); К доброму товару люди трутся/прилипают, да от худого товару обжат люди прочь (287); У меня есть добръ добро<й> товар продажный, да еще не привезен (275); У меня есть валякой товар разгонной — и дорогой, и дешевой — по купчине (285); Я вижу, что товар нечист, да зачисто ты мнѣ ёго продаешь (291). Ср.: Твой лён костлив, нечист, отреший в ём много (282), где общая формула заменена высказыванием о качестве определенного товара. В следующем примере также речь идет, по-видимому, о конкретном виде товара — мехах: У доброго товару больше припка, как у худово/у молоднёво (372) — молодший 'о мехе молодой белки, 4-й сорт' (с.109). В характеристике товара могут встретиться диалектные слова: Твой товар омазной / благой (336).

Ряд оттенков значения имеет в тексте "Разговорника" слово лицо: 'внешний вид' - Ты свой товар смѣшал; у тово товару лица нѣтъ, как вчерась у ёво был (368); Худого с добрым не смѣшай вмѣсто за одно лицо ['придав единообразный вид'], продай ты мнѣ товару зачисто как околь, так бы и внутри (291); 'верхняя сторона ткани' - Посмотри от моёво сукна(!) лица да наничья; мой(!) сукно добро, свѣжѣ (455); синонимом в этом случае является слово верх: Твой товар под исподом поплоче, как на верху (353). Наконец, в разных контекстах, как можно судить по переводу фраз разговорника на немецкий и английский языки, лицо могло обозначать 'ворс, цвет сукна': Твои сукна цвѣтъ / лице скинули ['выгорели, вылиняли'] (454); Не испорти лица от моёго товару; коли лицо от того товару скинуло ['вытерся ворс'], ино люди товару не рад(!) купят (293). Ср.: Ворса от твой(!) однорядка(!) вытерлась (225).

О качестве товара сообщает и глагол схитрить 'скрыть недостатки, изъять; изменить качество товара в худшую сторону при сохранении внешнего вида': Я вчерась твой товар видал, был добросѣй; нынѣча с худим смѣшѣн да схитрѣн (320); Я своёво товару не хитрил, мой товар без хитрости (339). Ср. также: Твой товар залёжался (285).

Процесс купли-продажи характеризуется рядом наречий: вручь 'наличными'; околь и внутри; свалом, сгрѣбом или на розницу; по один верх 'оптом, кучей' аль на розницу; на верху, в середку да под исподом и др.: Я свой товар продам да вручь деньги взять (280); Поди со мной, яз тебѣ товар раскладу, и ты ёво смотри-ж каков околь, таков внутри (295); Как-ли ты товар купишь, по один верх аль на розницу? (304); Как ты товар продаешь? Свалом ли/сгрѣбом ли ты ёго продашь аль на розницу?(339); Посмотри товар на верху, в середку да под исподом, как тебѣ товар по подобью-ль/по обычаю-ль (338).

Обширную группу составляет тесно связанная с лексикой торговли судебно-юридическая лексика: тягаться 'вступать в тяжбу, судиться', лазить в суд 'обращаться, идти в суд', подзывать 'вызывать кого-л. в суд', искать чего 'добиваться судом чего-л.', волочить 'наносить ущерб, причинять убытки судебной волокитой', изыматься за поле 'выйти на судебный поединок',

утягаты 'выиграть судебный процесс'; обличать 'обвинять', уличать 'удостоверять, подтверждать вину', виноват 'виновен', оправить 'оправдать', орудьё 'судебное дело', крестное цѣлование 'присяга', крѣст поцѣловать 'присягнуть'; послух 'свидетель', опослухать 'дать показания', люди добрые 'свидетели', сторонский человек 'свидетель'; поличное 'краденные вещи, обнаруженные при обыске у подозреваемого в краже', засадить 'поместить в тюрьму' и др.: Мнѣ тебѣ не поклониться, мнѣ о тобой тягаться (208); Розведитесь, как пригоже, добро вам в суд не лазить (289); Я тебе перед судью подзываю (210); Я на тебѣ ишу (209); Не волочи меня (214); Я с тобой о том за поле изыматься: кому Бог ни пособит, да свой(!) кровь льешь на полѣ (234); Яз того тати обличил, да поличное у ёго вынял (240); С ким ты меня уличаешь? (210); Я ёго оправляю, он в том дѣлѣ не виновате (233); Мнѣ(!) рад тво^е орудьё изорудовать / пострѣпать (211); По крест^ном цѣлованьѣ я в том дѣло(!) не виноват (239); Хошь ли ты на том крѣст поцѣловать (239); Яз на тебе добуду послуха, которой тебе опослушает; перѣд ким ты мнѣ товар отсулил (290); Я оговору/окажу перед людьми добрыми, что яз промежи вас слышал да видал (290); Я тебѣ не вѣрю; добудь ты мне сторонсково человека, кому то вѣдомо (329); Яз тебе засажу, докуль ты мнѣ деньги не платишь (288).

Во всех тематических группах встречаются случаи использования двух-трех слов для обозначения одного понятия, что естественно при переходном состоянии лексической системы русского языка в XVI-XVII вв., однако изучение этих синонимических соответствий в настоящей статье не предполагается, они будут затронуты лишь попутно при анализе других вопросов.

Большой интерес, но и большие трудности представляет рассмотрение торговой лексики псковского рынка во временном и пространственном аспектах.

В представленном собрании слов и выражений без труда узнаются зарегистрированные в существующих исторических словарях слова, известные древнерусской письменности старшего периода и памятникам Московской Руси: весец, ⁸взять, виноват, внутри, волочить, вручь, давать, дать, дело 'работа', деньги,

⁸ При словах, упомянутых выше, определений значения не даем.

дешёвый, доброй, додать, долг, доля 'часть', дорогой, дорожить, жеребий 'доля', задаток, заклад, залежаться, запираться 'отрипнуть что-л.', искать, кабала, казак, куны, купец, кушить, менять, наклад, наложить 'оказаться в убытке при продаже чего-л.', обличать, оправить, оценить, перечесать 'пересчитать', платить, плохой, поле и мн. др.

Среди общерусских слов в "Разговорнике" отмечаются пары синонимов, один из которых преимущественно употреблялся в XI-XV вв., а другой получил распространение позже, в XIV-XVII вв. В псковской речи на рубеже XVII в. эти старые и новые синонимы сосуществовали. К синонимам этого типа можно отнести куны - деньги, худой - плохой. Интересно употребление в псковской торговой лексике этого периода синонимов идти - лѣзти, но в этом случае уже возникает необходимость разграничить в рассматриваемом материале общерусские элементы словаря и местные слова, значения слов и выражения.

Глагол идти и его производные пойти, прийти преимущественно использовались как глаголы движения: Я иду <в> мыльну (196); Тим путем я сегодня другоряд ходил (207); Поди в мои амбары (336); Приди завтра к вѣсу. О чём ты не пришёл? (198). Глагол этот редко встречается с переносным значением во фразеологически связанном употреблении: Продай мнѣ товар, как иде в людѣх ['как принято, как другие торгуют'] (357). Глагол лѣзти и его производные отлѣзти, розлѣзтись, лазить преимущественно используются в производных значениях, во фразеологически связанных сочетаниях: Я... мало просил за свой товар и нынѣ взад не лажу ['не отступаю'] да своим словом не верну (286); На мой(!) корысть ты не лазь ['не покушайся'] да не перекупай от меня товару, я вперѣд тебе товар почал торговать (294); Отлѣзь ['выплати'] мнѣ досталью, что мнѣ от тебе не дошла (354); Я тебѣ отлѣзу ['уплачу долг'] (207); Я с тобой розлѣзлесь/роspлатился... да я тебѣ не виновате (343), но в одном из примеров сохранилось значение движения, перемещения в пространстве: Розведитесь, как пригоже, добро вам в суд не лазить ['идти'] (289).

Если обратиться к данным псковской письменности XIV-XV вв., то окажется, что в то время глагол лѣзти обычно упо-

треблялся как глагол движения, ср. в ПСГ: А на суд помочю не ходити, лести в судебницу двема сутяжником (ст.58), также в устойчивом словосочетании лести на поле 'выйти на судебный поединок' (ст.18 и др.).

Сл. РЯ XI-XVII вв. отмечает у глаголов лазити и лести наряду со значениями 'идти' и 'ходить' ряд других - 'карабкаться', 'ползать' и т.п., но отвлеченных среди них нет. Таким образом, общерусский глагол лести и его производные, дифференцируясь по смыслу с глаголом идти, развили в торговой лексике Пскова XVI-XVII вв. ряд местных значений.

Анализ собранного лексического материала показал, что в торговой лексике Пскова употреблялись словообразовательные варианты общерусских слов,⁹ возможно, носившие локальный характер. Вместо широкоизвестного словосочетания сторонние люди 'чужие, посторонние люди, которые могли выступать в качестве свидетелей' (ПСГ, Посольство Жир.- Засекина, А. гражд. распр. Переп. Безобразова, Суд. 1550 г., Новоторг, устав) в "Разговорнике" отмечено словосочетание сторонский человек (с.329); окупщик товаров назван закупом (с.386), тогда как в памятниках XVI-XVII вв. чаще употребляются в этом значении слова закупень (Англ. д., ААЭ IV) и закупшии (Дм., СИГД IV, ДАИ-7); вместо более широко известного и терминологического глагола послужествовать-опослужествовать 'подтверждать (подтвердить) показаниями, уличать (уличить)' (Новг. судн. гр., Суд. 1497, 1550, 1589 гг., Крым. д. I, Ерп-Ерп.) в "Разговорнике" отражен глагол опослухать (с.290). В значении 'вызвать в суд' в ряде деловых памятников употреблен глагол позвати (Дог. Смол. о Ригой, Уст. Дв. гр., ПСГ, Новг. судн. гр., Суд. 1550 г.), в "Разговорнике" же в соответствующем контексте использован глагол подзывать (с.210).

В торговой лексике Пскова XVI-XVII вв. находим особые, локальные значения слов, известных древнерусской письменности в

⁹ Этот термин справедливо считается многими учеными (Ф.П.Филиным, К.С.Горбачевичем, Р.П.Рогожниковой) неприемлемым при характеристике современного состояния лексической системы русского языка, однако применительно к древнерусскому периоду с его не установившимися возможностями выражения одного и того же содержания он может быть использован.

других значениях: изменник (с.284) в "Разговорнике" 'тот, кто нарушает данное кому-л. слово', ср. широко известное изменник 'предатель' (Арханг. лет, Польск. д. III, Зап. прик. людей); специальное значение развило в речи купцов слово прилипать, по данным И.И.Срезневского оно означало 'приближаться, прилепляться', 'входить в общение', 'принимать участие' и т.д., но в "Разговорнике" оно значит 'активно интересоваться товаром, проявлять желание его купить': Чёму ты прилипаешь к тому товару? Товар не по твоёмu обычен (362).

Некоторые слова, входящие в торговую лексику "Разговорника", по данным доступных использованию словарей и словарных картотек, следует признать местными, известными в XV-XVII вв. преимущественно псковско-новгородской письменности: срядаться 'заключить договор', ср. Новгород. р. XV в., нарядник 'распорядитель, хозяин', ср. нарядчик - Соф. вр., 1532 г., вбчий, ср. Договор Полоцка с Ригой (Рус.-лив.а., 1407 г.), могорец. ср. Посл. Новг. арх. Генн. м. Сим. 1496-1504 г. и некоторые другие.

Группу слов на данном уровне исследования можно квалифицировать как псковские новообразования в кругу торговой лексики: промежник, при<и>мок 'барыш', вирка, вирца 'ничтожное количество (о деньгах) или название мелкой монеты', зорок 'нарекание (?)', промежничать 'выполнять обязанности маклера', обручить 'договориться о продаже товара', строгий 'качественный' (товар), разгонный 'разных сортов' (товар), сгребом 'оптом', повадно 'по подходящей цене' и ряд других слов.

К этой же группе нужно отнести экспрессивно-неодобрительные слова ворошка и кобыльник. Автор "Разговорника" записал такую характеристику лиц, названных этими словами: ... человек, который не торгует, да так ходит да посмотрит всякой товар, да не купит ничёво; таково человек^{ка} зовут по нашём(!) "ворошка" да "кобыльник" (389). Нельзя быть уверенным, что значение этих слов издатели сформулировали верно; ср. в немецком переводе Тонниса Фейне толкование слова кобыльник - *meihen bruder*, тогда, как в английском переводе издателей представлена только калька русского слова: *mare-man*. Данные русской письменности и русских говоров, которые можно привлечь для комментирования

этих слов, пока скудны. В псковских говорах ворошка 'неосторожный человек' (ПОС, 4), но эта параллель не разъясняет слова в тексте "Разговорника". Слово кобыльник отмечено в Новгородской писцовой книге I, 1584 г.: Мѣсто... тяглое... Власка кобыльника, — однако Сл.РЯ XI–XVII вв. приводит эту цитату без определения значения слова кобыльник.¹⁰

В торговой лексике "Разговорника" есть ряд устойчивых словосочетаний, которые представляют собой или варианты общерусских устойчивых оборотов или собственно псковские новообразования в пределах торговой фразеологии. Некоторые из них были упомянуты выше при анализе глагола лѣзти. Укажем еще на ряд таких выражений. Изыматися за поле (с.234) 'выйти на судебный поединок' представляет собой местный вариант общерусского устойчивого сочетания, известного с тем же значением в нескольких разновидностях: лѣзти на поле битися, лѣзти на (в) поле, позватися на поле, сведется поле, стоять у поля (Срезневский I, 90, II, 70, 1126; Сл. РЯ XI–XVII в., I, 189; 8, 200). Выражение (товар) будет в людях (с.288) 'будет продан' обнаруживает особый смысловой оттенок формы в людях, которая известна и в древнерусском языке, и в современных народных говорах в таких значениях: 'в народе' — Многу мятежу и крамоль бывшу в людехъ и молвъ не малъ... (Иак. Бор. Гл. 144 — Срезневский, II), 'при посторонних людях, при гостях' (Дм., АХУ III, 1626 г. — Сл.РЯ XI–XVII вв. 8); в людях 'где живут другие' Ленингр., 'у других посторонних' Ряз. (СРНГ, 17), а также в люди (попасть, ходить, божать) 'к посторонним, чужим людям' Ряз. (там же); в литературном языке: бывать в людях, показываться в люди; на людях 'на виду у других' (ССРЛЯ, 6). Выражение за одно лицо (продать товар) (с.291) 'придав единообразный вид' также содержит особый оттенок значения слова лицо 'передняя, верхняя, наружная сторона чего-л.', ср.: За 20 аршин>

¹⁰ Может быть, значение его прояснят параллели из современных псковских говоров — однокорневые слова, выступающие как экспрессивные, неодобрительные названия детей и молодежи, обычно рослых, здоровых: кобыльник, кобыльняк, кобылятник, кобыльница, кобыльню, кобыльничка: кобыльнички, ребята большие, балуются (Палл.); Во! кобыльняк какой, всё смеётся, на то дни и малодня (Порх.); Иди домой! Слыш! Иш кобылятник, смолчи! (Гд.).

камки кармазину травная, на одно лицо ['одного вида, цвета'], по 2 рубли за аршинъ (Кн. прих.-расх. Каз. пр., 68, 1613 г. - Сл.РЯ XI-XVII вв.). Заметим, что это словосочетание в Сл.РЯ XI-XVII вв. не выделено особо, а встретилось в одном из примеров на значение 'лицевая часть ткани или изделия из ткани'. В современных говорах: лицом товар 'на виду' Ворон., лицом товар продавать 'в значении красивой укладки' Ворон. (СРНГ, 17). Местный характер фразеологизма по один верх (продать товар) 'оптом, без сразу' подтверждается сравнением с московскими документами XVIII в.: ... Торгуют оптом, а не в рознь (Указ о взятии в посады людей и крестьян, 1699 г. - ПРП-7, с.302). К этой группе устойчивых сочетаний местного характера примыкает отмеченное "Разговорником" выражение литии пить 'пить вино, водку по поводу совершения сделки' (СРНГ, 17), широкоизвестное в севернорусских говорах, но не отмеченное в древнерусской письменности.

Рассмотрение состава торговой лексики "Разговорника" в историческом и пространственном аспектах целесообразно завершить сопоставлением этой лексической группы разговорной речи Пскова начала XVII в. с лексикой псковской деловой письменности XIV-XV вв. и некоторыми записями псковских летописей, где затрагивалась тема торговли и суда.

Общими оказались такие слова: в разделе торговля - весец, взять, дать, деньги, доля, закуп, куны, купец, купить, купчина, платить, прибавить (цену), придать (денег), продать, прямо 'верно, честно', смовиться 'сговориться', товар, торговать, убыток, цена; в разделе кредитно-денежные отношения - виноват 'должен', дать поруку, долг, заклад, поручиться, поручник, прозакладать; в разделе судебно-юридические понятия - вынять поличное, залираться, искать, крест поцеловать, крестное целование, люди добрые, опослухать, оправить, орудье, подзывать (в суд), послух, тать, тягаться, украсть, сторонский человек и др. Этот перечень показывает, что традиции делового языка Пскова периода его самостоятельности не прервались после присоединения Пскова к Москве, но в значительной степени сохранились, и не только в языке деловых документов, но и в разговорной речи псковского рынка. Следует подчеркнуть, что в на-

чале XVII в. "Разговорник" отметил в живом употреблении некоторые местные элементы псковской деловой лексики XIV-XV вв.: смолвиться 'сговориться' (с.207), ср. ПСГ смолвить 'условиться'; глаголы смолвиться, смолвить и существительное смолова, по данным Срезневского, употреблялись в памятниках, преимущественно северо-западного происхождения; слюбить, слюбовать 'выбрать то, что понравилось' и 'обещать' (с.373 и 407), ср. ПСГ за слюблено 'за полюбовную цену, по взаимному соглашению'; глаголы слюбити и слюбовати 'обещать' и 'условиться' употреблялись преимущественно в северо-западной деловой письменности XIV-XVI вв. и деловых памятниках Великого княжества Литовского; подзывать 'вызывать в суд' (с.210), ср. в ПСГ позовник 'должностное лицо, вызывавшее ответчика в суд', позовница 'повестка о явке в суд', известные также и судебной практике Новгорода периода его самостоятельности; орудье (с.211), ср. ПСГ также орудие; в этом значении слово отмечено не только в псковском памятнике, но и в памятниках новгородских и западнорусских.

Однако "Разговорник" отражает и несомненное влияние в XVI-XVII вв. лексических норм московского делового языка на деловую письменность Пскова, а также и на устную деловую речь. Ср. употребление в "Разговорнике" глагола уличить 'подтвердить вину' вместо должить и изличить ПСГ, существительного срок 'установленное время исполнения чего-л.' вместо зарок ПСГ и ряд других аналогичных замен.

Рассмотрение лексики "Разговорника" в сопоставлении с лексикой деловой письменности позволяет еще раз подчеркнуть несомненную связь лексического состава памятников деловой письменности русского средневековья и словаря обиходной разговорной речи.

Дальнейшее изучение лексики "Разговорника" должно обогатить историческую лексикологию новыми данными не только об обиходно-разговорной речи средневекового города, но и о социально-детерминированной ее разновидности - речи купцов, торговцев, звучавшей на псковском рынке, изучение которой начато в этой статье.

ШУЛИКУНЫ. ОБРАЗ И СЛОВО

Еще в 1930-х годах Д.К.Зеленин писал о "загадочных водяных демонах шуликунах у русских".¹ Ранее шуликуны упоминались в трудах П.Кузмищева, С.В.Максимова, В.М.Зензинова² и др., но сведения о них, которые могут быть извлечены из этнографических и фольклорных трудов и архивов XIX-XX вв., носят весьма отрывочный характер. Смутные воспоминания об этом образе народной демонологии удастся обнаружить еще и сейчас в наиболее удаленных районах русского Севера. Слово попало в диалектные словари и картотеки.

Этнографические сведения о шуликунах, хотя и разрозненные, но в совокупности все же достаточно весомы и основательны. В лингвистическом же отношении, несмотря на многочисленные попытки этимологизации, слово не находило удовлетворительного истолкования, что и удостоверяется в словаре Фасмера, где оно помечено как неясное.

В книге Р.Г.Ахметьянова, посвященной лексике духовной культуры народов Среднего Поволжья,³ намечены новые и, как представляется, весьма интересные генетические связи для русского шуликуна. Однако в работе Р.Г.Ахметьянова русское диалектное шуликун упоминается достаточно вскользь, а для оценки степени достоверности предложенных сопоставлений необходимы обобщенные сведения по семантике, употреблению и главным образом территориальному распределению лексем. Предлагаемая заметка и имеет своей целью представить материалы по слову шули-

¹ Зеленин Д.К. Загадочные водяные демоны шуликуны у русских. - *Zud swolanski*, t.I, str.2. Kraków, 1930, s.B220-B238.

² Кузмищев П. Замечания о камчатском наречии, принадлежащее к собранию особенных слов, употребляемых в Камчатке. - *Москвитинин*, ч.6, 1842, № II, с.258; Максимов С.В. Нечистая, неведомая и крестная сила. М., 1903, с.4; Зензинов В.М. Русское устье Якутской области, Верхоянского округа. М., 1913 (оттиск из "Этнографического обозрения", кн. ХСVI-ХСVII), с.199.

³ Ахметьянов Р.Г. Общая лексика духовной культуры народов Среднего Поволжья. М., 1981.

кун, подкрепляющие, как кажется, этимологические предположения Р.Г.Ахметьянова.

Слово шуликун, шликун, шыльхан и другие его многочисленные варианты (сводку которых см. ниже) имеют очень несложную семантическую структуру, основу которой составляют два значения мифологического поля: мифологический персонаж и святочный ряженный.

Значение 'мифологический персонаж' распространено на всей территории фиксации слова: на севере Европейской части РСФСР (Арх., КАССР, Волог., КомиАССР, Киров., Перм.), на Урале (Свердл.), во многих частях Сибири (Новосиб., Иркут., средн. течение р. Оби, Якут.), на Камчатке. Этнографические сведения об этом персонаже имеют в разных источниках весьма различную степень полноты. В Опыт (с.265, 268) шликун (Иркут.), шуликун, (Арх.)определяется как 'домовой': Грех играть в куклы в священный вечер, шликун уташит (Арх.). У Даля шликун (Вят., Перм., Сиб.)— 'нечистый дух, черт, злой домовый' (IV, с.633). В печорских записях шликунка 'бесенок', в "Сборнике местных (арханг.) слов" шуликун 'сказочный рождественский миф' (АПД, кол. 117, п.2, № 18), в пермских современных материалах шликунны — 'черти', на Пинеге — собир. 'всякая мелкая нечисть, причиняющая людям маленькие неприятности'. Однако есть и более подробные этнографические характеристики, вскрывающие мифологическую семантику образа. По данным Куликовского, шликунны — это бесы в образе людей с железными головами, в остроконечных шапках, появляющиеся в святочное время (с.137). Шуликены, чуликунны и др. в святочное время выезжают из проруби на конях в санях, "страшны, востроголовы, изо рта огонь, в руках каленый крик, им загребают детей, кто в это время на улице" (Арх., Пин.). В Вологодской области шульканы — это "чертенки", дети кикиморы. Они рождаются о святках в ненастные ночи и вылетают через трубу на улицу, где и живут до крещенья. Иногда они показываются ворожащим девкам в виде чертенят черного цвета, с маленькими рожками и козлиными ножками (АМЭ, № 296, л.6). По вологодским же материалам шыльханы — маленькие существа, мальчишки-пакостники и шалуны, живущие артелями в заброшенных сараях, постройках. Они делают мелкие гадости: пьяного в лужу заведут,

столкнут человека в грязь и под. (АГО, оп. I, разр. 7, № 78). Сибирские материалы подтверждают основные характеристики персонажа – появление в святочное время, связь с водой, маленький размер, вредоносность. Селиканы, шелликаны – существа маленького роста, "с кулачок". Это нечистая сила, домовые. В крещение они выходят из прорубей и позднее снова туда возвращаются; могут забраться в избу; в амбарах из-за них незаметно кончаются припасы. Чтобы обезопаситься от них, женом колом обводит вокруг амбара или избы черту. Они заманивают в воду: "Два года тому назад на реке у нас они девуку утопили – заманили в прорубь" (Якут. Индигирка).⁴ Шулюпаны – черти, бегавшие перед крещением по льду реки. Во время крещенского водосвятия их якобы давили на состязаниях в верховой езде, так как обилие шулюпанов – плохое предзнаменование на предстоящий год (Иркут. – КСРНГ). Воспоминания об этом обряде удалось зафиксировать на Печоре: Великий пост пройдет, будет заговенье. Крутом деревни гоняют тройки, шуликунов топчут. Это будто черти, а потому их и топчут, чтобы они не остались (Коми АССР Усть-Цильма).

В позднейших материалах шуликуны отчасти смыкаются с проклятыми и погубленными матерями детьми и через них – с русалками. В пустых избах перед полночью из голбца выходят мальчуганы – дети, проклятые родителями. Они могут появляться в деревне и причинять неприятности (Волог. Кадн. – АМЭ, № 237). Эти "мальчики" могут также считаться помощниками колдунов (Волог. Чаг. 1981). Наконец, шуликуны прямо называются чертями и бесами и имеют характерные черты последних – остроконечную голову или шапку, черный цвет. Однако, несмотря на синкретичность и позднейшие наслоения, шуликун – особый персонаж, обнаруживающий локальные различия, но обладающий известной целостностью. Инвариантные признаки персонажа – связь со святочным или предновогодним периодом, с водой, вредоносность, множественность.

В значении 'святочный ряженный' слово шуликун и его варианты функционируют наряду с большим числом иных наименований ряженных (окрутник, хухольник, кулик, кострома, нарядиха, пече-

⁴ З е н з и н о в В.М. Указ. соч., с.199.

маз, тряпосы́ник, фо́фанец и под.) практически на той же территории, что и в первом значении, — Арх., Олон., Вят., Перм., Обь, Новосиб. и др. — иногда даже активнее. В части материалов ряженные-шуликуны противопоставляются иным типам ряженных по виду облачения — подчеркнуто плохому, некрасивому, состоящему из обносков и лохмотьев: В святки шу́лкан ободолается. Если в хорошую одежду, то ряженный, а если махор какой страшной, то шу́лкан (Обь — Сл. стар.З); А ежели худенький, махрушки каки, пимишки драны да чирки на одну ногу, пимишко на другую, шапку драну надеват, рожу намазкуат, так то шу́лкины зовут (там же).

Переносных значений отмечено всего несколько.

Шилику́н 'о людях, имеющих голову, вытянутую по форме' (Олон.— Куликовский, с.137). Перенос осуществлен на территории, где в характеристику персонажа входит упоминание об остроконечной шапке.

Шелику́н 'пугало' (Свердл.— КСРНГ). Этот перенос осуществлен, вероятно, на основе значения 'ряженный в некрасивом, отталкивающем наряде'.

Шуликáн 'святочный пирог' (Забайк.— Сл. Забайк., с.466).

Слово употребляется бранно. О группе детей: Целый день шиликуны под окном возятся (Сл. Забайк., с.463); Бегите отсель, шиликуны, пока вас водой не облили (там же).

Система дериватов у слова развита слабо: шеликунка 'бе-сенок' (Печ.), глагол в нескольких вариантах: шиликуни́чать (Опыт., 1852, с.265), шилику́нничать (Арх. — Подвысоцкий, с.192), шулико́ничать 'ходить ряженным на святках' (там же, с.194); шулико́нство, шулику́нство 'переряживание на святках' (Арх.— Подвысоцкий, с.194).

Поиски истоков слова шуликун шли в разных направлениях. Д.К.Зеленин еще в 1930 г. достаточно определенно высказался в пользу неславянского происхождения слова. Ссылаясь на В.Радлова ("Опыт словаря тюркских наречий", т. 4. СПб., 1911, с.832) и на Киргизско-русский словарь (Оренбург, 1897, с.186), он предлагает считать источником русского шуликун тюркское şülük 'пиявка', на основе которого предполагается возможным образование şülük-kan т.е. 'хан пиявок'.⁵ Предполагалась

⁵ Зеленин Д.К. Указ. соч., с.В 237.

также первичность значения 'ряженный' и связь с мордовским шы-лыган 'головной убор мордовских женщин, покрывающий голову и спускающийся сзади на спину', так как ряженные могли закрывать голову подобным убором.⁶ Представлялось возможным сопоставление с марийским шўлыкән 'грустный, унылый, мрачный, тоскливый', поскольку шуликуны — это, как правило, некрасивые, оборванные ряженные, своим видом наводящие страх и тоску, в отличие от других — смешных и веселых; с чувашским чилле, татарским челле (из перс. *çillâ*) — названием сорока самых холодных дней года с 25 декабря по 5 февраля (в начале этого срока и появляются шуликуны) и татарск. хан 'правитель, распорядитель'. Высказывалась мысль и о славянском характере слова и связи его с шуи 'левый', т.е. принадлежащий нездешнему, "левому" миру темных сил (ср. левый 'черт').

Однако эти предположения не были в полной мере убедительны, так как они лишь ковенно соотносили слово с основными типологическими признаками образа, а главным образом не указывали на персонаж сходных характеристик — близкий или далекий, но непосредственный источник русского шуликуна.

С наибольшей вероятностью можно предположить, что русское диалектное шуликуна, шиликуна, шуликина и проч. заимствовано из коми шулейкина. По свидетельству В.Н.Белицера, коми шулейкины — это водяные, маленькие злые подводные духи, которые выходят из воды "в день нового года и до крещения разгуливают свободно, по ночам пугая людей".⁷ Образ башкирской мифологии шулгән — 'злой дух, один из двух сыновей первочеловека, впоследствии подводный царь, который имеет под водой бесчисленные стада скота',⁸ чувашский сылсукин, марийский шюлкин 'некий дух',⁹ якутские сылуканы — 'хозяева подводного мира, которые разводят

⁶ Черепанова О.А. Демонологическая лексика севернорусских говоров. — В кн.: Севернорусские говоры, вып.2. Л., 1975, с.135.

⁷ Белицер В.Н. Очерки по этнографии народов коми. — Труды Ин-та этнографии АН СССР, 1958, нов.сер., т.45, с.319.

⁸ Башкорт халк ыжалы: Эпос. Уфа, 1972, с. 33-144, 145-187; 302 примеч.

⁹ Смирнов И.Н. Черемисы. Казань, 1889, с.246.

сикот и выходят в дни Нового года (22 декабря – 5 января) из воды,¹⁰ указывают на наличие этого образа и мотива у тюркских и финно-угорских народов. Особенно развернут образ сикоканов в якутских мифологических представлениях. Это водяные жители второго рода (первый – у иччитá). По внешности они ничем не отличаются от людей, кроме отсутствия бровей. Живут в воде семьями, вылезают из воды во время святок, боясь, чтобы на них не попала освященная "иорданская" вода. Во время пребывания на земле они живут по кладбищам и пустым домам. Очень любят играть в карты и могут играть даже с человеком, но выигранные у них деньги впоследствии превращаются в мох. Они очень богаты и даже существует пословица сүлүкүн убаа үптэх, т.е. "владеет сикокановыми богатствами", что аналогично речению "богат, как Крез".¹¹

В упомянутой книге Р.Г.Ахметьянова приводится ряд соображений, показывающих, что образ шуликуна, имеющийся у финно-угорских и тюркских народов Поволжья и Предуралья, а также у русских, идет с востока, корнями своими уходит в глубь мифологии алтайских (и тюркских, в частности) народов, которые, в свою очередь, имели достаточно тесные культурные и материальные связи с древними китайцами и корейцами и восприняли от них многие мифологические мотивы и образы. Так, народы Восточной Азии и древних алтайцев объединяет с китайцами общность многих новогодних обрядов и мотив участия в них дракона – хозяина воды. Культ дракона в Китае развит весьма широко, дракон в китайских сказках и легендах присутствует почти неизменно, имея разные обличья и имена. Общее китайское название дракона – лун. Главным драконом является шуй-лун-хуан 'император водных драконов', к имени которого скорее всего и восходит позднейшее наименование шуликун. В.Г.Ахметьянов приводит некоторые общие дистинктивные признаки шуликунов и шуй-лун-хуана и прежде всего их общую связь с новогодними ритуалами, появление из воды и возвращение туда же. Объединяют мифологемы и более частные

¹⁰ П е к а р с к и й Э.К. Словарь якутского языка, т. I – Ш. М., 1959, с. 2390–2391.

¹¹ К у л а ц о в с к и й А.Е. Материалы для изучения верований якутов. Якутск, 1923, с. 43–44.

свойства, например, считалось, что если шуликунов под Новый год появится много, то год будет плохим, поэтому их изгоняли определенными способами, выходили или выезжали на лошадях на реку "топтать шуликунов". Точно так же обилие драконов дождя было плохим предзнаменованием у китайцев. В образах башкирского шулгана и шуй-лун-хуана общее то, что оба они – хозяйка воды и дождя и имеют по красавице-дочери. По татарским народным легендам мифическая птица шулгэн, шулегэн, шулеуегэн является снохой (дочерью) подводного царя; она вылетает из воды в поисках своего сына и призывно поет перед дождем (громом). В китайской мифологии одна из частных инкарнаций дракона – птица.

На основе всех этих сведений Р.Г.Ахметьянов приходит к выводу, что слова шулейкин – шулгэн – шиликун – сүлүкүн, по всей вероятности, являются звеньями одной цепи. "Есть основания полагать, – пишет он, – что это слово имеет монгольско-китайское происхождение".¹²

В пользу высказанных предположений говорят некоторые сведения, которые касаются функционирования слова шуликун в русской диалектной среде. Прежде всего это географический фактор. Приводим перечень вариантов слов с указанием их территориального распределения (д. – значение 'демонический персонаж', р. – 'ряженный'):

Вариант
наименования

География

Шили́кун

Арх.(р.), Вят., Перм., Сиб., Камч.(д. р.), Забайк. (д.)

шили́кун

Олон. Вят., Сиб., Камч. (р.д.)

шилхан

Волог. (д.)

шиликон

Арх. (р.д.)

шули́кун

Арх., (р.д.), Пин. (д.), Перм. (д.)

шули́кун

Арх., (р.), Вят., Перм., Сиб., Камч. (р.д.)

шули́кин

Пин. (д.)

шу́ликин

Новосиб. (р.)

шули́кен

Пин. (д.)

¹² А х м е т ь я н о в Р.Г. Указ. соч., с.58-59.

шулюкин	Обь (р.)
шулькан	Обь (р.), Иркут. (д.)
шулюкюн	Иркут. (д.)
шульканы, мн.	Волог. (д.)
шулькон	Арх. (д.)
шуликон	Арх. (р.)
шулюпаны	Иркут. (д.)
шаликун	Арх. (р.)
шаликан	Арх. (р.)
шеллику́н	Свердл. ('пугало')
шелликунка	Печ. (д.)
шеликаны	Якут. (д.)
шельканы	Якут. (д.)
селиканы	Якут. (д.)
чиликуны	Пин. (д.)
циликуны	Пин. (д.)
шиликун	сев. (д.)
шелкун	Якут. (д.)
сколюкюн	Якут. (д.)
шулика́н	Забайк. ('пирог')
шалихун	без указ. места (д.)
шолхан	без указ. места (д.)
шулейкин	Коми АССР (д.)

Обращает на себя внимание тот факт, что русское шуликун и его варианты отмечены лишь на территориях контактирования с финно-угорскими и тюркскими народами и прежде всего на севере Европейской части, в Поволжье, на юге Сибири. Наивысшая концентрация вариантов, частотность фиксации слова опять-таки на севере Европейской части, а более полная характеристика образа — в Сибири. Севернорусские шуликуны почти идентифицировались с бесами и чертенятами, сибирские же активно и своеобразно проявляют себя в новогодний период. Места фиксации слова в Сибири указывают на основные пути движения переселенцев, так что скорее всего слово было занесено в связи с перемещением населения из Европейской части и, "вернувшись" на родину, легко и просто укоренилось, найдя благоприятную почву в местных обычаях и поверьях.

Далее, типологическая природа образа шуликунов не находит полного и непосредственного соответствия у славян. В славянских и — шире — европейских мифологических представлениях имеются образы и мотивы, связанные с периодом святок и нового года. У русских это святки — нечистый дух в облике человека или животного, который может и повредить человеку, и принести ему добро. Он опасен для гадалщиц, но не может переступить черту, проведенную железным предметом (Олон.).¹³ Святочицы — некрасивые, покрытые волосами духи, появляющиеся на святках в банях и неосвященных избах (ср. пребывание там же шуликунов), которые могут только петь и плясать, но не говорить (Калуж.).¹⁴ Святоша — нечистый бес, который является тому, кто рядится на святки (Орл. — Даль, IV, с.162). Аналогичную мифологическую семантику имеет и украинская святёха.¹⁵ На севере в святки ходит Варвара со сковородкой и пугает детей (Мурм. Тер. Варзуга, 1979), что прямо смыкается с рядом европейских персонажей, называемых: чеш. *Peruchtá, Berchtá*, морав. *Ěrečchtá*, словен. *Perhta baba*, нем. *Berchte*, франц. *Berthe* и под. Эти персонажи также появляются перед Рождеством или Новым годом. Того, кто не постится в Щедрый вечер, они могут выпотрошить или изжарить, для чего у них есть нож, раскаленная кочерга или сковорода.¹⁶ У сербов подобный персонаж — караконцула, гвоздензуб.¹⁷ Однако у славян и европейских народов святочные персонажи не связаны с водой, тем более не появляются из воды. Этот мотив действительно скорее всего идет с Востока.

Персонажи, идентичные с шуликунами или типологически очень близкие к ним, могут иметь и другие наименования. Это куляны

¹³ Георгиевский А. Народная демонология. — В кн.: Олонецкий сборник, вып. IV. Петрозаводск, 1902, с. 61.

¹⁴ Померанцева Э. В. Мифологические персонажи в русском фольклоре. М., 1975, с. 100.

¹⁵ Зеленгин Д. К. Очерки русской мифологии, вып. I. Пг. 1916, с. 295.

¹⁶ Mášhal H. Nákras slovenského bájeľství. Praha, 1891, в. 191.

¹⁷ Кулишић Ш., Петровић П., Пантелић Н. Србски митолошки речник. Београд, 1970, с. 165, 87.

‘чертенюк, водяной, который на крещение выходит из воды’ (Волог.- Даль, II, с.217), кулиши ‘маленькие чертенята разных цветов, которые появляются во множестве в деревнях на святках’ (Зеленин, СРНГ, 16, с.69), шуликуны ‘святочные нечистые в виде маленьких людей на конских ногах, с острыми головами’ (Сиб.).¹⁸ Богатырев в Шенкурском уезде Вологодской губернии отмечает наименование шолышны: «Под крещение выгоняют из дома шолышнов, выгоняют святой водой из домов, овинов, баней... Окропляют каждого человека, окропят, а потом квартиру – крестообразно... Будто у шолышна шапка железная штыком, в руках носит железную сковородку с горячим угольем и бегая по-на улицу, выговаривая: “На кол девку, на копыл парня”».¹⁹

По крайней мере два из наименований персонажей, идентичных с шуликунами, являются неславянскими по происхождению. Куляш, вероятно, из коми *kuł* ‘злой дух’ (Фасмер, II, с.413), но *kuł* (а также рус. тобол. куль ‘черт, злой дух’) заимствовано из ханты (Фасмер, II, с.412). Наименование шолышны сопоставимо с марийским шолыштам ‘ворую’, форма на -шны указывает на коми источник (одно из свойств шуликунов, как отмечалось выше, то, что с их появлением исчезают запасы, пропадают вещи). Стабильность неславянских наименований сходных персонажей еще раз подкрепляет неславянское происхождение самого образа шуликуна и его названия.

Использование наименования демонических персонажей для обозначения ряженых вполне объяснимо, так как обряд ряженья, так же как и появление шуликунов, связан с периодом святок и Нового года. Подобно шуликунам, ряженые “артелями” ходили по деревням, “кудесили”, т.е. устраивали шалости, озорничали. Наконец, факт переряживания, изменения облика очень долго сохранял налет ахристианства, связь с демоническими силами.

¹⁸ Макаренко А. Сибирский народный календарь в этнографическом отношении. – Зап. рус. географ. о-ва по отделению этнографии. СПб., 1913, т. XXXVI, с.48.

¹⁹ Богатырев П.Г. Верования великорусов Шенкурского уезда. – Этнографическое обозрение, 1918, № 3-4, с.43.

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКОЙ ГРУППЫ ГЛАГОЛОВ СО ЗНАЧЕНИЕМ 'БИТЬ, УДАРЯТЬ' С ГЛАГОЛАМИ ДРУГИХ СЕМАНТИЧЕСКИХ КЛАССОВ

Взаимодействие глаголов разных семантических классов отмечалось рядом исследователей.¹ Эта тенденция характерна для глаголов говорения, движения, физического воздействия, звучания и др. В составе русского просторечия XVIII в. Г.П.Князькова выделяет группу глаголов физического воздействия на человека, у которых наблюдается тенденция к формированию обобщенных производных значений для обозначения энергичного действия.²

Взаимодействие глаголов "удара" с глаголами других семантических классов проявляется в семантической структуре самих глаголов. "Устройство семантических полей, — отмечает Ю.Д. Апресян, — повторяет устройство многозначных слов".³ В зависимости от семантической структуры ЛСТ со значением 'бить, ударять' будет рассмотрено взаимодействие их с глаголами других ЛСТ.

Глаголам ЛСТ со значением 'бить, ударять' свойственно употребляться в следующих обобщенных значениях: 1. Производить удары, ударять; 2. Ударами разбивать, раздроблять; 3. Ударами разминать, молотить; 4. Ударами производить звенящие звуки; 5. Издавать звенящие звуки; 6. Наносить удары, побои кому-н.; 7. Ударами лишать жизни, убивать; 8. Говорить; 9. Петть; 10. Идти, бежать; 11. Есть; 12. Петть; 13. Делать что-н.; 14. Жалить, кусать; 15. Течь, литься (о жидкости). Из общей семантической структуры глаголов группы видно, что часть значений непосредственно связана с нанесением ударов, стуком. Другая группа зна-

¹ В а с и л ь е в Л.М. 1) Очерки по семантике русского глагола. Уфа, 1971; 2) Семантика глаголов звучания в современном русском языке. — В кн.: Системные отношения в лексике и методы их описания. Уфа, 1977, с.3-20; А п р е с я н Ю.Д. Экспериментальное исследование семантики русского глагола. М., 1967, с.29-39, и др.

² К н я з ь к о в а Г.П. Русское просторечие 2-й половины XVIII в. Л., 1974, с.137-145, 149-150.

³ А п р е с я н Ю.Д. Лексическая семантика. М., 1974, с.253.

чений непосредственно к ударам не имеет отношения, это значения с разной степенью производности.

Результатом действия над неодушевленным предметом может быть звучание разнообразных твердых предметов. В этом случае глаголы "удара" вступают во взаимодействие с классом глаголов звучания. Глаголы несов. вида брякать, брячать, каланда́ть, кабунд́ать, рабайда́ть, давайда́ть, ря́кать, сов. вида — ка́внуть, коло́нуть, салану́ть, то́рнуть и др. употребляются в значении 'ударами в металлические предметы производить звенящие звуки': Нап сходи́ть ф ко́локол ка́внуть, штоп слы́шно бы́ло (Медв.); Я вй́ду в ведро́ коло́ну, так и бегу́т ко мне поро́сятки (Онеж.); Ф подо́йник мо́жно салану́ть (Пуд.). Эти значения реализуются в сочетании с конкретными существительными, обозначающими звучащие предметы, в вин. пад. с предлогом: в желе́зину, в подо́йник, в ведро и др. Если сам субъект во время движения или какого-н. действия над ним издает звук, то глаголы выступают в значении 'издавать звенящий звук': Се́ном за́купоря́т горшкы́, штоп не бря́кали (Онеж.); У нас слы́шно, как дзе́ри ерзону́т (Подп.); Колоко́ла́ так и са́я́т, наро́т ф це́рковь призы́ва́ют (Кириш.). Некоторые глаголы употребляются в значении 'производить шум, звон, ударами твердых, чаще металлических предметов': Это значение реализуется в конструкции ударя́ть + чем. Што ты ве́драми ка́ландаш (Медв.); Приде́м поло́ска́ть, так ра́байдам ве́драм, звук тако́й рабайду́чий (Медв.). В зависимости от сочетаемости с конкретным существительным глаголы звучания обрастают дополнительными оттенками, в результате усиливается ситуация звучания.

Для обозначения звуков раздавшегося грома употребляются глаголы несов. вида гу́майда́ть, рабайда́ть, ря́кать, бронда́ть; сов. вида — громо́нуть, дрызну́ть, грохну́ть, ря́чну́ть, тра́хну́ть, ша́рну́ть и др.: Гром гу́майда́ет, мо́лнии сверка́ют (Кем.), Как зацпы́ёт гром ря́цка́ть, то́лько земля́ дрожи́т (Печ.), Гром ря́чкнул. Когда́ громи́т, мы говори́м ря́чка́ет (Медв.). Для передачи звуков грома эти глаголы в зависимости от вида могут иметь значение 'производить резкие громкие звуки, грохотать' и 'раздаться, загреметь'. Перечисленные глаголы относятся к классу глаголов звучания, одни из них характеризуют способ распространения звуков, другие указывают на характер звучания.

ЛСГ глаголов со значением 'бить, ударять' может употребляться с общим значением 'говорить'. В этом значении они взаимодействуют с ЛСГ глаголов говорения. В зависимости от цели высказывания, манеры и темпа речи и т.д. (быстро, медленно, тихо, шепотом, неразборчиво и т.д.) и ситуации высказывания эти глаголы могут употребляться в различных значениях и оттенках значений. В значении 'вести легкий, непринужденный разговор' употребляются глаголы брякать, рабайдать, тёпать: Вечером сидим, брякаем, рабаиво слушаем (Карг.); Сидим рабайдаем (Медв.); Со старухой тёпам о жизни (Пуд.). Некоторые глаголы употребляются в значении 'произносить слова': Мы ляпам по-своему (Медв.); Городовые интересно говорят, а мы не интересно бухаем (Череп.). 'Рассказывать сообщать о чем-н.': Ой рабайдунья, всё рабайдую вам (Медв.). 'Болтать, пустословить': Что лячкаешь-то, не знаешь, а лячкаешь (Череп.); Будя тебе барабошить, как стане барабошить, дак не скоро замолчит (Медв.). Наиболее часто глаголы класса говорения употребляются в значении 'говорить быстро, неразборчиво': Ну вот начал барабошить, ничево не поймешь (Медв.); Ой круто, так круто говорит, как барабошка барабошит, да ничево понять не можно, так круто рабайдает (Медв.). Часто неразборчивость речи, быстрый темп ее подчеркивается наречиями быстро, круто, иногда весь контекст указывает на это: другой раз ни слова не поймешь, ничево понять не можно.

К группе глаголов говорения примыкает класс глаголов звучания со значением 'издавать голосом звуки, петь': Песни-то жарят, во весь дух песни поют (Тер.); Пайгали у Ульяны песен до самого вечера (Вит.); Мы так песни любили, так поём, зыкам (Печ.). Глаголы звучания также имеют дополнительные оттенки значения в зависимости от манеры пения.

Взаимодействия ЛСГ глаголов "удара" с глаголами передвижения, перемещения в пространстве нашло отражение в употреблении их в значениях 'идти, ходить (о людях)' и 'ехать, мчаться (о транспорте)'. Это глаголы драть, дуть, зыкать, жарить, пазгать, сидить, свистать, сигать, тёпать и др., а также производные от них. Чаще всего они употребляются для характеристики темпа передвижения, цели, неожиданности совершаемого действия, для подчеркивания интенсивности движения. Многие гла-

голы указывают на однонаправленность действия с разной степенью интенсивности: Вправо дуи, туда в гору, в деревню. Сапоги оденешь з дóлгими голенищами, да и пазгай до са́мова Пйтера (Шекон.); Ты сево́дня за полтарá часа, ты свйшлешь прйтко (Медв.). Значение многих глаголов конкретизируется в контексте, и соответственно они приобретают дополнительные оттенки значения: А на рабóту ра́ньше жа́рили в лаптях (Пуд.). Глагол жа́рить имеет в этом контексте значение 'ходить'. Стилистическая сниженность, пейоративность создается лексическим окружением (в лаптях, ра́ньше). На повторность, нежелательность действия могут указывать некоторые глаголы: Она́ опя́ть посви́стала к субо́дке (Кирил.). Многие глаголы употребляются в значении 'быстро, стремительно бежать'. Чаще всего это значение реализуется в контексте, где речь идет о животных: Как соба́ка пазга́ет, бы́стро бежа́т (Шекон.); Как ко́ни са́дят, то́лько но́ги свй́шнут (Карг.); Медвежа́та как де́рнут в лео, и она́ [медведица] за ни́ми (Онеж.). В этом значении употребляются глаголы, для которых значение, связанное с ударом, является переносным. Интенсивность, быстрота передается при помощи метафорического употребления, суффикса -ну- и сочетания с наречием как.⁴

Глаголы со значением перемещения имеют четкие формы синтаксической обусловленности. Поскольку это глаголы движения, то они указывают на направление движения, сочетаясь с существительными в косвенных падежах, с наречиями: в деревню, до са́мого Пйтера, к сусе́дке, в сто́рону, вправо, по́дальше и т.д. Для указания как, каким образом совершается действие, употребляется наречие образа действия (прйтко, бы́стро). Таким образом, основные значения в контексте обрастают дополнительными признаками, которые могут входить или не входить в лексические значения глаголов. Если эти признаки заключены в семантике самих глаголов и словообразовательных моделях, то они входят в значение: те́пать 'идти медленно', бры́знуть 'неожиданно пойти, поехать'. Лексическое окружение лишь усиливает интенсивность совершаемого движения, но не входит в значение глаголов.

⁴А р з у м а н о в а Н.Г. Способы выражения экспрессии в контексте. — В кн.: Севернорусские говоры, выч.З. Л., 1979, с.63-69.

Многие глаголы ЛСГ "удара" вступают во взаимодействие с глаголами приема пищи. Глаголы типа жогать, лущить, зудить, лочкиать, лячкаать, хлебать, трёскаать и др., а также производные от них характеризуют сам процесс приема пищи, с указанием на то, как едят: с жадностью, с аппетитом, досыта, чрезмерно, проголодавшись, едят чужое, не свое. Часто эти глаголы употребляются в одном контексте с нейтральным общерусским глаголом есть: Жогали, жогали мой хлеб, свое-то не привезли (Белом.); Рыбку не удишь, так суха хлеба зудишь, а рыбы не наудишь, так и хлеба позудишь суха (Медв.); Вот вам хлеба с луком, лочкиайте, ешьте (Волог.); С капустой выжогала весь хлеб, так нажогалась, говорит, так наблась (Лод.).

Глаголы ЛСГ "удара" могут выступать и в значении 'пить'. Это значение реализуется, если речь идет о жидкости вообще и о спиртных напитках в частности. В зависимости от этого лексемы имеют два значения: 'принимать внутрь какую-н. жидкость' и 'принимать внутрь спиртные напитки'. Глаголы несоев. вида гвоздить, луть, жарить, зыкать, зыбать, лочкиать, садить, свистать, соев. вида — дёрнуть, дерябнуть, вдарить, карзону́ть, пазгону́ть, садану́ть и др. при сочетании с существительными чай, вода, молоко употребляются в значении 'принимать внутрь какую-н. жидкость': Ты чай фё гвоздишь, лущешь, так сытá не будешь (Медв.); На, зыкай, варева нет, чай зыкам только, молоко зыкам (Лод.); Я фчера лочкиала много чаю (Медв.). Количественная характеристика не всегда присутствует в глаголе, чаще к значению 'пить' добавляется отрицательная оценка. На употребление глаголов в значении 'принимать внутрь спиртное' указывает сочетаемость с такими словами, как водка, пиво, вино, три римики: Отёц и вина не пил, а нынче, погляди, жарят стаканами (Кирил.); Как заболит зуп, я из горлышка зужу водку (Тер.); Дубники как начнут зыбать вотку стаканами (Уст.); А пьяницы не разводят спирт водой, голью салят (Карт.); Карзани ещё стаканчик, так пьяная будешь (Пуд.); Пазганы-ка стаканчик вина (Вит.). В значении 'принимать внутрь жидкость' и 'принимать внутрь спиртные напитки' глаголы ЛСГ "удара" образуют экспрессивно-синонимические ряды. Они свойственны грубоватой обиходно-бытовой речи, среди них выделяются как общерусские, так и диалектные глаго-

лы: карзануть, лѳчкать, зѳбать, пазгануть и др. Значение их реализуется в конструкции пить + что. Количественная и качественная характеристики либо выражаются словообразовательными аффиксами, либо создается лексическим окружением и всем контекстом, имеющим отрицательную окраску.

Взаимодействие глаголов группы с глаголами других семантических классов распределяется по убывающей линии. Наиболее полно и регулярно наблюдается взаимодействие с глаголами говорения, движения, звучания, производственной и бытовой деятельности. Такая продуктивность и регулярность, с одной стороны, связана с экстралингвистическими факторами, а именно: глаголы, употребляющиеся в этих значениях, отражают жизнь, повседневные процессы обихода сельских жителей; с другой стороны, объясняется лингвистическими факторами и связана с внутренней формой самих глаголов. Глаголы, во внутренней форме которых заключен звук, шум, звукоподражательные по происхождению, чаще всего выступают в значениях 'говорить', 'петь', 'звучать'. Значения же, связанные с производственной деятельностью, движением, чаще всего имеют глаголы, значения которых являются производными, возникшими в результате метафорических переносов, основанных на ассоциативных и функциональных признаках.

При сопоставлении ЛСГ со значением 'бить, ударять' в говорах и литературном языке выявляются общие закономерности функционирования глаголов, которые проявляются в особенностях семантики глаголов "удара". Эта особенность глаголов группы заключается в диффузности значения как просторечного, так и диалектного глагола, наблюдается же она в структуре многозначных глаголов. Но если у слов разговорно-просторечных диффузность семантики ограничивается глаголами типа драть, дуть, жарить, садить, то круг диалектных глаголов шире и многообразнее. Этот круг расширяется как за счет словообразовательных возможностей диалектного слова, так и за счет включения в микросистему междиалектных слов и слов местных, в основном заимствованных из финно-угорских языков (вѳйдать, пазгѳть, рячкѳть, шѳньгать и др.).

Взаимодействие ЛСГ со значением 'бить, ударять' с глаголами других семантических групп отражает системные связи в лексике.

ВНУТРИСЛОВНАЯ ВАРИАНТНОСТЬ В СЕВЕРНОРУССКОЙ ГЕОГРАФИЧЕСКОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ (на материале говоров Кировской области)

Хотя научный интерес к проблеме языковой вариантности стойко сохраняется на протяжении уже нескольких десятилетий и ознаменован появлением в последние годы целого ряда разноаспектных исследований (монографий, статей, диссертаций),¹ ее нельзя отнести к числу решенных. Главной причиной этого представляется традиционное неразличение и неразграничение нескольких отдельных, вытекающих одна из другой проблем в рамках указанной общей. Это, во-первых, сущность языковой вариантности; во-вторых, типы языковой вариантности; в-третьих, типы вариантов слова; в-четвертых, критерии тождества единиц языка на разных его уровнях.

В данной работе, содержащей анализ внутрисловной вариантности в одном из севернорусских говоров, исходными являются следующие теоретические положения.

Вариантность единиц языка, охватывающая все его уровни и наблюдающаяся в языковых системах разных типов, относится к числу лингвистических универсалий и возникает при отсутствии однозначного соотношения между планом содержания и планом выражения: одно значение соответствует двум или нескольким, а не одной материальной оболочке (формальная вариантность), или одна материальная оболочка заключает не одно, а несколько значений (семантическая вариантность).

¹ Горбачевич К.С. Вариантность слова и языковая норма. Л., 1978; Граудина Л.К. Вопросы нормализации русского языка: Грамматика и варианты. М., 1980; Крысин Л.П. Социолингвистическое исследование вариантов современного русского языка: Автореф. докт. дис. М., 1980; Блинова О.И. Проблемы диалектной лексикологии. Докт. дис. Томск, 1975; Чернейко Л.О. Опыт парадигматического анализа лексики: Автореф. канд. дис. М., 1980; Минаева Л.И. Вариантность местоимений в переходном говоре Анушинского района Приморского края: Автореф. канд. дис. Л., 1981; Картоев М.А. Орфографическая вариантность заимствованных слов и ее причины. — Русский язык в школе, 1982, № 3, с.84–89, и др.

Имея в виду один из типов языковой вариантности – внутри-словную вариантность, А.И.Смирницкий писал: "В вариантах слова мы находим материально, в звуках объективированную, выраженную лексико-семантическую общность либо при внешне не выраженном лексико-семантическом различии, либо при внешнем различии, не выражающем никакой лексико-семантической дифференциации".²

Вследствие общеизвестной иерархичности единиц языка их вариантность также иерархична: варьирование фонем создает вариантность звуковой оболочки морфемы, включающей эту фонему; варьирование морфемы – это в то же время варьирование слова, ее содержащего; варьирование отдельных слов приводит к варьированию формы фразеологизма и т.д.

В настоящее время не выработаны критерии, позволявшие бы разграничивать разноуровневую вариантность в языке, хотя ощущается настоятельная необходимость в дискретном описании и исследовании явлений, относящихся к варьированию эмических единиц каждого языкового яруса. Неодинаково трактуется отечественными исследователями понятие "вариант слова". Так, А.И.Смирницкий³ и О.С.Ахманова,⁴ например, справедливо не относят к внутрисловной вариантности регулярные позиционные фонетические чередования в речевом потоке, а К.С.Горбачевич включает фонетическое варьирование в свою классификацию вариантов слова наряду с акцентологическим, фонематическим и морфологическим варьированием.⁵ По-разному расцениваются и так называемые словообразовательные варианты слова (волчиха – волчица, апельсинный – апельсиновый, национализировать – национализовать, сослепа – сослепу и т.п.).⁶

² Смирницкий А.И. К вопросу о слове (Проблема "тождества слова"). – Труды Ин-та языкознания АН СССР, 1954, т.IV, с.25.

³ Там же, с.32–34.

⁴ Ахманова О.С. Очерки по общей и русской лексикологии. М., 1957, с.196.

⁵ Горбачевич К.С. Указ. соч., с.21–22.

⁶ См.: Филин Ф.П. О слове и вариантах слова. – В кн.: Морфологическая структура слова в языках различных типов. М.; Л., 1963, с.132.

Чтобы уточнить объем понятия "вариант слова", необходимы четкие, лингвистически обоснованные критерии разграничения вариантности разноуровневых языковых единиц. На наш взгляд, вариантность таких единиц, как слово и лексикализованное устойчивое словосочетание, с одной стороны, и вариантность морфем и фонем, с другой стороны, имеют принципиально различный характер.

У эмических единиц языка — разный статус. Слово (а также эквивалентный ему фразеологизм) — основной элемент реальной языковой коммуникации, основная единица языка как коммуникативной знаковой системы. Фонема и морфема — это материальные рабочие единицы, используемые как стратиграфическое средство в ходе разчленяющего лингвистического анализа и служащие для целей дискретного описания слова как основной единицы языка: "Морфема (подобно фонеме) вычленяется только в ходе специального исследования, являясь результатом сознательной абстракции".⁷

В речи абстрактные эмические единицы языка (слова, морфемы, фонемы) реализуются в виде одного из своих вариантов — аллолексов, алломорфов, аллофонов. Вариантность языковых единиц указанных выше двух типов по своей природе различна. Вариантность стратиграфических эмических единиц (морфем и фонем) обусловлена формальной позицией.

Для алломорфов морфемы характерна обусловленность их соседними алломорфами, т.е. "позиционное распределение".⁸ Например, "суффикс уменьшительных существительных II скл. представлен алломорфами -к(а) и -очк(а)... причем морф -к(а) выступает только после сочетаний "гласная + согласная", от, зд... и невозможен после других сочетаний согласных"⁹ (берез-к-а, шерот-к-а, борозд-к-а; но ламп-очк-а, кофт-очк-а), префикс де- употребляется перед согласными (деформировать),

⁷ К у б р я к о в а Е.С. Об основных единицах лингвистического анализа и предмете морфологии. — Там же, с.182.

⁸ Русская грамматика, т.I, М., 1980, с.125.

⁹ Там же, с.126.

причем исключения здесь возможны, но редки (деэтимологизация и др.). Кроме того, позиционное употребление алломорфов может быть "обусловлено не формальной структурой соседнего морфа, а соседним морфом в целом как носителем определенного (грамматического. — Э.Г.) значения", ¹⁰ например: мороз-и-ть и замора-ж-ива-ть. Этот вид позиционной обусловленности можно обозначить как морфемный. Наблюдается и двойная — фонетическая и морфемная — дистрибуция алломорфов одновременно. Так, употребление -ся после согласных (моется) обусловлено фонетически, а после флексий рода, числа, падежа — морфемно (моющийся). Разнотипную дистрибутивную обусловленность алломорфов изучает морфонология.

В значительной мере абстрагирована и звуковая стратиграфическая единица языка — фонема, выступающая в виде "конкретных звуковых реализаций в определенной позиции в словоформе".¹¹ Ср.: сто́лы [ста́лы], сто́лик [сто́л'ик] и сто́л, где гласная фонема <о> в сильной позиции (под ударением, между твердыми согласными).

Позиционное варьирование морфем и фонем не закреплено за определенными лексемами, не индивидуализировано и может быть охарактеризовано как надсловное.

В отличие от надсловного варьирования морфем и фонем речевое варьирование таких эмических единиц, как слово (лексема) и устойчивое словосочетание (фразема), в формальном отношении дистрибутивно инертно: вариантность такого порядка лексикализована, более или менее строго индивидуализирована и является внутрисловной (или, соответственно, внутрифраземной). Например: калоша — галoша, бывак — бинуак, тво́рог — твóрог, зал — зала — зало, кудeль — кудeля, сахара — сахару, воробушек — воробушек, картина 'произведение живописи' и 'кинофильм'; ничтоже сумняся и ничтоже сумняшeся и т.д. Таким образом, в вариан-

¹⁰ Там же.

¹¹ Там же, с. 69.

там на уровне слова должны быть отнесены все формально не обусловленные материальные и смысловые его разновидности.

В предлагаемой статье рассматривается только варьирование внешней оболочки слова, т. е. формальная вариантность. Основной конкретный материал, на который опирается автор, — это лексика современных кировских говоров, относящаяся к местной географической терминологии, а также смежные лексические пласты (названия растений и т.п.). Использована картотека, содержащая более 800 словарных единиц, собранных в ходе диалектологических экспедиций разных лет. В плане языковой вариантности кировская географическая терминология еще не анализировалась, хотя, как известно, "исследование теоретических основ проблемы слова и его вариантов на базе детального изучения отдельных групп слов — одна из важных задач лексикологии".¹² Анализ диалектных языковых единиц в рамках определенной лексико-семантической группы делает возможной статистическую обработку материала, которая применена и в данной работе.

Варьирование материальной оболочки слов в местной географической терминологии представлено двумя основными разрядами — грамматическими и неграмматическими вариантами лексем.¹³

Г р а м м а т и ч е с к и е варианты слова включают, во-первых, формообразовательные варианты (вариантность фонем наблюдается в аффиксах и флексиях, образующих грамматические формы слова: длиннее — длинше, нести — несть, жеребцов — жеребцей); во-вторых, категориальные варианты (эксплицитное и имплицитное варьирование глосс в грамматическом роде и в склонении).

Поскольку эксплицитные категориальные варианты широко представлены в диалектном материале, остановимся на них подробнее. Они представлены несколькими разновидностями:

¹² Ф и л и н Ф.П. Указ. соч., с.133.

¹³ Учитывается как диалектно-диалектная вариантность (баларужина — баларужина, стрель — стрежа, вап — вапъ — вапа), так и диалектно-общерусская (просек — просека, илем — ильм).

А. Варьирование глоссо, различных по грамматическому роду и по склонению:

а) м.р. - ж.р. II скл.: вап - вапа 'красная глина', йльм - ильма 'род вяза', мяснйг - мяснйга 'глина', паберег - паберета 'заливаемая часть берега', пелёд - пелёда 'стенка гумна', при-лук - прилука 'внешняя дуга речной излучины', крявуль - кряву-ля 'изгиб реки, дороги и т.п.', сутйрь - сутйря 'спорный уча-сток', холуй - холуя 'нанос от разлива реки';

б) м.р. - ж.р. III скл.: вап - вапь 'красная глина' ердан - ердань 'прорубь';

в) м.р. - ср.р.: плес - плесо 'участок реки';

г) ж.р. - ор.р.: жнйва - жнйво 'жнивье', верётья - ве-рётье 'сухая возвышенность'.

Б. Варьирование глоссы одного рода, но разного склонения: стрежа - стрежь (стрежень), вапа - вапь (красная глина).

Отглагольные префиксально-бессуффиксные существительные, различающиеся по грамматическому роду (типа засёк - засёка, выгор - выгорь), не входят в данную классификацию внутрисловных грамматических вариантов, поскольку большинство исследова-телей, анализировавших диалектный и общерусский материал, скло-няется к тому, что это словообразовательные синонимы, пред-ставляющие не внутрисловную, а межсловную вариантность в рус-ском языке.¹⁴

К неграмматическим вариантам слова от-носятся фонематические и акцентологические его разновидности. Следует иметь в виду, что различные виды неграмматических ва-риантов слова могут быть не только полными (различные мате-риальные оболочки во всех словоформах), но и неполными (разли-чия лишь в некоторых формах слова), например: огнь - огонь, правн - правнй.

1. Фонетическое варьирование:

А. Количественное варьирование: алябыйш - балябыйш 'круглая возвышенность', ржйце - аржйце 'поле, бывшее по рожью', ве-рётья - верётетя 'сухая возвышенность', заболоки - заболотки

¹⁴ См. об этом: Ш а м и н а Н.А. Явление родовой сино-нимии в русском языке: Автореф. канд. дис. Казань, 1971.

'заболоченное место', ильм - илем род вяза, кочарник - кочкарник 'бугристое место'.

Б. Качественное варьирование:

а) Субституция гласных: ольшанник - ельшанник 'ольховник', елшанник - елшинник 'то же', халуй - холуй 'нанос от разлива реки', чомкас - чумкас 'расстояние между охотничьими шалашами', бузун - бызун 'мелкий сухой скрипучий песок';

б) Субституция согласных: вап - лап 'красная глина', лнбун - лнбул 'трясина', ложботина - ложготина 'небольшой заросший лог', согра - шогра 'заболоченная, поросшая мелколесьем низина', мыщелка - мычелка 'небольшая возвышенность, мыс', подсека - подчека 'росчисть', шумняк - шубняк 'вид березы', чистяк - чистят 'росчисть';

в) Субституция гласных и согласных: вйскирь - вйскирь 'выдающаяся часть чего-либо; мыс', засек - сусек 'закрома'.

В. Смешанное (количественно-качественное) варьирование: чомкаст - чумкао 'расстояние между охотничьими шалашами'.

Г. Метатезы: баларужина - баларужина 'лужа', ладонь - долонь 'ровный участок', тундра - трунда 'вязкое непахотное место'.

2. Акцентологическое варьирование: бёлныйк 'белая глинистая почва', бечёныйк 'прибрежный галечник', волошка 'островок леса или покоса', заполек 'дальнее поле', засек 'вырубка', каменник 'каменистая почва', наволок 'заливной берег', община 'общественный лес', остожье - остожье 'площадка для скота', подсека 'вырубка под росчисть', пригорода 'загон', фура 'лесная река', ямурина 'яма', ятменище 'поле, бывшее под ячменем'.

Акцентологические варианты - наиболее распространенный тип внутрисловной вариантности в исследуемом говоре. В целом же явление внутрисловного варьирования охватывает примерно четвертую часть проанализированного диалектного лексического материала.

Исследователи полагают, что в территориальных диалектах лексическое варьирование отличается особой продуктивностью сравнительно с кодифицированным общерусским языком, чему способствует "устная форма бытования диалекта и связанная с этим широта норм словоупотребления, воздействия на диалекты литера-

турного языка и обусловленное этим воздействием двуязычие (местного населения. — Э.Г.), взаимодействие говоров с иными диалектами и вызванная этим интеграция разнодиалектных лексем, влиянию на говор иноязычной стихии и вариантность заимствованного слова как результат его адаптации русским говором и т.д." ¹⁵

Изучение языковой вариантности, в особенности — внутри-словной, на диалектном материале имеет не только общелингвистическую теоретическую ценность, но и практическое применение в деле составления областных словарей. В уже вышедших диалектных словарях нет единообразия в подаче вариантов слова, словообразовательных синонимов и т.д. Так, в СРНГ не скоординирована подача глосс калачи — калочки — кодачки — калоши — кодо-чиг — кодочих, балендрасить — балентрасить — балантресить — балантросить и др.

Кроме надсловной и внутрисловной вариантности, бывшей предметом рассмотрения в данной статье, в языке существуют и такие типы вариантности, как межсловная вариантность (парадигматические отношения синонимичных, омонимичных единиц) и валентная, т.е. вариантность синтагматических отношений языковых единиц: это явление множественности словообразовательной мотивации, многовалентной лексической и синтаксической сочетаемости слов и т.п. Их изучение на диалектном материале, т.е. в устно-разговорной территориальной разновидности современного русского языка, может оказаться чрезвычайно плодотворным для решения проблемы языковой вариантности как в общетеоретическом, так и в практическом (лексикографическом) плане.

¹⁵ Блинова О.И. К вопросу о пределе формального варьирования диалектного слова. — В кн.: Актуальные проблемы лексикологии и словообразования. Вып. I. Новосибирск, 1972, с. 99.

ЗАМЕТКИ ПО СЕВЕРНОРУССКОЙ ФРАЗЕОЛОГИИ

Народная фразеология, органическую часть которой составляют диалектные фразеологические единицы разных видов, изучена в значительно меньшей степени, чем литературная, о чем довольно убедительно написано А.И.Федоровым¹ и что подчеркивается в других исследованиях народной речи и лексикографической практике.² Определившийся интерес к изучению русских народных говоров и важность местных устойчивых сочетаний для исследования фразеологии национального языка делает целесообразным введение в научный оборот и данных по севернорусским говорам, отражающих небольшую часть богатой фразеологическими материалами КСРГК.

Основной целью заметок является выяснение предметного содержания диалектных фразеологизмов, зафиксированных в картотеке, и их соотносительности с фразеологией литературного языка.

Тематический подход к описанию местных фразеологизмов³ позволяет выделить несколько групп сочетаний, функционирующих в речи носителей говоров и обозначающих социально важные понятия:

1. Сочетания, обозначающие занятия, производственную деятельность человека, вид выполняемой работы (часть из них указывает на прошлое в жизни людей): хаем бить 'работать', ходить своей рукой 'делать что-либо самому', ходить хозяйством 'работать по дому, хозяйничать', убрать дом 'построить дом', ходить в товарищах 'быть попутчиком', бреднем ходить 'ловить рыбу

¹ Федоров А.И. Сибирская диалектная фразеология. Новосибирск, 1980, с.3

² Мокиенко В.М. Славянская фразеология. М., 1980, Ивашко Л.А. Очерки русской диалектной фразеологии. Л., 1981; Чагичева В.И. К изучению диалектной фразеологии. - 3 кн.: Слово в лексико-семантической системе языка. Л., 1972; Словарь фразеологизмов и иных устойчивых сочетаний русских говоров Сибири. Новосибирск, 1972, и др.

³ Правомерность такого подхода подтверждается и новым словарем-справочником, построенным по тематическому принципу: Гранцев Р.И. Словарь-справочник по русской фразеологии. М., 1981.

бреднем', ходить на бродки 'ловить рыбу', ходить по убегу 'ставить сеть', ходить по нянькам 'работать нянькой', ходить по бурлакам 'работать в отхожем месте', уйти на отходни 'быть на отхожих промыслах', ходить по работникам (работницам) 'наниматься в работники (работницы)', ходить на хлебн (по хлебам, на кузик) 'обедать по очереди у хозяев скота (о пастухе)'.

2. Сочетания, характеризующие праздное времяпрепровождение, развлечения людей: ходить как бобричек 'бездельничать', ходить в походухах 'слоняться без дела', усидком сидеть 'сидеть без дела', сесть в угол 'находиться дома', ходить в народ 'гостить', ходить в чужаки 'гостить в чужой деревне', ходить на удивление 'посещать увеселительные зрелища', ходить утушкой 'танцевать утомный танец', ходить в катрелку 'танцевать катриль', ходить за котомками 'сидеть с девушками'.

3. Сочетания, обозначающие разного рода действия. Среди них — фразеологизмы со значением 'бить', 'наказывать', 'доставлять неприятности': фордовень дать 'побить', дать ходу 'побить в наказание', на чай дать 'наказать', на ложке утопить 'отомстить при удобном случае'; с общим значением 'говорить': фоном фукать 'ворчать, высказывать недовольство', язын за уши закидывать 'много говорить', воздмывать хвоста 'затевать ссору', на ура поднимать 'приветствовать, поздравлять', на уру вздмывать 'подбрасывать под крики "ура"', делать условку 'улаживаться, договариваться'; другие обозначения различных действий, движений: ходьма ходить 'двигаться в разные стороны, шататься', пойти на уход 'уйти', унести с глаз 'убрать, спрятать', делать усадку 'оседать', хлестать в ладоши 'аплодировать', хлебнуть глазом воды 'промыть глаз'; фразеологизмы, подчеркивающие результат тех или иных действий, поведения человека: устроиться на великие дела 'достичь высокого положения', утереть хвост кому-н. 'одержат верх', подложить (положить) овой ум 'проявить себя', пойти на урон 'понести потери', сделать на факте 'показать на примере', дать ума 'направить на верный путь'.

4. Сочетания, характеризующие физическое и психическое состояние человека: уронить голос 'охрипнуть', усталь берет 'об усталости', холодный пот прошел 'о состоянии озноба от страха', слезами убиться 'много плакать', уснуть спать 'заснуть',

откинуть хвост 'уснуть', лежать без ума (без памяти) 'находиться в тяжелом состоянии', выходить на ногах 'перенести болезнь на ногах', попасть в чахотку 'заболеть туберкулезом', носье не утянут 'погибнуть', в упряжку класть 'умирать', уснуть этим сном 'умереть во сне', к ногтю уйти, уйти во мрн 'умереть', умереть с языка 'скоропостижно умереть', умереть живой смертью 'пропасть без вести', поджугить хвост 'испугаться', сердце умерло 'о сильном испуге', душенька халтит 'душа болит', в уме водить 'думать, беспокоиться', поводить (подумать) умом 'усиленно думать', взять в ум 'сообразить', обойти умом 'перебрать в мыслях', остаться без ума 'забыть', пасть в ум 'прийти в голову', в умах нет 'нет в мыслях', ум гинет 'трудно сосредоточиться на чем-н. одном', ум кругом пойдет 'о потере способности ясно соображать', в уме устоять 'сохранить здравый ум, рассудок', ум спал 'кто-н. утратил память, забыл', на ус брать 'запоминать'.

5. Сочетания, называющие положительные или отрицательные качества человека, поступки, поведение, свойства характера: ходкий на руку 'драчливый', мешком хлыстнутый 'со странностями в поведении', в уме 'умный, толковый', ума полно кумполо 'очень умный', держать ум 'быть умным', комедию уродовать 'капризничать', упряжку вертеть 'упрямиться', фокус ставить 'доставлять неприятности', ходить над душой 'беспокоить, не давать покоя', завести в характер 'разгневать', урываться урывком 'стремиться воюду успеть; убежать украдкой'.

6. Сочетания, характеризующие трудную, полную лишений жизнь человека: поесть всяких хлебов 'всего повидавать, все пережить', хватить шильцем патоки 'много пережить, испытать в жизни', в соль хлебом тыкать 'жить бедно, испытывая недостатки'.

7. Сочетания, называющие человека и предметы, отвлеченные понятия по какому-либо характерному для них признаку: уста терпеливый 'молчаливый, спокойный человек', благая утроба 'покладистый человек', Вфрем ушастый 'разиня', чайный ноо 'любитель пить чай', чайные люди 'любители пить чай', хлюпая девка 'старая дева', утичье молоко 'чай', урожайная корова 'высокоудойная корова', беседная фатера 'дом, нанимаемый для посиделок', зеленая улица 'вид игры', умиральное платье 'одежда для

погребения', уха по балкам 'уха о рыбьей печени', цветные гол-
дичи 'молодость', умное время 'зрелый возраст', добрый ум
'трезвый ум', легонький умок 'состояние легкого опьянения'.

8. Сочетания, содержащие в себе качественную характери-
стику действий, состояний и т.п.: на усмехе 'весело, с улыб-
кой', в усмерть 'очень сильно', язык утянет 'вкусно', в вели-
кую упряжку 'очень крепко', только хвост заматется, в упряжку
'быстро', по упряжкам 'время от времени, урывками', без упряж-
ки 'непрерывно', уседкой сидеть 'усердно', на ура 'как при-
дется', холодом и голодом (жить) 'бедно', без упокою 'без кон-
ца', ничем чего 'совсем ничего нет', не по уму 'не по нраву',
идет (дождь) как из ушата 'льет как из ведра', идти по уму
'выходить замуж по своей воле', уйти (уходкой) ходкой 'само-
вольно, без согласия родителей выйти замуж'.

9. Сочетания, имеющие временное значение: на упряжку 'на-
долго', в утрах, в утро 'утром', к утрену 'к утру', над утром
'под утро', не в час 'не вовремя', до часу 'преждевременно',
в урывок 'в свободное время', не успеть отворить глаз 'очень
ооро'.

10. Сочетания бранного характера: хвати малеш 'черт возь-
ми', усов те в бок 'пожелание чего-либо неприятного, нехороше-
го'.

По структуре рассматриваемые фразеологизмы разнотипны. В
их составе встречаются образования от двусловных сочетаний, сре-
ди которых преобладают глагольно-именные, типа воздымать хво-
ста, чуру не чуют, и именные, типа чайный нос, ходкий на ру-
ку, вплоть до развернутого предложения, например, ум кругом
пойдет, ума шло кумоло. Однако их структурное разнообразие,
как уже не раз отмечалось исследователями, в целом соответст-
вует структурным типам фразеологизмов литературного языка.

В компонентном составе фразеологизмов отметим наличие об-
ластных слов в небольшой части сочетаний, которая выделяется
на фоне значительного числа фразеологизмов, образованных на ос-
нове общеупотребительной лексики. Таковы обороты хаем бить 'ра-
ботать', ср. отмеченное в архангельских, кемских говорах хай,
зайствованное из карельского haju 'ум, разум' (Фасмер, IV,
216); усов те в бок 'пожелание чего-либо неприятного, нехоро-

шего', ср. зафиксированное в новгородских говорах усов 'засов, запор, жердь' (Даль, IV, 527); хвати малеш 'черт возьми', ср. отмеченное в говорах Прионежья малеш 'леший'; ну их ко фрянкам 'прочь, вон, долей', ср. бытующее в олонечских говорах фрянка 'чирей, нарив' (Фасмер, IV, 208); ходить на кузик, душенька халтит – неясны кузик, халтит (последнее, может быть, связано с сиб. халшить 'студить' – Даль, IV, 541).

По характеру их семантики фразеологизмы имеют в большинстве случаев обобщенно-переносное значение, по-разному связанное с семантикой их компонентов.

Во-первых, выделяется сравнительно небольшая группа семантически неразложимых сочетаний типа илиом, утративших мотивировочные признаки и характеризующиеся, как писал В.В.Виноградов, абсолютной невыводимостью значений целого из компонентов;⁴ черта в стуле накачать 'наболтать, наговорить', черту на печь не закинуть 'много', к ногтю уйти 'умереть', хаём быть 'работать', ходить как бобречек 'праздно проводить время, бездельничать', как царя привез 'кто-н. устал от работы' и др.: Чёрта в стуле накачат, всё расскажет (Мель.); Все крещёные дивуются, что я ещё хаём бью (Белом.); Вечёр придёт – как царя привезла, делать ничего не хочется (Бокс.); День она ходит как бобречек, ей и стульчик не стянуло (Кем.). Немотивированным представляется и фразеологизм уйти во мря 'умереть'. В сибирских говорах мря 'мрак, туман со снегом' (Даль, II, 368), но в этом случае вызывает сомнение форма мря с твердым согласным. Скорее, это "развертывание" глагола умереть (ср. поехать в Могилевскую губернию от могила).

Во-вторых, выделяется значительная часть фразеологизмов образного характера, семантически неразложимых, но сохраняющих мотивированность целостного значения, связанного, по выражению В.В.Виноградова, о "пониманием внутреннего образного стержня фразы, потенциального смысла слов, образующих эти фразеологические единства".⁵ поесть (испытать) всяких хлебов 'много пе-

⁴ Виноградов В.В. Русский язык: Грамматическое учение о слове. М.; Л., 1947, с.22.

⁵ Там же, с.247.

режить', перетираться до чужого нутра 'вмешиваться в чужие дела', царское и боярское своротить 'перемешать, перепутать', два царства царствовать 'хорошо жить в мирской и загробной жизни': Всего повилать, всё пережить, ой, всяких хлебов поедено (Медв.); Всяких хлебов за жизнь испытала (Карг.); Люди перетираются до чужого нутра (Волх.); Ой, батышки-светы, своротили царско и боярско, всё вместе (Чуд.); Богатый живёт - два царства царствует, бедный человек тут плохо живет да и на том свете, а богатый два царства царствует: здесь живет хорошо, туда пойдет, тоже ему хорошо будет (Белом.).

В-третьих, широко представлены фразеологизмы с общим аналитическим значением, в которых один из компонентов имеет фразеологически связанное, а другой свободное значение (умереть по чести 'умереть естественной смертью', держат в чести 'содержать в порядке', завести в чувство 'привести в сознание'; чудеса строить 'фантазировать, выдумывать что-либо необыкновенное'); Один зять на льду убили, другой по чести умер (Череп.); У меня уж двадцать годов бурак, он ловкой, лёгонький, я его и держу в чести (Пуд.); В чувство завели и всё (Подп.); Она цидеса-то тоже строит, знат говорить-то, наговорит всего (Шлес.).

Известное многим севернорусским говорам слово упряжка 'часть рабочего дня от одного приема пищи до другого' в разных предложно-падежных формах развило новые, фразеологически связанные значения: в упряжку 'быстро', по упряжкам 'время от времени', без упряжки 'непрерывно'.

Сопоставление диалектных фразеологических единиц по структуре, семантике и лексическому компонентному составу о литературной фразеологией показывает, что отдельные сочетания синонимичны общеупотребительным: в ооль хлебом тикать ср. перебиваться с хлеба на квас (о куса на кусок, с корочки на корочку, о гроша на копейку); ⁶ уйти во мры ср. уйти к праотцам, сыграть в ящик, дать дуба. ⁷ Некоторые обороты обнаруживают се-

⁶ Фразеологические обороты литературного языка даются по кн.: Фразеологический словарь русского языка / Под ред. А.И.Молоткова. М., 1967.

⁷ Обороты с пометой "прост." приводятся как экспрессивные единицы литературного языка.

мантическую близость с общенародными, но, как правило, имеют иной компонентный состав, а часто и иную структурно-грамматическую оформленность: только хвост замашется ср. только пятки сверкают, завести в характер ср. довесть до белого каления. Фразеобразующей активностью характеризуется глагол ходить, особенно в I-й семантической группе: ходить по нянькам, ходить по работникам, ходить по бурлакам. В литературном языке другая структурная модель, с глаголом совершенного вида: пойти в няньки, работники, дворники и т.п. Значительная часть оборотов тождественна по значению и по структуре общенародным сочетаниям, но отмечена вербированием лексических компонентов, среди которых встречается и литературная, и областная лексика: ходить над душой — стоять над душой; утереть хвост — утереть нос; льет как из ушата — льет как из ведра; поджудить хвост — поджать хвост и др. Широко представлены и несоотносительные с литературным языком обороты, отражающие некоторые особенности местного хозяйства, быта, обычаев: убрать дом, бродяком ходить, ходить по убегу, уйти на отходни, ходить на кузик, ходить в чуяки, на уру вздымать.

Представленные в статье устойчивые сочетания не отражают всего фразеологического богатства КСРГК, но дают фразеологам новый материал для сопоставительных и типологических исследований.

В.И.Трубинский

О РАСПРОСТРАНИТЕЛЕ У + РОД.П.

В ЛИЧНЫХ КОНСТРУКЦИЯХ С ПРЕДИКАТИВНЫМ ПРИЧАСТИЕМ

Несмотря на обилие и большую продуктивность в севернорусских говорах чисто диалектных оборотов с неизменяемым кратким страдательным причастием как двухсоставных, так и безличных,¹ наиболее употребительным типом нечленнопричастной конструкции

¹ Кузьмина И.Б., Немченко Е.В. Синтаксис причастных форм в русских говорах. М., 1971, с.27-223.

остается здесь общерусский оборот, в котором причастие согласуется с именем в роде и числе: дом поставлен, изба поставлена, избы поставлены. Это относится, как свидетельствуют накопленные материалы, даже к тем частным системам русского Севера, где степень употребительности ярко диалектных страдательно-безличных оборотов причастных конструкций оказывается наивысшей.²

По причине его видимой общераспространенности данный тип не задерживал, как правило, внимания диалектологов. Он не нашел отражения в синтаксической части "Программы собрания сведений для диалектологического атласа русского языка" (Ярославль, 1945; М.; Л., 1947), а следовательно, не смог быть по-настоящему отражен и в самом атласе. Однако, как все же удалось вынести И.Б.Кузьминой, используя помимо анкетных также и дополнительные материалы, в масштабе всех русских говоров этот оборот предстает как явление различительное. Была установлена его примерная изоглосса, отграничивающая сравнительно небольшую территорию в западной части среднерусской полосы, а именно северную половину селигеро-торжковских говоров. Здесь оборот, по свидетельству исследовательницы, полностью замещается эквивалентной ему конструкцией с неизменяемой формой на -ши страдательного залога: дом (изба, избы) построивши.

Имеет рассматриваемый тип, как стало теперь очевидно, и другую изоглоссу, "скрытую", не установленную пока еще сколько-нибудь точно, — ту, что соответствует весьма резкому различию в его употребительности. О существовании такого различия убедительно говорит уже простое сопоставление магнитофонных записей (дорожек одинаковой длины) севернорусской (например, южно- и восточноновгородской, прионежской, витегорской, каргопольской, пинежской) и южнорусской (например, смоленской или калужской) диалектной речи. На каждую южнорусскую форму нечленного причастия в данной конструкции приходится, как обнаружилось, 5–7 и более соответствующих севернорусских форм и 3–5 западносреднерусских.

² Р у с с к а я диалектология /Под ред. Н.А.Мещерякова. М., 1972, с.216.

Есть, наконец, еще одно важное диалектное различие оборота, в значительной, видимо, степени связанное с предыдущим. Это характерная для русских говоров широкого Северо-Запада, но не свойственная южнорусским, восточнорусским и многим севернорусским говорам возможность употребления в составе причастной конструкции сочетания предлога у с именем в род. падеже в функции распространителя с чисто субъектным значением: А мусор-то здесь у забора у ей верно высыпан, а у ково ж? (акцент на распространителе) (Оскуп Чуд.).

На этой различительной черте оборота, пока еще мало изученной, мы и сосредоточим внимание в настоящей статье. Как часто реализуется указанная возможность в диалектной речи? Каково взаимоотношение "чисто субъектного" и обычного, "посессивного" значений в семантике распространителя? Как эксплицируется первое, вычлениваясь из синкретичного значения посессивности? Какую роль играет данный распространитель в залоговой и временной системе глагола? Попробуем по возможности ответить на эти вопросы.

На первой ступени анализа все наши факты подразделились в отношении семантики распространителя у + род.п. лишь на три группы, различаемые на основе вполне объективных признаков (по преимуществу тоже семантических). Это конструкции, в которых данный распространитель имеет следующие значения: 1) только обладателя, 2) обладателя и деятеля одновременно; 3) только деятеля (как в последнем примере).

Рассмотрим названные группы:

1. Конструкции, в которых чисто посессивное (т.е. не осложненное значением деятеля) значение распространителя является бесспорным. Объективный признак: по смыслу фразы, из ситуации или контекста ясно, что обозначенный распространителем обладатель результата действия, выраженного основой причастия (или одушевленный предмет, на котором как-либо отражается этот результат), не есть деятель: А тот хвостáлся да фёя сáдет спинá-то, пóсле посмóтрéли веть спинá-то фся у егó вичарапана ноктями бáйник вичарапал (Труфанова Гора Пин.); Молóды-то лóди веть дóма тепёрь не живóт, а старь-то лóди дак у них сýла в́нята (Лекимозеро Карг.); У Фёдора-то веть гла́с в́стрелен и Семён Малинин без ноѓй (Егослово Пест.).

Подобные факты составляют до 12% всех рассматриваемых конструкций, содержащих распространитель у + род.п.

2. Конструкции о недифференцированным посессивно-субъектным значением распространителя. Группа очерчивается четко, но лишь негативно, по отсутствию признаков 1-й и 3-й групп: Весь огорожон у их участок-то штоп никто не зашол (Шотова Гора Карг.); Нет, ведёрко я уж убрала, убрала уж, милушка, у тебя веть фсё тут изрыто, фсё перекопанс, фсё у тебя перерыто, что о роду у меня таково хаосу не бывало (Устье Кировское Пест.); Сня приехал, вьсмолил [лодку], она у меня закрыта, штобы не раздира́ло ветром, так до́ски ло́панца от вѣтра (Щуя Прион.) и под.

Данная группа - самая объемная (включает до 75% всех фактов). Она наиболее важный объект нашего рассмотрения и подлежит дальнейшему анализу (см. с.132-135).

3. Конструкции, в которых распространитель у + род.п. имеет только значение деятеля. Отметим следующие два объективных признака.

П е р в ы й п р и з н а к (как бы противоположный тому, что выделяет 1-ю группу). По смыслу фразы (или контексту) ясно, что обозначенный распространителем производитель действия не является обладателем результата этого действия. Результат здесь, в тому же, никак не сказывается на деятеле. На долю распространителя остается в таком случае "чистое" значение деятеля: Козли-то ёти у соседа у Васи зделаны дай боу здаровья (Подолешье Гд.).

Выяснилось далее, что данный признак лишь наилучшим образом удостоверяет "чистоту" значения деятеля в семантике распространителя, показывает принципиальную возможность такого значения. Однако заведомое несовпадение реальных "обладателя результата" и деятеля (если именно последний обозначен распространителем, как в только что приведенном примере) не является для значения деятеля условием непрямым. Подобное значение распространителя весьма явственно вычлняется из общего посессивно-субъектного значения также и в тех еще более частных случаях, когда из ситуации ясно, что деятель стал обладателем результата своего действия. Но факт обладания не получает отра-

жения в семантике подобных конструкций, тем самым обеспечивается "чистота" значения деятеля, выражаемого распространителем: А во́ дровн, погля́ш, у Фили́па у само́во раско́лоты (Ремда Сер.).

На первый план в подобных случаях выступает уже не семантический, а описываемый ниже второй, структурный, признак.

В т о р о й п р и з н а к. Распространитель, обозначающий только деятеля (не обладателя), несет на себе обычно фразовое ударение, нередко являясь при этом рсмой (ядром) высказывания. Последняя в диалектной, как, впрочем, и во всякой устной, некодифицированной речи, определяется чаще всего (если только актуализация высказывания действительно происходит) не словопорядком, а интонационно-акцентными средствами, а также сопровождающими их иногда внешними актуализаторами: Это у ме́ня, говори́т, фсе́ постро́ено, фсе́ своё, пола́ти-ю закрепи́л (Шатога гора Карп.); Он фсе́ ей нала́дил, фсе́ у него́ налажено́ (акцент на у него), фсе́ он обил; опира́сил (Пуя Прион.); Ябло́ки у его́ расту́т и фсе́ расту́т, фсе́ у его́ поса́жено (акцент на последнем распространителе) (там же); Телеви́зор на́ш хоро́ш рабо́тае, у Воло́ди почи́нен (акцент на распространителе) (Оскуп Чуд.); То́т цве́т [цветок] у ме́ня ви́шит, а то́й [то́т] у Лю́бы (акцент на распространителях) (Чудская Рудница Гд.); Э́то, погля́ш, то́жа у ево́ нарисо́вана, у ма́лова (Подолешье Гд.); А э́то, ка́жись, у ёй пи́сано (актуализатор – модальное слово) (Б.Сабичи Луж.).

Выражение чисто агентивного значения распространителем у + род.п. оказывается, видимо, иногда возможным и без его акцентации. Так бывает в случае отсутствия в семантике рассматриваемых конструкций значения обладания или значения актуального результата, сказывающегося на объекте – обозначении подлежащего: Ра́ньше я сла́жу и реви́л, што берёску слома́ют, а те́перь-то о́ни избало́ваны [изрезаны, изрублены] у ребя́тишек, то́пором подру́бят и води́чка-то побе́жит, берё́зовка (Устицкое Пест.); Во и буты́лка ф трав́и у каво́-та бро́шена (Самолва Гд.).

Факты 3-й группы в записях немногочисленны (составляют лишь около 6% от всех причастных конструкций с данным распространителем). Существен, однако, сам факт их наличия в русском национальном языке. Важна упомянутая уже принципиальная раз-

возможность в его системе таких двусоставных (не безличных) причастных конструкций, где идея субъекта-деятеля оказывается полностью выделенной из синкретичного посессивного субъектного значения данного распространителя (такое же полное освобождение идеи деятеля от значения принадлежности находим, как уже было замечено, в ярко диалектном полнотелом переходе посессивного перфекта – безличном обороте у него уйдено, для которого, правда, в отличие от рассматриваемой структуры, подобное значение сочетания у + род.п. является обычным; фактически это уже не факультативный распространитель, детерминант, а своеобразный аналог подлежащего).³

Данная возможность означает одновременно (коль скоро причастная конструкция двусоставна, а мотивирующий глагол – переходный), что распространитель, получая "чистое" значение логического субъекта-деятеля, неизбежно становится в таком случае (уже на синтаксическом уровне) субъектом пассивнозалоговой конструкции, т.е. приобретает примерно то же значение, какое имеет творительный субъект в кодифицированной системе (у кого вышит цветок = кем вышит цветок).

Справедливо ли, однако, считать, что пассивнозалоговый распространитель наличествует лишь в малочисленных примерах 3-й группы и что та же предложно-падежная форма в предложениях самой объемной 2-й группы не причастна к выражению пассива?

Чтобы ответить на этот вопрос, рассмотрим подробнее примеры 2-й группы.

Попробуем по возможности различить также и среди этих фактов, с явно недифференцированным посессивно-субъектным значением, неодинаковые ступени отчетливости значения деятеля в семантике распространителя. Различие между ними здесь уже не эксплицируется сколько-нибудь четко. Чтобы избежать излишней субъективности, разделим 2-ю группу примеров лишь на две подгруппы – а и б.

³ См.: Timberlake A. Subject properties in the North Russian passive. – In: Subject and topic. New York, 1975. p. 545-570. См. также: Типология результативных конструкций (результатив, статив, пассив, перфект)/Под ред. В.П.Недзякова. Л., 1983, с.224.

В подгруппу 2-а поместим примеры, где значение деятеля в семантике распространителя оказывается не вполне явственным; причем неотчетливость этого значения будем определять по признаку преобладания над ним посессивного значения, а точнее — по неполной достоверности того, что выраженный распространителем обладатель результата действия (а это выражение здесь бесспорно) является одновременно и деятелем. Таковы следующие факты: Нёт, у нас зделана про́духа-то помимо трусы, она́ сверх крышок (Труфанова Гора Пин.); А я говорю: "Не́, ма́ма, не буду́ пить молока́ твоего́, у вас оно́ плёвано да заколдо́вано" (Шотова Гора Карп.); У нас ко́т-то пова́жен, мѝ за сто́л и он за сто́л (мы "повалили", приучили? Или это произошло помимо нас?) (там же); У меня́ ле́с-то был на пло́щадке наво́жен (там же). В этом "связочном" варианте конструкции значение сказуемого, скорее, "претеритно-результативное" ('имелся, будучи навоженным'), чем аористическое ('навозила').

В группу 2-а правомерно отнести также обшераспространенные случаи с ярко выраженной стательностью значения причастия, целиком обусловленной заведомо "результативным" значением (или оттенком значения) производящего глагола. Например: Привали́лись оддохну́ть и ви́дят, што змея́ плывёт, приплы́ла, а у то́й ро́т откры́т, спит, и змея́ в рот зашла́ (Самино Внт.).

В подобных случаях, несмотря на полную достоверность того, кто является производителем действия в прошлом, выраженного основой причастия (рот открыла именно она (та), а не кто другой), значение деятеля в семантике распространителя (у той) сведено практически на нет. Отметим как важное, что в подобных случаях не всегда реализуется (даже при участии сверхсегментных средств) упомянутая выше возможность превращения распространителя в обозначение "чистого деятеля". Ср.: это у неё открыт рот, а не у него (здесь акцент — на распространителе, который, несмотря на это, остается обозначением "носителя состояния", а не деятеля; смысл здесь тот же: у кого открыт, а не кем открыт); Пало́л, а ша́пка-то у ево́ адёта аль не́? (Слобода Сл.); Мы пошлѝ за гриба́ми, гляди́л, во́ такими́ ку́чами, клу́бовьями, и у фсы́х во́т го́ловы так ви́сунуты, а хвоста́ми залетѝны, то́ко свѝшшут гадо́вья, го́лову приподыма́ют и овѝшшут (Самино Внт.).

Подгруппу 2-б составят конструкции, где значение деятеля в семантике сочетания у + род.п. оказывается вполне явственным.

Выделим здесь сначала конструкции более близкие подгруппе 2-а, а именно те, причастие в которых имеет значение вторично-го "посессивного результата".⁴ Особенность семантики оборота состоит здесь в том, что результат действия, выраженного причастной формой, сказывается не только на его реальном объекте, но и на агенте-посессоре, обозначенном посессивным сочетанием: У сына в Рыбинском [в Рыбинске] малина, земляника садовая насажена, всего полно (Штова Гора Карп.); Она двоём с невесткой приедет, у невестки-то отпуск ещё не бран (Вальтево Пин.); У её ковер красивой достаёт (Лесная Селецк.); Севённые прасныщица - апять у них идёт дело, уже всё пропито у их, чистенькие (Слобода Сл.); У аво [царя] жонка-то веть японка взята (Ремда Сер.).

Вторичный посессивный результатив опирается, как видно из примеров, на глаголы типа взять, брать, купить, достать, получить и под., само значение которых обеспечивает охарактеризованную выше семантику оборота. Конструкции подобного типа свойственны и литературно-разговорной речи, однако в говорах они отличаются большей употребительностью.

В остальных примерах, представляющих подгруппу 2-б, гораздо более многочисленных, причастие обладает меньшими "результативными" ("статально-пассивными") свойствами и соответственно большей "акциональностью" ("процессуальностью"). Однако значение деятеля в семантике распространителя у + род.п. осложнено здесь той или иной степенью значения "обладателя результата" действия, выраженного причастной формой: Фёдор-то у их работал, такй веть дома-то у их наставлены, сын-то одделился, а те сыновья тройма остались в доме (Штова Гора Карп.). Я шатнулася, лёший вошёл в меня, а пол учуял што я-то болю, они опкатили [меня], повалили, а хозяин говорит; "Ты не гляди, што она повалена-то у их, ты запекай её пот печку и дикось пройде"

⁴ См.: Типология результативных конструкций (результатив, статив, пассив, перфект)... с.221-222.

(там же); У меня ишшо трава не фся скошена, да нать за вениками итти (там же); У меня после мужа этот [самовар] куплен, согреем — на весь день кипяток (Богослово Пест.) (предложение содержит обстоятельство времени после мужа, поэтому форма на -н имеет не результативное, а перфектно-пассивное значение); А у старика-то фое налажено, во на улицы-то пади копейка, дак найдёш, так чисто у нево (Щуя Прион.); А сегодни да и вчера у меня печка затоплена (там же); У ей [кошки] катыты заташоны в зат (Ремца Сер.); Фся у тя ишпел перебрана, што ш тоби неколи перешпитать? (там же); Шпалеры у нас пригатовлены (там же); см. также пример на с.129 (а мусор-то...).

До полного выделения идеи деятеля из общего посессивно-субъектного значения остается здесь расстояние совсем ничтожное. Оно, как было показано выше, преодолевается в конструкциях 3-й группы путем обеспечения "смыслового алиби" для данной идеи, а также с помощью некоторых структурных средств.

Отметим теперь как важное, что факты подгруппы 2-б значительно преобладают в диалектной и полудиалектной северо-западной речи среди конструкций 2-й группы (примерное количественное соотношение подгрупп 2-а и 2-б равно 1:3). Если же учесть, что 1-я и 3-я группы представлены, сравнительно со 2-й, довольно малым количеством примеров, то можно утверждать следующее.

Факты 2-б, где значение деятеля в семантике распространителя выступает как предельно отчетливое, хотя и не отдаленное полностью от значения обладателя результата действия, являются господствующими над всеми иными конструкциями с образованием на -н, -т при посессивном сочетании у + род.п.

Последний вывод для нас особенно важен: среди рассмотренных конструкций господствуют факты группы 2-б, где значение деятеля в семантике сочетания у + род.п. наиболее выразительно (после группы 3-й) и находится как бы на грани выделения из синкретичного значения посессивности. Это дает нам основание считать, что положение "на грани" как раз и является нормальным для современных севернорусских и западносреднерусских говоров и полудиалектов, наиболее "удобным" для их залого-временной системы. (В меньшей степени, но все же характерны струк-

туры 2-6 также и для разговорной речи носителей литературного языка, причем не только уроженцев северо-западных районов). Объясняется это, очевидно, следующим.

Во-первых, особенностями данного звена временной системы глагола. В конструкциях типа "образование на -н, -т + посессивное сочетание у + род.п.", как и во всякой другой перфектной конструкции, естественным образом подчеркивается результат действия, в то время как значение производителя действия закономерно отступает на задний план, хотя тоже получает выражение.

В соответствии с этим семантика распространителя у + род.п. соотносится в основной массе примеров с обоими элементами перфектного значения формы на -н, -т — основным и второстепенным. Он как раз и призван выразить здесь, с одной стороны, отношение субъекта к результату произведенного им действия (т.е. основному, как было замечено, элементу перфектного значения; деятель предстает обычно как обладатель результата действия или как лицо, заинтересованное в этом результате), с другой стороны — обозначить самого производителя действия. Поскольку же идея действия в значении образования на -н, -т, как правило, второстепенна (находится на втором плане), то говорящему и нет обычно нужды усилению подчеркивать деятеля.

В этой неакцентированности или даже неполной определенности деятеля заключается своеобразная "гибкость" данной разновидности перфекта. В случае необходимости, как было показано, говорящий всегда может с помощью дополнительных и, в частности, сверхсегментных средств полностью выделить идею деятеля из посессивной семантики (см. факты 3-й группы). В большинстве же случаев, когда подобной необходимости нет, положение "на грани выделения" оказывается для говорящего предпочтительным.

Во-вторых, это положение оправдывается особенностями русских залоговых оборотов. Известно, что страдательный оборот даже в кодифицированном языке чаще всего выступает в своем двучленном ("неопределенно-личном") варианте (без третьего члена — агентивного дополнения в творительном падеже). Еще более чужда трехчленная пассивная конструкция с творительным субъекта разговорному языку. И не только по причине ее гро-

моздкости, но прежде всего — из-за отсутствия в большинстве случаев прямой коммуникативной необходимости в обозначении деятеля.

Итак, в конструкциях 2-й группы (обеих выделенных выше ее подгрупп — 2-а и особенно 2-б) язык нашел уникальный способ неполного и "разностепенного" устранения третьего члена при одновременном сохранении оборотов как пассива. Возможно, как уже говорилось, и полное исключение агенса, ср. конструкции без распространителя (сено скошено) или факты 1-й группы (распащочка-то у ребенка встирана), или же, наоборот, — сохранение его как полноценного третьего члена пассива (факты 3-й группы).

Е.А.Белоусова

ГЛАГОЛ БЫВАТЬ В РУССКИХ ГОВОРАХ КАРЕЛИИ

В построении текстов современного русского литературного языка слово бывать участвует как глагол и как частица. Формы глагола бывать, как правило, функционируют в синтаксической позиции предиката, т.е. являются предикативным ядром предложения. В этой позиции выделяют две разновидности предиката: первая — организующий центр предложения, или ядро предложения, собственно предикат; второй — полупредикативная связка. В первом случае в набор сем глагола бывать обязательно входят сема 'наличия, бытия' и сема, указывающая на итеративный характер этого бытия ('повторяющийся, неоднократный'), например, Петр бывает в театре. Бывать в роли связки характеризуется наличием лишь семы, указывающей на повторяющийся, дискретный характер проявления признака, названного отдельным словом, т.е. полупредикативная позиция выполняется частично делегированным глаголом: Петр бывает добрым. Здесь собственно квалификационную роль выполняет прилагательное добрый, а бывать лишь уточняет характер существующей между предметом, который именуется Петром, и признаком, который характеризует Петра, грамматической связи, т.е. бывать указывает здесь на то, что связь признака и предмета имеет непостоянный, дискретный характер.

В современном русском языке можно говорить о структурной "поддержке" конкретно выделяемого значения глагола в собственно предикативной позиции, что позволяет лексикографам выделять контекстные реализации как бы имплицитного семного набора в качестве самостоятельных значений глагола. Так, например, представлен глагол бывать в современных словарях русского языка.¹

Слово бывать в говорах используется очень широко: его функциональный спектр, по существу, не знает ограничений – оно употребляется в качестве союза, частицы, междометия. В этой статье детально рассматривается употребление его в качестве глагола в позиции сказуемого.

Материалом наблюдений послужила КСРГК и магнитофонные записи монологической и диалогической речи, произведенные при обследовании некоторых населенных пунктов этого же ареала.²

Несколько слов о принятой в этой работе методике анализа. Исходным при рассмотрении фактов принимается значение, которое

¹ В "Словаре русского языка" в 4-х т. (т. I. М., 1982, с. 129) выделяется 5 значений, которые в определениях обнаруживают ориентацию на широкий контекст, следствием чего является необходимость иллюстрировать значение текстом, включающим порой несколько предложений.

² Необходимо сказать, что при знакомстве с материалами прежде всего обращает на себя внимание то, что речевая продукция в ситуациях собиратель – носитель говора и речь носителей говора между собой значительно различаются: в первой ситуации, как правило, речь носителя говора в значительной степени приближена к литературной разновидности русского языка; во второй больше элементов, характеризующих именно данный говор, что нашло отражение в материалах. Так, магнитофонные записи, отражающие ситуацию собиратель – информант (=носитель говора), характеризуются чертами, которые носитель, вероятно, усвоил через другие каналы связи: радиовещание, общение с носителями и литературной разновидности русской речи. Магнитофонные записи взаимного общения старшего поколения носителей говора (которые, к сожалению, удалось получить в очень незначительном объеме) свидетельствуют о близости их речи к тому, что нашло отражение в материалах дифференциального Словаря русских говоров Карелии, ориентированных на выявление различий говора и литературной разновидности русской речи. Поэтому в основу данного исследования положены материалы КСРГК.

устанавливает собиратель.³ Затем с целью нахождения признаков, сигнализирующих наличие данного значения, обследуются тексты.

Материалы, которыми мы располагаем, свидетельствуют о том, что глагол бывать в говоре функционирует в роли предиката, при этом, как и в литературном языке, в двух разновидностях – предикативного центра предложения и полупредикативной связки. Рассмотрим отдельно каждую из названных позиционных разновидностей.

А. Тексты, в которых глагол бывать является предикативным центром высказывания, можно сгруппировать в соответствии с набором сем, имеющих постоянный и обязательный характер, и значением, которое приписывается глаголу.

1. Выделяется группа текстов, в которых глагол указывает на бытие как статическое состояние предмета, о котором идет речь. Обязательный собственно глагольный состав сем в глаголах этой группы текстов представлен семой 'бытие'. В предложениях этой группы реализуются следующие конкретные текстовые значения глагола.

1. Высказывания, в которых реализуется значение глагола 'быть – наличествовать', организованы следующим образом: обязательно наличие подлежащего и сказуемого. Подлежащее (существительное в форме именительного падежа) обозначает предмет в собственном смысле слова. Анализ текстов показывает, что нейтральным для предложений этого структурного типа является препозиция глагола-сказуемого и постпозиция подлежащего. Например: У меня давно бывала така брошка, годов 20-30 назад (Медв.). Нарушение этого порядка следования компонентов связано с дополнительными коммуникативными задачами – вынесение глагола в психологически значимую позицию – или с законами организации текста: Колотушки таки бывали, лён обивать (Чуд.); Полати-то бывали, ны в домах Фёе рушица, по-новому в домах-то (Карг.). Структурным распространителем этой модели в этой подгруппе текстов является локатив или поссесор, но тоже с ло-

³ Значение глагола устанавливается собирателем ситуативно и уточняется, как правило, информантом (носителем говора), от которого текст записан.

кативным оттенком значения, т.е. своеобразный указатель пределов бытия – наличия предмета. Существенным представляется и то, что распространитель здесь имеет обязательный характер и, при отсутствии в предложении, восстанавливается из более широкого контекста или ситуации.

2. Тексты, в которых устанавливают значение глагола 'быть – иметься', близки по структуре текстам, в которых глагол бывать имеет значение 'быть – наличествовать'. Отличия: позиция подлежащего в этих случаях открыта и для существительных, называющих живые существа; поссесивный распространитель – здесь обязательный структурный компонент. Например: У неё детей не бывало (Вит.); Шесть лет или семь женаты, а ещё не бывало никого (о детях) (Пуд.).

3. Значение 'жить' реализуется в трехкомпонентной структуре: подлежащее + сказуемое + распространитель с локативным значением, т.е. в структуре, аналогичной той, в которой этот же глагол имеет значение 'быть–наличествовать'. Различает эти структуры, во-первых, семантическая конкретизация позиции подлежащего (наименование живых существ) и обязательная позиция его и, во-вторых, то, что позицию локативного распространителя занимают существительные, называющие среду обычного обитания существа, о котором идет речь в предложении, например, Белая тундра, там белого моху много было, оленей дёржали, теперь лось там бывает (Канд.); Она, значит, меж людьми-то деревеньська-то не бывала (Медв.).

4. Структурные особенности предложений, в которых глагол бывать имеет значение 'быть – находиться'. Прежде всего следует сказать, что значение 'быть – находиться' у глагола бывать обнаруживается также в трехкомпонентной структуре предложения: подлежащее + сказуемое + распространитель с локативным значением. Подлежащее и локативный распространитель являются обязательными структурными компонентами, реализация их в предложении имеет обязательный характер. В позиции подлежащего выступают существительные, называющие предмет в собственном смысле слова. Например: Тут раньше соха стояла об стенку, тут раньше бывала соха (Лод.); У нас часовня бывала на крыжу, а теперь там фсё нарушено (Подп.); Земли не видно, столько камней. Сколько годов навоз не бывал, только удобрение (Медв.).

Как можно видеть, все выделяемые значения связаны со структурными особенностями трехкомпонентных по составу предложений, а именно: обязательный или факультативный характер реализации данной структурной позиции и семантика существительных в позиции подлежащего.

II. В рассмотренных выше примерах речь шла о бытии как статическом состоянии предмета. Выделяется группа примеров, в которых значение глагола бывать и собиратель, и информант связывают с самостоятельным перемещением с одного места на другое. Забегая несколько вперед, отметим, что в семный набор значений глаголов, связанных с перемещением, входит кроме семы 'бытие' и сема итеративности.

Структурной особенностью предложений этой группы является обязательная реализация позиций подлежащего и сказуемого. Позиция подлежащего конкретизируется существительными, называющими лицо, животное или же предмет, способный самостоятельно перемещаться; позиция сказуемого — глаголом бывать, значение которого обнаруживает зависимость от значения структурных компонентов предложения.

I. В литературном языке дифференциация слов, обозначающих перемещение, осуществляется лексически, в самом глаголе, например, идти и ходить, бежать и бегать, плыть и плавать, лететь и летать и т.д. В семном наборе этих глаголов есть общая для них всех сема 'перемещаться'; различаются эти лексемы наборами, которые включают семы со значением способа перемещения (с помощью ног, ног и рук), положения тела (вертикальное, горизонтальное), средства перемещения, интенсивности его, однонаправленности — разнонаправленности и др. Так, глаголы идти и бежать могут быть описаны через общий для них набор сем: 'перемещаться', 'вертикальное положение тела', 'с помощью ног', т.е. 'находясь в вертикальном положении, отталкиваясь ногами, перемещаться'. Дифференциация глагола бежать должна быть дополнена указанием на интенсивность процесса и наличие/отсутствие точки опоры во время перемещения: 'находясь в вертикальном положении, быстро отталкиваясь ногами и зависая в воздухе на какой-то момент, перемещаться'. Таким образом могут быть описаны и другие глаголы этой семантической группы.

В говорах описываемого региона глагол бывать указывает на перемещение вообще. Дифференциация способов перемещения осуществляется, как правило, с помощью контекста,⁴ т.е. в текстах если это важно, отдельным словом названа среда, в которой перемещается предмет, или же связанное со средой средство перемещения. Например: За морошкой никто не бывал в этом году (Онеж.); Водой бывала ... и на параклодах, и по реке, и по озеру (Карг.); А теперь с Великой губы в зимний период самолёт бывает (Медв.); Теперь-то уж мне больше за морошкой не бывать (Онеж.); Бывало грибов наберу, ягод наберу, а сё год далёко не бывать (Медв.). В предложении могут быть и компоненты, называющие конечные пункты перемещения. При совпадении одного из них с местом нахождения говорящего пункт этот в предложении может быть не эксплицирован. Оба эти компонента, однако, для реализации значения глагола в данном случае необязательны.

2. Предложения с обязательным структурным компонентом, обозначающим предмет, достижение которого является целью перемещения, т.е. компонент со значением предела перемещения. Смысл предложений этой группы может быть истолкован как перемещение до какого-то предела в одном направлении: Я к им не бывала уж сколько (Кирил.); Тси писни пить, дак домой не бывать (Карг.); Вам-то уж в Онегу-ту не бывать (Онеж.); Мна к вам бывать што, вот, прииду али приеду (Шексн.). Обязательность компонента со значением предела перемещения в предложениях этого структурного типа несомненна. Опускание его возможно только ситуативно, например: Клавдия-то фсё ешло не бывала [= приходила, заходила]? (Тер.).

Структурно и примеры типа Та ведь здесь родилася, никуда не бывала (Карг.); Прихожу домой, а Роман сидит у окна да и чай хлебает, говорит, никуда не бывал (Пуд.); Ходили, слухали на улицу, то гроб покажеца ... никуда слухать не бывала

⁴ В описываемых говорах используются и глаголы, лексически обозначающие различные по характеру и способу виды перемещения. Вопрос о специфических особенностях использования этих глаголов и глагола бывать в данном регионе здесь не рассматривается. В этой работе выясняются лишь особенности функционирования глагола бывать.

(Медв.); По дороге-то ты сюда не бывала (Пуд.) могут быть истолкованы как предложения, в которых говорится о перемещении в одном направлении. Однако значение слов, конкретизирующих данную структурную позицию, затупевывает информацию о перемещении в одном направлении и переносит акцент на многоактность перемещения. Последнее подтверждается и примерами типа Медведи-то постоянно бьются здесь (Онеж.).

Значение глагола в примерах этой группы может быть определено так: 'перемещаясь, побывать у кого-л., где-л., посетить кого-л.' Иначе говоря, в предложениях этого структурного типа в значении глагола содержится имплицитная информация о повторяемости перемещения, значение же, связанное с направленностью движения, уточняется глагольным определителем.

3. Предложения со структурным компонентом, обозначающим пространство, в котором, по достижении его, находится предмет. Примеры: Будто в Данилове не бывали, бывали. Теперь-то не была, а раньше бывали (Медв.); Я ещо не бывал в лесу, надо итти поглядеть, будет ли морошка (Подп.); Бывали волки и в деревни, в Данилове был (Медв.); На той стороне-то как дикари нарот, ни-где не бывали, ничего не видели (Канд.); Я на веку в больнице не бывала, не балывала (Тер.); Я в школе не бывала ни одного дня (Подп.).

Как можно видеть, глагол-сказуемое в предложениях этого структурного типа детерминирует подлежащее с точки зрения наличия - пребывания, которое является результатом самостоятельного перемещения предмета. Значение наличия - пребывания у глагола бывать связано с потенциальной возможностью повторяющегося процесса перемещения, а следовательно, и дискретности пребывания.

Предложения, реализующие данное значение глагола бывать, могут иметь в своем составе и компонент, обозначающий предмет, который является целью совершаемого перемещения. Оба компонента (и со значением предмета - цели перемещения) могут встречаться совместно в одном и том же предложении, но для реализации значения глагола 'быть - пребывать' необходимым оказывается компонент о локальном значении.

4. Особое место занимают примеры, в которых в позиции

подлежащего находятся существительные, называющие ситуацию (вечеринка, свадьба, расставание, случай), или количественный оборот. В них достаточно четко обнаруживается путь делексикализации глагола бывать. Примеры этой группы свидетельствуют о том, что в процессе утраты лексического значения глагола значительная роль принадлежит иерархической перестройке собственно глагольного набора сем, которая вызывается семантикой структуры и лексическим наполнением ее компонентов.⁵ Так, в примерах, в которых есть компонент, называющий место, где произошло событие, и компонент, указывающий на то, что описываемая ситуация имеет отношение к одному лицу, реализуется значение глагола 'быть, состояться в прошлом'. У меня свадьба бывала здесь (указательный жест в сторону дома) (Выт.). Сема 'быть' является определяющей здесь. В предложениях, структура которых представлена только двумя компонентами – подлежащим и сказуемым, определяющей является сема итеративности, т.е. сема, указывающая на повторяемость, а сема 'бытие' имеет здесь, в семном наборе глагола, подчиненный характер. Не нарушает такой иерархии глагольных сем и наличие в структуре предложения компонента с временным значением, например: Похудеет невеста – до того плачет. На другой день вечеринка бывае (Пуд.); Не бывало у меня такого расставания (Дюх.).

На самой границе лексики и грамматики находятся примеры о глаголом бывать, в которых роль подлежащего выполняет слово случай: Я того не знаю, не бывало у нас случаев (Плес.). Здесь глагол указывает лишь на обычную повторяемость какого-то события из серии событий, названных существительным-подлежащим. В таких предложениях существительное и глагол могут быть "свернуты" в одно слово – глагол случаться, – которое само способно выражать значение общности и, следовательно, повторяемости события. То же значение глагола обнаруживается и в примерах с подлежащим типа всякий: Доколе ногу всю обожгла. Вот как упала,

⁵ Признаки этого явления можно обнаружить уже в примерах, смысловое значение которых связано с перемещением (см. подгруппы II раздела А). В этих примерах основной оказывается сема итеративности. Именно она характеризуется обязательной структурной реализацией в предложении.

всяко бывает (Прион.); у нас-то не так, а туда дальше, за Корякино бывает, напьются и уюкошают друг друга (Плес.).

Б. Материалы, которыми мы располагаем, свидетельствуют, что в своей сочетаемости бывать в позиции связки не отличается от употребления в литературной разновидности современного русского языка. В привязочной позиции зарегистрированы в личных предложениях существительные в форме творительного падежа, прилагательные в формах именительного и творительного падежей, нечленные формы прилагательных, предложные сочетания, причастия и безлично-предикативные слова в безличных предложениях.

Обращение к содержательной стороне примеров позволяет обнаружить особенности функционирования глагола бывать и в этой позиции. В значительном большинстве примеров бывать в позиции связки, как и в литературном языке, характеризуется утратой семы 'бытие' и сохранением семы 'итеративность'. На первый взгляд, в литературном языке мы сталкиваемся с аналогичной картиной. Но это лишь на первый взгляд. В говорах представляется возможным говорить о двух значениях глагола бывать в позиции связки. В первом случае бывать аналогичен глаголу бывать в этой же позиции в литературном языке, во втором обнаруживается аналогия функционирования глагола бывать в говорах и связки быть в литературном языке.

1. Так, в говорах сема 'итеративность', как и в литературном языке, может иметь два проявления. Во-первых, может указывать на то, что не все предметы, называемые данным именем, обнаруживают связь с данным признаком, например: Бывает некрасивый, а характером хороший, не человек, — душа (Онеж.) — и на то, что связь предмета и признака (или проявление признака) имеет непостоянный характер, например: Устинья зачастую бывала пьяная (Пуд.). Во-вторых, может указывать на обычность проявления связи между предметом и признаком, например: Вот если зимой они народятся, так бывает перестужены (Подп.); Стар да мал два рас не бывает (Пеот.); Стар да мал дважды глуп бывает (Пуд.); Зимой очень холодно бывае (Подп.). Иначе, как можно видеть, в этом случае связь предмета и признака имеет дискретный характер; избирательная связь конкретного предмета и признака или

же повторяющийся характер проявления связи имеет устойчивый характер. Здесь бывать, как отмечалось выше, в связочной позиции аналогичен функционированию его в этой же позиции в литературной разновидности современного русского языка.

2. В отличие от литературного языка в говорах выделяется группа примеров, в которых бывать не осложнено никакими информативными элементами, кроме грамматических, т.е. здесь бывать выступает в качестве чистой связи, равной по значению связке быть в литературном языке. В этих примерах бывать употребляется лишь в форме прошедшего времени, т.е. относит высказывание в план прошлого, указывая на то, что предмет с таким признаком существовал в прошлом. Смысловое содержание, которое выражается в примерах этой группы, — обычность, неди-скретный характер связи предмета и признака: Каток бывал кру- тлый, а палица продолговата, узенька (Под.); А умывало бывал глиняный, с рожком (Подп.).

Магнитофонные записи свидетельствуют о том, что в на- стоящее время в говорах описываемого региона сосуществуют грам- матические связки быть и бывать с преобладанием в употреблении связки быть. Тем не менее быть и бывать являются формальными и содержательными субститутами и могут быть охарактеризованы как свободные варианты. Косвенным подтверждением, как представля- ется, являются и примеры типа Женщина с Эстонии бывала взята (Медв.); Нет. Уж бывало [было, исполнилось] семьдесят давно (Медв.), в которых бывать имеет лишь строевое значение, т.е. употреблено в первом примере вместо частицы был (-а, -о), уча- ствавшей в образовании давнопрошедшего времени.

В заключение следует сказать, что специфическим для функ- ционирования глагола бывать в русских говорах Карелии является то, что все выделяемые значения, независимо от модели, на базе которой образовано предложение, т.е. выполняет ли глагол роль предикативного центра в предложении или же является связочным компонентом в составе предиката, группируются в три ряда. В одном глагол бывать характеризуется наличием лишь семи 'бытие', в другом ряду значений, которые передаются построениями с гла- голом бывать, определяющей является 'итеративность'. В обоих ря- дах прослеживается путь делексикализации глаголов, но в первом

процесс этот связан с "затуханием" семы 'бытие', во втором — с "затуханием" семы 'итеративность'. Между этими рядами располагаются примеры, в значении которых наличествуют обе семы.

М.П.Русцова

ГЛАГОЛЬНЫЕ КОНСТРУКЦИИ С ПРЕДЛОГАМИ из, от
В СЕВЕРНОРУССКИХ И ВОСТОЧНОБОЛГАРСКИХ ПАМЯТНИКАХ
ПИСЬМЕННОСТИ XVII—XVIII вв.

Сопоставительное изучение семантики предложных конструкций до сих пор остается малоизученным в славянском историческом языкознании.

Цель настоящей статьи — сопоставить значения пространственных глагольных конструкций (далее ППК) о предлогах из, от в памятниках, созданных на территориях исконно севернорусских говоров и восточной Болгарии.¹ Привлечены севернорусские памятники, написанные в XVII в., или списки XVII в. Языку севернорусских памятников типологически соответствует язык болгарских текстов конца XVII—XVIII вв. Сопоставлялись источники повествовательно-жизненного характера, книжный язык которых имеет отдельные элементы живого народного языка.

Предлоги из, от как в русских, так и в болгарских материалах представлены в ППК, семантический признак (далее СП)² которых обозначает исходную точку движения, находящуюся в

¹ О пространственных глагольных конструкциях см.: Кузнецова А.И. Смысловые отношения и их исторические изменения в лексико-семантической группе глаголов движения русского языка: Автореф. канд. дис. М., 1963; Шкаран З.С. Глагольные предложные конструкции пространственного значения в памятниках древнерусского языка: Автореф. канд. дис. Киев, 1971; Златкин В.З. Пространственная и временная многозначность древнерусских предложно-падежных форм: Автореф. канд. дис. Новосибирск, 1973; Спасова-Михайлова С. Финална и сепарационна функция на предлозите в български език сравнително с други славянски езици. — Славянска филология. София, 1973, XII.

² Семантический признак представляет собой выражение пространственного отношения того или иного типа.

замкнутом пространстве того или иного типа. При этом совершающееся от исходной точки движение может иметь горизонтальную и вертикальную направленность.

Движение горизонтального направления характеризуется и рядом других СП. Рассмотрим эти семантические признаки.

1. Перемещение с какой-либо целью в горизонтальном направлении, при котором происходит отделение от исходной точки, находящейся в замкнутом пространстве³. Этот СП характерен для немалого ряда ШПК с глаголами: рус. выходити, выидти, исходити, излазити, изити, идти, отйти, отбѣжати, побѣжати, течи; болг. обгам, ида, изида, излазя, искоча, излеза, изплъза, изфръгна, изходя, истичам, отделя се, отидя, теча, тичам, тръгна, утѣка.

Характерно, что в основном глаголы, входящие в семантическое ядро ШПК, как в русских, так и в болгарских источниках — префиксальные. Поэтому на общую семантику ШПК в целом влияют и такие семантические особенности глаголов, как начинательность, результативность, финитность. Немалую роль при характеристике ШПК играет и значение существительного, которое, сочетаясь с глаголом движения и предлогом, является существенным элементом семантического ядра.³ В конструкциях с предлогом из в ядро ШПК могут быть представлены существительные, обозначающие:

1. Трехмерное пространство:

а) постройки, помещения и их части (монастир, црква, пустыня, обитель, дом, келія, олтар, ограда, шатер, храмина, терем): рус. И изыде из шатра Ольг (Уст.лет., с.21); и поклонися епискому и ... изиди ис церкви (Жит. Ал. Нев., с.36); Кто хочет видети, вылезет из храмины (Уст.лет., с.42); И выникши Олга ис терема (там же, с.42); и абие самовольѣ устремися из дому своего (Жит. Ал. Нев., с.44); И тогда выходяху из домовъ своих (Пов. о чуд. ик., с.558); И никому же дающе изити из монастыря (Пов. печ. мон., с.30); И потомъ изыде из монастыря (Жит. Ник., с.540); И не изхокаше ис пустыни той

³ При этом тип падежа, выступающего в конструкции, не учитывается.

нимало (там же, с.539); Человѣче, скоро изыди изъ келии твоей (Пов. печ. мон., с.142); Преподобный ж изыде ис кѣльи своей (Жит. Ник., с.543); Излазя ис кѣли своей (там же, с.544); И побѣже ис пустыни (там же, с.544); Они же скоро течаху из обители (Пов. печ. мон., с.136); б о л г. Излеза за монастырят си свой (КД, л.87); излезе из црквата (Паз.сб., л.48 об.; СД, с.211); Излезе из олтарятъ (КД, л.14 об.; ПД-2, л.231); Излезе из вратата небесныхъ (Др. сб., л.11 об.; ПД-1, л.37); Ни можаха да излезатъ из оградата (ПД-2, л.122); Искочижа из ада (КД, л.125); Потече кладенець из црквата (Паз. сб., л.157; СД, с.280);

б) водные бассейны (море, река): б о л г. Излязоха 4 вѣщи из морето (КД, л.121; Ков. сб., л.188 об.); И видѣх из реки чи тече медь (Ст.Еп., л.23);

в) транспортное средство (кораб, гемия, повозка, лодья): р у с. Государь вошедь из своей повозки (Пов. печ., мон., с.105); И выскакаша из лодей вои Игоревы (Уст. лет., с.21); б о л г. Излѣзе из корабъ (Ков. сб., л.5); Излѣзе ис кораблата (Тет. сб., л.13 об.); Излѣзе из гемията (К.сб., л.33; СД, с.245);

г) различные предметы (камик): б о л г. Излѣзе огнь из онзы камикъ (СД, с.202).

2. Двумерное пространство (град, Новгород, Казань, Смоленск, место, двор): р у с. Князь Александр Васильевич из Новгорода в Владимир ѣхал (Уст.лет., с.47); Того же лѣта князь Василий Васильевич Шуской побѣжал из Великаго Новгорода (там же, с.88); И царь Аляхам из города ис Казани со князьми своими и с силою внихал против воевод (там же, с.96); Ярополк ... выбѣжа из града (там же, с.30); и царь Аляхам сам вниде из города неволею (там же, с.96); И вниде владыка из Смоленска на мост (там же, с.104); И на всяк день татарове, из города влиза, билися с русью (там же, с.96); И поидоша из Новграда на Днѣпър реку (там же, с.20); Поселяне изхождаху из осадных мѣстъ, яко то изъ града Изборска, из Печерскаго монастыря, из Гдова (Пов. печ. мон., с.19); б о л г. Излезе из градѣтъ петь (КД, л.30); Излязохъ из моите дворове (Паз. сб., л.29); Ще да излѣзе из пусто мѣсто (ПД-1, л.4).

3. Части тела (уста, око): р у с. изиде из главы ис ко-
неви, из сухие кости зми (Уст. лет., с.23); б о л г. Излазя
огнь из остата (Др. сб., л.4 об.; ПД-I, л.II об.; Паз. сб.,
л.I об.); И из очите му излазаша огнь (СД, с.128).

Помимо ШК с предложом из в анализируемых памятниках пись-
менности рассматриваемый СП представлен большой группой кон-
струкций, в состав которых входит предлог от. В семантиче-
ском ядре встречаем существительные, обозначающие:

1. Трехмерное пространство:

а) постройка, помещения и их части (палата, црква, темни-
ца, обитель, дом, гробница, врата, олтар): р у с. И два стар-
ца честна пзидоша отъ святого олтаря (Жит. Ал. Нев., с.27);
Изидоша отъ палатъ (Пов. печ. мон., с.II6); И изидохъ от гроб-
ницы святого (там же, с.I43); Идеше Никонъ от цркви великого
богоявления (Жит. Ник., с.539); Разбойници отобгоша от обите-
ли (Пов. печ. мон., с.I27); Отшедъ блаженный Савва от Лавры
(там же, с.II0); Дияволъ от темница своя изшедъ (Посл. Корн.,
с.528); Видят тии ротмистры нѣкоего воина идуща отъ заднихъ
вратъ (Пов. печ. мон., с.I54); б о л г. Излѣзи от монасти-
ръ (СД, с.265); да отиде от неговъ домъ (Ков. сб., л.69);
Излѣсъ от мой домъ (Паз. сб., л.47 об.); Да излезутъ от со-
борню цркви (БД, л.I5); По-добръ да идешъ далечъ от монастырю
(СД, с.221);

б) водные бассейны (море, река, озеро); б о л г. Излезе
от морнето (БД, л.I88 об.); Излѣзе от рѣкъта кръстинъ (СД,
с.95); Сички обѣаха от това озеро (Паз. сб., л.I52 об.);

в) средство передвижения (кораб): б о л г. Излезе от ко-
рабать (ПД-2, л.I24);

г) некоторые предметы (котел, тесла, камак): б о л г.
Грмеж излазе от котелю (БД, л.I08 об.); Гълобъ излѣзе от тесла-
та (БД, л.97); Излезе гласъ от камака (Ков. сб., л.46 об.).

2. Двухмерное пространство (град, мѣсто, орман): р у с.
И поиде от Смоленска в насаде и ста на Смядины (Уст.лет., с.37);
И умре, от змия уяден, егда иде от Царяграда (там же, с.22);
Онъ отиде от града (Пов. печ. мон., с.54); От града Пскова и
от монастыря Печерскаго со ваѣмъ воинствомъ отъидоша
(там же, 30); Они же отобгоша от града (там же,
с.16); И повелѣше ему изнѣти от мѣста того (Жит. Ник., с.540);

б о л г. Да излезите от туй мѣсто (БД, л.189); Исплъзе от мястото си (КД, л.7 об.); Сички люде от града отидоха (КД., л.30); Тичат от градо мъже (БД, л.68); Ами са отдели от урманут малку (СД, с.127); Тргнаха от Иерихон (СД, с.99).

3. Однородные вещества (огънь): б о л г. Излезе светий от огънят (ПД-2, л.176).

4. Части тела (брада, уста): б о л г. Излезе от брадата му огънь (ПД-2, л.178 об.); Изходи от уста божии (Паз. об., л.175 об.); Сичките са почудиха на речите дето тичѣха от устата му (СД, с.159).

5. Некоторые предметы (корен, идол): б о л г. От коренѣтъ неговъ води истичаха (Ст. Бп., л.50 об.; К. об., л.82); Изиде писакъ от идолите (ПД-2, л.212).

II. СП 'появление, приход субъекта, который вышел, отделился от замкнутого пространства' характерен для ППК с предложениями из, от. В ядро ППК входят в памятниках русского языка глаголы прийти, приходить в сочетании с предложениями от, из и приѣхати — только с из. В болгарских источниках с рассматриваемым СП отмечен только глагол дода в сочетании с обоими предложениями от и из. В ядре ППК представлены существительные, указывающие на:

1. Трехмерное пространство:

а) строение, помещение (церковь, келья, гробница): р у с. Прииде множество другихъ храбрыхъ воиновъ, ово от церкви, ово отъ гробницы, ово от келий и от службѣ монастырскихъ (Пов. печ. мон., с.154);

б) водные бассейны (море): б о л г. Скорбень додѣ или от море или от злы чловецы (ПД-2, л.110 об.).

К существительным, обладающим тремя измерениями, можно отнести и слово облак: б о л г. И дуде гласъ из облакъ (К об., л.95).

2. Двухмерное пространство (град, село, вѣсь, нива, гора): р у с. В то же время приидоша из Царяграда три красноѣвцы (Уст. лет., с.41); Прииде из Новгорода князь (там же, с.47); Приде вѣсть из Перми (там же, с.97); И приде посол Добрыня из Польтеска (там же, с.129); Князь великий Андрей Юрьевичъ приде из Кнева; Иногда же приидоша послы из великаго Рима (Жит. Ал.

Нев., с.8); Прибѣхали из Литвы к великому князю ... вучата (Уст. лет., с.100); Приидоша варязи от западныхъ странн (Жит. Ал. Нев., с.22); Он же начат приходити к преподобному из града Порхова (Жит. Ник., с.540); Множество ж народа приходят из града Пскова и из всей (Пов. о чуд. ик., с.559); Прибѣхали из села нарицаемого Згоровъ два мужие (Жит. Ник., с.545); Яко от святые горы Афонския прииде (Пов. печ. мон., с.107); б о л г. Доди Анастасиа от ниву (БД, л.13).

III. СП указывает на 'выведение, удаление кого-, чего-либо из замкнутого пространства'.

В новгородских памятниках встречается глагол извести с предлогом из и существительным Египет: И сих всѣхъ забыша и бога своего изведшаго я от работы из Египта (Жит. Ал. Нев., с.41).

В псковских памятниках отмечены ШПК о глаголами отгнати в сочетании с предлогом от и существительным мѣсто и выслати с предлогом из и существительным монастырь: Различные гады хотяще святого устрашити и от мѣста того отгнати (Пов. печ. мон., с.111); Стрѣльцовъ из монастыря выслати (там же, с.27).

В болгарских памятниках зафиксированы глаголы извадя, изведа, изгонювам, изгоня, источа, истръгна, испада, испѣдя са, ѣря, которые наряду с предлогом от сочетаются с существительными, обозначающими:

I. Трехмерное пространство:

а) строение или помещение (кѣща, черкова, темница): Защо нась изгониваш от кѣщията наши (СД, с.248); Изгоним от света-та черкова (БД, л.15 об.); Извадя от темница (ПД-2, л.103);

б) водные бассейны, углубления, обладающие внутренним объемом (море, трап): И напрасно го извадиша от мориято (СД, с.214); Извади Даниила от трапу (БД, л.38; СД, с.207).

2. Двухмерное пространство (Ерусалим, дѣно): Да са испади от Ерусалимъ (К. сб., л.11 об.); И напрасно го извадиша от дѣното (СД, с.214).

3. Названия частей тела (грьло, гъртан, ръка): Истръгна от грълото дяволоуко (КД, л.61); Дето ма е извадишь от гартанъ вражиа (СД, с.243); Да ги извади от дяволските ръце (КД, л.10).

В группу конструкций с предлогом из входят четыре глагола

с префиксом из — наряду с существительными, которые обозначают:

1. Трехмерное пространство (манастир, темница, гроб, яма, варница): И ги испди из манастирю (БД, л.44 об.); Изведоха го из темницата (БД, л.65 об.; Паз. сб., л.127); Испустини быха сички христиани из темниците (СД, с.248); Да го извадиша из варницата (ПД-2, л.205 об.); Извадиша моштитс из гробатъ (Паз. сб., л.2); Да го извадятъ из онази яма (КД, л.20).

2. Двухмерное пространство (Египет): Какъ ги извадь богъ из Египет (СД, с.202).

3. Части тела (ръка): И истръгна ма из рацете диаволски (БД, л.55 сб.; СД, с.243).

IV. СП 'отвести, отнести' отмечен в русских памятниках в ПШК с предлогом из в сочетании с глаголом изнести и существительным церковь и с предлогом от — с глаголами перевести, перенести, и пространственным существительным град: Пренесени быша мощи Николы Чюдотворца от Мир в Бар град (Уст. лет., с.42); Повѣждь посадникомъ да изнесутъ из церкви сьятія иконы (Пов. печ. мон., с.92); Иоанн Титов переведен бе от царствующего града Москвы (там же, с.134).

Рассматриваемый СП характерен и для трех ПШК с предлогом из, зафиксированных в памятниках болгарской письменности, наряду с глаголами изнеса, износя, пренеса и существительными дом, кораб, град: Износя благо из дома своего (Ст. Еп., л.25); Изнесе сички стълпове ис корабъ (КД, л.42); Наутрѣ пренесуха го из градо (СД, с.154).

V. СП указывает на 'отправление движения от исходной точки, находящейся в замкнутом пространстве. При этом движение совершается в обратном направлении'. Этот СП отмечен как в русских, так и в болгарских источниках только в ПШК с предлогом от, глаголами пойти, отпустити, ототупети, върна се, с существительными град, гора, земля: р у с. И поиде от Царяграда въсплѣ к Киеву (Уст. лет., с.22); Князь великий... мѣсяца септембра в 8 день отпусти от Твери (там же, с.57); И отступи мало от земля их (Жит. Ал. Нев., с.22); б о л г. Като се върнаха вънь от новите градове фуртуна голѣма хвана (СД, с.188); Тогива са върнаха апостолите от гората елеонска (ПД-2, л.221 об.).

VI. Сп указывает на то, что 'движение, исходная точка которого находится в замкнутом пространстве, направлено по вертикали вниз'.

В исковских памятниках в ШК этого типа находим только глагол опадаати в сочетании с предлогом от и существительным камень: Како спадє зорница от среды каменей огненыхъ (Посл. Корн., с.528).

Также с предлогом от встретились и пять глаголов - слѣза, падна, отпадна, испадна, фрѣля са - в болгарских текстах XVIII в.: Фрѣли са от моста (Пав. сб., л.49); Слѣзи от коняте (КД, л.40; БД, л.69 об.); Падна от ногата червие (КД, л.7); Град силєнь падна от небо то (СД, с.188); От воздухъ падна книгата (БД, л.12); Отпадна от рай (КД, л.9 об.); Испадна от царството си (Ков. сб., л.90 об.).

VII. Сп указывает на 'направленное по вертикали вверх движение, исходная точка которого находится в замкнутом пространстве'.

В ядро конструкции русских памятников входит только предлог из наряду с глаголами востати, воздвигати, поднятися и существительными башня, гроб: Князь Александр вѣста из гроба (Жит. Ал. Нев., с.27); И въ той часъ великий огнь подняся из башни (Пов. печ. мон., с.15); Слово из мертвыхъ возстави и из гробовъ воздвиге (там же, с.58); И абие воставъ из гроба, сѣде на немъ (там же, с.121).

В составе ядра ШК болгарских памятников представлены глагол стана с предлогом из и от и подвигна са - только с от: Стана болниѣ из келията здравъ (БД, л.13 об.); Стана от одарѣть си (СД, с.149); Телоту му са повдигна от стѣпѣтъ (КД, л.8 об.); Повдигна са от Солун (СД, с.149).

Рассмотренные семантические признаки анализируемых пространственных предложных конструкций и их сопоставление позволяет сделать вывод о значительном семантическом единстве, наблюдаемом в текстах севернорусских и восточноболгарских памятников письменности.

СООТНОШЕНИЕ ИЗОГЛОСС И ИЗОПРАГМ НА ТЕРРИТОРИИ СОВРЕМЕННОЙ АРХАНГЕЛЬСКОЙ ОБЛАСТИ

При исследовании диалектных различий изучение географии слов невозможно изолировать от географии вещей, предметов материальной культуры.

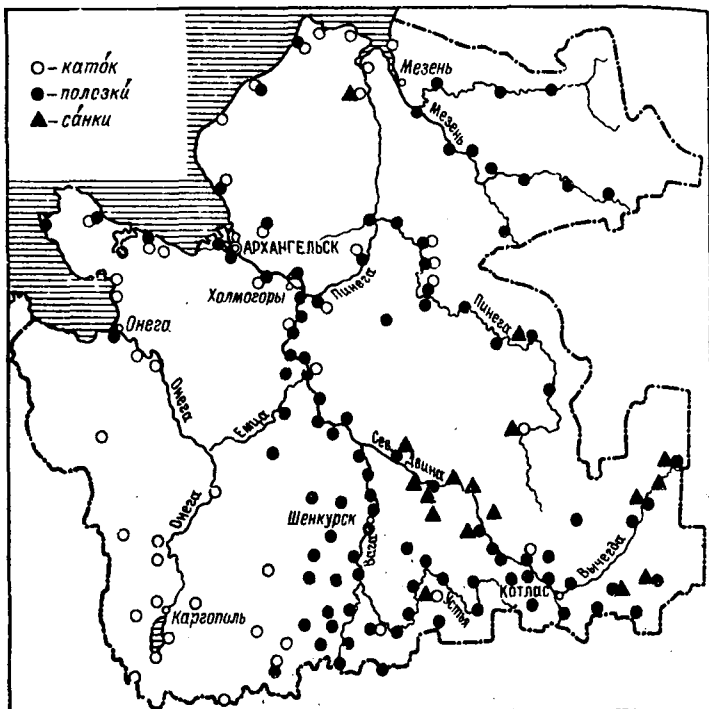
Автором настоящей статьи составлен лексический атлас Архангельской области. В этом атласе представлено несколько карт этнографического и этно-лингвистического характера, что сделало возможным сопоставление лингвогеографических и этнографических показателей.

Здесь публикуются отдельные карты атласа, иллюстрирующие связь географии слов и географии реалий. На значительном числе лексических карт, в частности, прослеживается граница, проходящая примерно по водоразделу Онеги и Северной Двины с Вагой. Она отражает основные сферы культурного и языкового влияния Новгорода и верхнего Поволжья на северо-восток Европы (см., например, карту 1).

Рассмотрим более подробно связи между западной зоной (бассейн Онеги) и восточной (бассейн Северной Двины с Вагой). Остановимся, во-первых, на онежско-двинско-пинежско-мезенских изоглоссах, во-вторых, на онежско-важских лексических связях.

1. По картам атласа устанавливаются лексические связи говоров юго-запада области и бассейна Онеги с говорами Пинеги и Мезени. В отдельных случаях онежско-пинежские или онежско-мезенские связи отражаются на картах в виде сплошного пояса от Онеги по Емце, по Двине от устья Емчи до устья Пинеги и далее вверх по Пинеге. Довольно часто явление, распространенное таким полукругом, отмечается в бассейне Мезени, иногда на Кулое и в Поморье. Например, поцѣпка (карта 2).

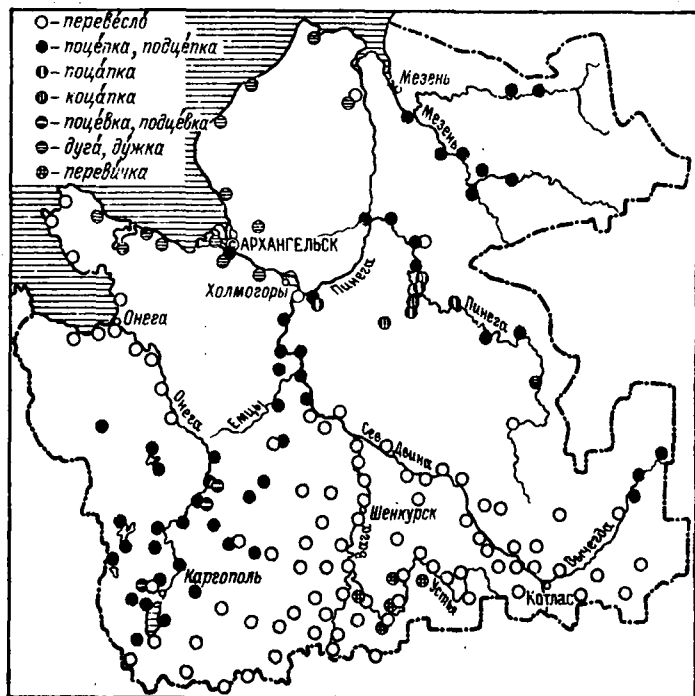
В ряде случаев на той же линии от Онеги к Пинеге и Мезени наблюдается только цепочка островков, которые тянутся в этом же направлении. Например, улица́ (карта 3).

Карта I. Приспособления для передвижения больших чугунов в русской печи.

На некоторых картах цепочка прерывается на Емце, на Двине, на Пинеге. Например, кошель (карта 4), клуб, клубок (карта 5), рогатка (карта 6).

С этой же линией совпадает этнографический показатель (карта 1). На территории современной Архангельской области используются различные приспособления для передвижения больших чугунов в русской печи: на Северной Двине, ее притоках, на Мезени и в Поморье — металлическая подставка под чугун, напоминающая полозья санок, которая называется полозки или санки; на Онеге, а также по нижней Пинеге и в

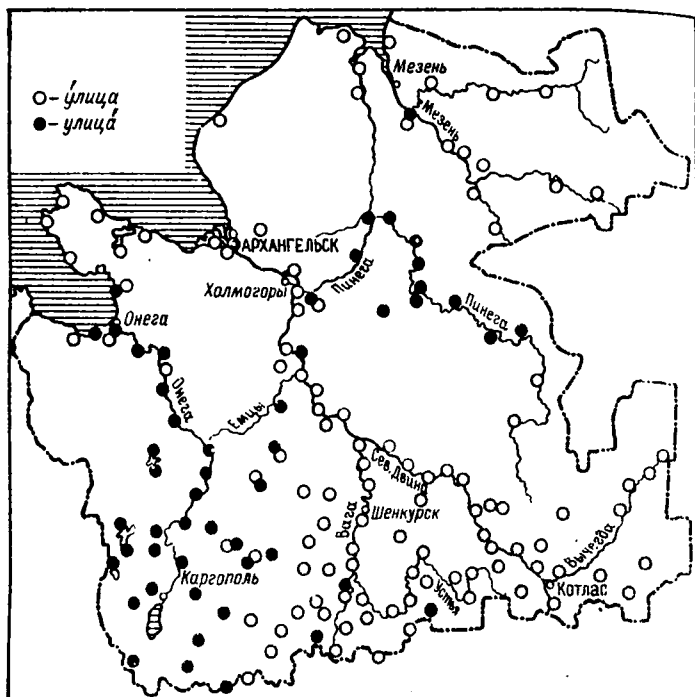

Карта 2. Ручка корзины.

Поморье применяют деревянный каток, который подкладывают под ухват.

Направление онежско-двинско-пинежско-мезенских изоглосс, видимо, отражает прежде всего древнейшую новгородскую колонизацию. Эти изоглоссы воспроизводят древний путь, связывавший с давних пор Новгородскую землю с Двиной, Пинегой, Мезенью. В древних письменных документах упоминаются погосты, расположенные на этом пути (Водля, Кенозеро, Онега, оттуда по Емце на Нижнюю Двину).¹

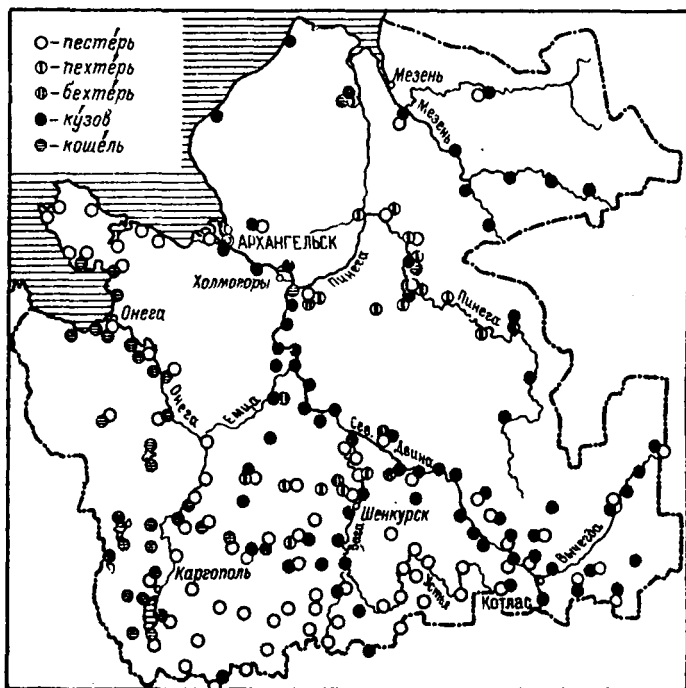
¹ Н а с о н о в А.Н. "Русская земля" и образование территории древнерусского государства. М., 1951, с.93,100 и след.

Карта 3. Дорога в поле между изгородями.

В более позднее время традиции этих говоров поддерживались связями, существовавшими между их носителями. По старому тракту Петербург—Каргополь—Холмогоры—Архангельск. Другой старый почтовый тракт на Мезень шел через Холмогоры, затем вдоль Пинеги до селения Волок (ныне Пинега); далее до Труфановой горы, затем близ устья Вашки выходил к реке Мезени; зимний путь от Волока шел прямо к г. Мезени.

2. Помимо тех лексических связей между бассейнами Онеги и Северной Двины, которые описаны выше, лексические связи уста-

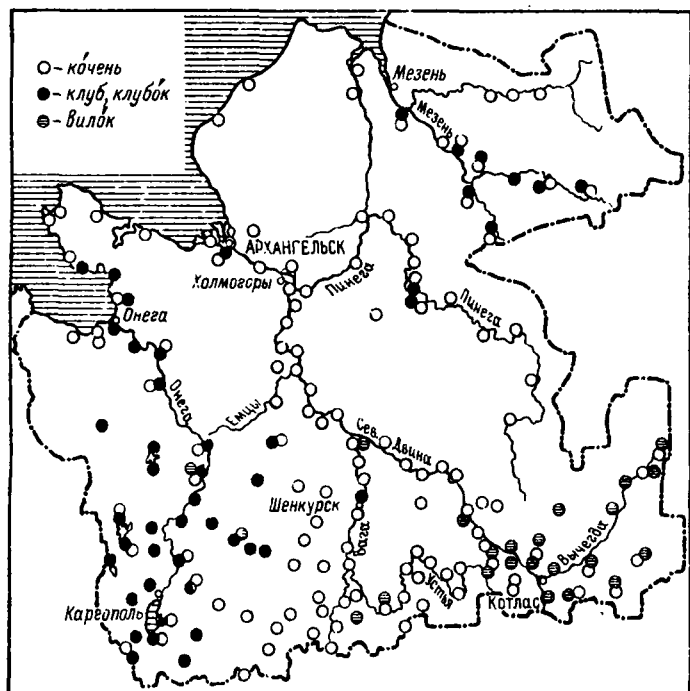

Карта 4. Запечная берестяная корзина с крышкой.

навливаются также в пределах Няндомакого р-на и южнее. На многих картах выделяется важско-онежский ареал. Иногда он охватывает весь бассейн Онеги. Таковы границы распространения слова прижим (карта 7).

На отдельных картах слова важско-онежского ареала распространены от устья Ваги вниз по Двине или отмечаются восточнее, в верховьях Двины, например, въезд (карта 8).

В некоторых случаях слова, отмеченные и на Онеге и на Ваге, не образуют сплошного важско-онежского ареала, распространены цепочкой островков, например, тяшка (карта 9).

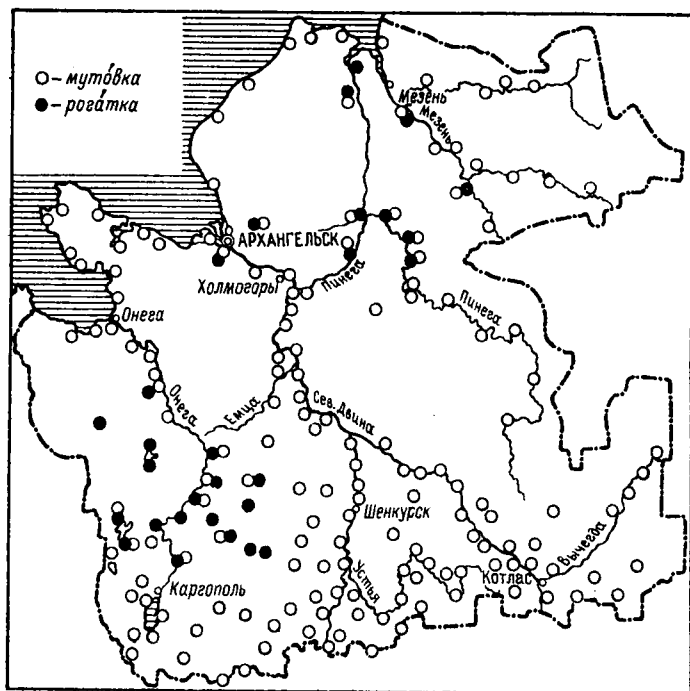

Карта 5. Кочан капусты.

Важско-онегские лексические связи отражают, видимо, направление колонизации с запада, из Новгородской земли. Граница распространения изгороди из жердей, укрепленных наклонно,² также отражает, по всей вероятности, оледы новгородской колонизации.

Г.Г.Мельниченко на основе анализа диалектных различий в современных говорах на территории бывшего Владимиро-Суздальского княжества делает вывод о мощном колонизационном потоке

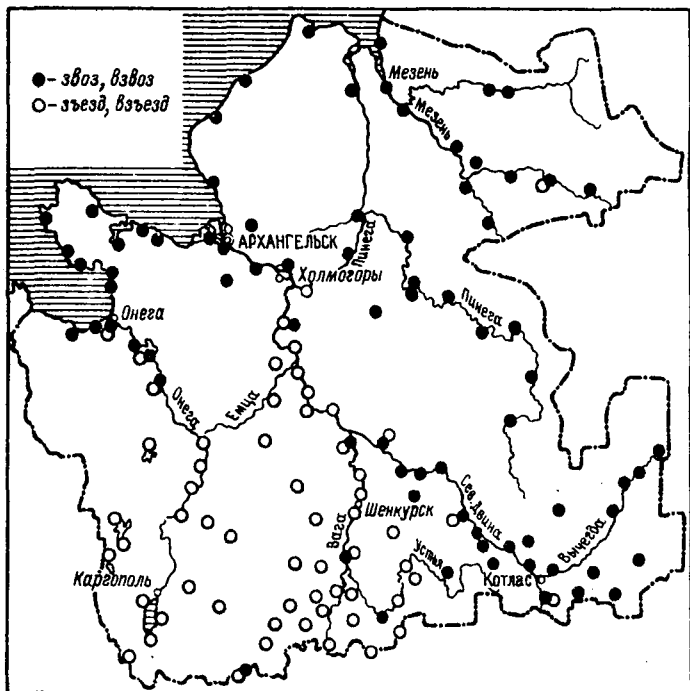
² К о м я г и н а Л.П. Лексический атлас Архангельской области. - Русская речь, 1971, № 3, с.93.

Карта 6. Приспособление для размешивания теста, каши и т.п. — палочка с сучками на конце.

на восток словен (новгородцев) в северной части исследуемой территории, по левую сторону Волги.³ Направление распространения слов на восток на юге Архангельской обл., возможно, вызвано одним общим колонизационным потоком новгородцев, проходившим по северной территории бывшего Владимиро-Суздальского кня-

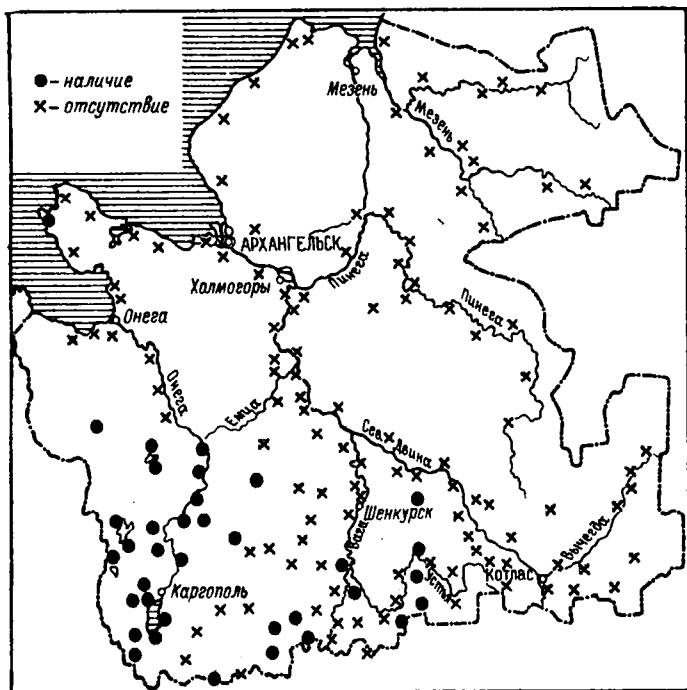
³ Мельниченко Г.Г. 1) К вопросу об этническом составе русского населения на территории Владимиро-Суздальского княжества XII — начала XIII в. — Вопросы языкознания, 1970, № 5, с.40-41; 2) Слова, обозначающие корзины. — Учен. зап. Ярослав. пед. ин-та, 1964, вып.52, с.82-83.

Карта 8. Бревенчатый настил для въезда на второй этаж хозяйственной постройки.

ний на Двине и Ваге наводит на мысль о длительном соперничестве Новгорода и Москвы в XIV–XV вв. Следы его, по словам М.В. Витова, обнаруживаются также "в постепенном и закономерном переходе особенностей современной крестьянской культуры и физического облика современного населения, живущего вдоль северных рек, особенно Двины и Ваги. Этот переход, отражающий взаимное проникновение компонентов, выявляется на значительном участке от устья Емцы до истоков Ваги и Двины".⁵

⁵ В и т о в М.В. Этнические компоненты русского населения Севера (в связи с историей колонизации XII–XVII вв.). М., 1964, с.7.

Карта 9. Распространение слова тыша 'грязь, грязное то'.

Отдельные этнические группы на территории современной Архангельской области в достаточной мере сохранили следы древних колонизационных потоков, так как приток населения извне закончился здесь в основном в XVIII в.: центр торговых сношений с Западной Европой переместился от Белого моря на запад, к Балтийскому морю. Сохранению этнических групп (и говоров), по мнению М.В. Витова, способствует и гнездовой тип расселения, который связан с относительной изоляцией небольших групп населения, особенно в условиях низкой плотности.

О ЛЕКСИЧЕСКИХ СВЯЗЯХ ЗАПАДНЫХ СРЕДНЕРУССКИХ ГОВОРОВ
С СЕВЕРНОРУССКИМИ (НА МАТЕРИАЛЕ НАЗВАНИЙ КУШАНИЙ)

Задача настоящей статьи – рассмотреть вопрос о характере связей между севернорусскими и западными среднерусскими говорами, с одной стороны, и об отношениях внутри западных среднерусских говоров (псковских и калининских) – с другой. Материалом для исследования является лексико-семантическая группа "названия кушаний".

В лингвистической литературе на данных фонетики, грамматики и лексики подчеркивалась несомненная связь псковских и калининских говоров, в основном псковских говоров и осташковских.¹ Наша цель – расширить и углубить сведения о близости говоров двух соседних регионов на новом лексическом материале, впервые вводимом в научный оборот, а также проследить их связь с севернорусскими говорами.

В предлагаемой статье для анализа взят языковой материал, извлеченный из картотеки ПОУ, из ОСГК и его картотеки, а также лично собранный и проведенный авторами в полевых условиях на территориях обеих областей. Для выявления связей с севернорусскими говорами использовались данные, извлеченные из ряда словарей и диалектных картотек. Нам удалось обнаружить около полусотни общих лексем – названий кушаний в псковских и калининских говорах (учитывались только названия одного и того же кушанья, либо кушанья, сходного в приготовлении). Следует отметить, что русские народные наименования кушаний мало привлекали внимание исследователей, поэтому многие сведения, приводимые в статье, могут быть в будущем уточнены и дополнены.

¹ К о п о р с к и й С.А. Архаические говоры Осташковского района Калининской области. – Учен. зап. Калнин. пед. ин-та, 1945, т.Х, вып.3, с.3–163; Г е р д А.С. 1) О некоторых суффиксах лиц в псковских говорах. – Учен. зап. Псков. пед. ин-та, 1963, вып.15, с.38–42; 2) К истории псковских говоров. – Программа XII научно-методической конференции северо-западного зонального объединения кафедр русского языка. Ленинград, 1970, с.84–87; М е р к у л о в Н.Ю. Псковско-Осташковские изоглоссы (на материале рыболовецкой лексики). – В кн.: Псковские говоры. Л., 1979, с.55–59.

Сопоставление наших материалов с лексикографическими данными о других русских говорах выявляет связь слов, отмеченных в псковских и калининских говорах, как с севернорусскими, так и с южными и юго-западными говорами. Это вполне закономерно, так как центральная часть псковских говоров и калининские говоры в их западной части представляют собой в основном один тип среднерусских говоров, имеющих черты как северных, так и южных и юго-западных русских говоров.

Учитывая тематическую направленность сборника, мы отобрали для описания слова, имеющие псковско-калининско-северный ареал (всего 32 слова).²

Лексемы среднесевернорусского ареала можно разделить на три группы. Первая группа представлена словами, отмеченными в современных псковских и калининских говорах и распространенными в указанном значении в других говорах русского языка, преимущественно севернорусских.

Баба́ха 'оладья, блин'. Пск.: Сяво́нни баба́х нъпякля́, мага́й баба́хъм в снту́ (Ам. Федорцево); З гаро́ху ра́ньшъ баба́хи пъяли́ (Остр. Демешкино); Емú лу́чше нра́вляще шпе́нйчны баба́хи (Сол. Садки). Калин.: Баба́хи и из а́сынай и из жы́тнъ муи́ пъякли́. (Ост. Овинец); Бли́н за́вѣща па-ста́риннаму баба́хъ (Ост. Вятка); Ха́рашн баба́хи с ма́слам (Выш. Леонтьево). Слово известно во многих других деревнях Осташковского р-на, а также в Удомельском р-не (ОСГК, 28). В СРНГ (2, 17) слово имеет пометы осташ.твер., демян.новг. Слово баба́ха отмечено также в Загорском и Клинском р-нах Московской обл. (СП, 16).

Карто́фельник 'картофельная запеканка'. Пск.: Карто́фельник де́лают, о яйцо́м запека́ют, с са́лам (Вл. Дроздово). Слово записано также в Локнянском р-не. Калин.: За́втра карто́фельник эде́лаю по све́жъй карто́шки (Нелид. Марьино); Гато́вим карто́фельник ис карто́феля (Мако. Рыбинокое). Записано также в Бежецком, Ка-

² В статье не анализируются слова этого ареала, ранее уже описанные одним из авторов: барканник, грибник, гуша, житник, капустник, крошник, рыбник, ягодница (см.: Лутовиков в И.С. Лингвогеографические данные и вопрос об отношении псковских названий кустаний к севернорусским. - В кн.: Севернорусские говоры, вып. 2. Л., 1975, с. 66-73).

шинском, Молоковском, Новоторжском, Рамешковском, Спиловском и Старицком р-нах (ОСГК, 85). Это слово в указанном значении широко представлено в севернорусских говорах: костромских, ярославских, вологодских (СРНГ, 13, 103). В значении 'кушанье из картофеля, с картофелем' встречается в архангельских говорах (Подвысоцкий, Грандлевский).

Картошкин. В псковских говорах диалектизм имеет два значения. Одно значение - 'лепешка с картофельной начинкой, не прикрытой сверху тестом': Расклёпши тонка, тонка, картошки накладыш, порная теста, края заворотыш, картошкини (Н.-Рж.Извоз). В калининских современных говорах слово имеет значение 'пирог с картофелем' (Новоторжский и Кесовогороцкий р-ны). В СРНГ (13, 106) оно дано с пометой пск., твер., остал. Другое значение слова - 'лепешка из сырой картошки': Пск.: Ляпёшки с сырой картошки назывались картошкини или драмки (Соб. Аннинск). В указанном значении слово отмечено в современных калининских (ОСГК, 86) и в новосибирских (СРНГ, 214) говорах.

Кокорка 'лепешка, края которой заггибаются или зашипиваются изверху, а середина наполняется творогом, картошкой, ягодами и пр.' Пск.: Какорки с тварагом-ть напекү, с малаком и педлѣти (Печ. Моложа); Какорки пекли с тылакнѣным сѣмечкам (Гд. Чудская Рудница). Слово записано также в Пушкиногорском и Славянском р-нах. Калин.: Какорки я давно ни пекли (Вят. Красномайский); Был би тварюк, а какорки будут (Лео. Телятники); Какорки пекүт с кашей, с картошкой (Бол. Н. Березай); Какорка - этъ кругля кашабушк, а начинк с верху (Ост. Корново); Я на медни какорки с яблнѣм пекли (Куп. Ферново). Записано существительное также в Белецком и Удомельском р-нах (ОСГК, 98). В СРНГ (14, 96) оно имеет пометы вышневол., твер., калин., пск., новг., петерб. Слово известно в Забайкалье (СРГЗ, 160) и в Новосибирской обл. (СРНГ, 209, 227).

Наливашка 'лепешка из дрожжевого теста, иногда с начинкой, положенной сверху'. Пск.: Эта и наливали на прастагыш с белай муки (Локн. Опоки). Записано также в Островском и Псковском р-нах. Калин.: Любл блины-наливашки печь (Нелнд. Марьино); На блины наливали канаплинѣ сѣмя - этъ наливашки (Ост. Палиха); Наливашки делают с картофелем, творогом, гречне-

вай кашей (Ост. Котчице). По данным КСРНГ, слово имеет севернорусский ареал, отмечено в костромских и новгородских говорах.

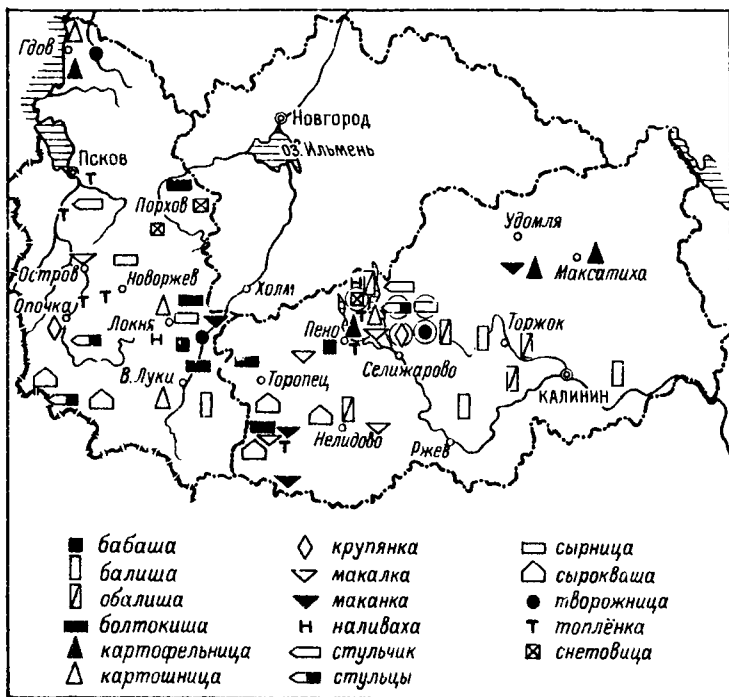
Олякиш 'непропеченный хлеб'. Пск.: Алякиш, апёкаш - хлеб, кагда ня дапякёцца (Локн. Опоки). Калин. Алякыш какие-ть палучились (Пен. Заборье). В калининских говорах известны в этом же значении лексемы алякуш и аклякыш: Алякуш - ёть сырое тёсть ф хлеби (Калин. Вятняково); Ни дапичош хлеб - вот и аклякыш (Ост. Рвеницы); Аклякыш палучился у миня (Зап. Скрабы). Уклякыш записан также в Калининском р-не (ОСТК, 157). По данным СРНГ (I, 248), алякиш имеет пометы новоржев., порх. пск., осташ. твер., влад., пенз.; алякуш - пенз.; алякаш - Сырмолатово Холм., Пск., Юрьев Влад., пенз., сарат. Формы олякиш, олякыш известны псковским, тверским, ярославским, владимирским, ивановским и саратовским говорам (КСРНГ; КЮС, 133).

Вторая лексическая группа представлена диалектизмами, отмеченными в современных псковских говорах, по данным И.Карпова³ - в оставковских говорах, в современных калининских говорах, а также встречающимися в сибирских говорах и в говорах Прибалтики, куда, возможно, они проникли значительно позднее. Изоглоссы слов, имеющих ареал в псковских и калининских говорах, нанесены на карту. Условный знак на карте указывает на фиксацию слова в одном населённом пункте или в пучке близко расположенных селений.

Сырница 'запеканка из творога и крупы'. Пск.: Сырница, твораи кипятят, круп жытных сыплят и маслят яё (Локн. Опоки); Сырница у меня ф пёчке, тварои пасалёнай с маслам (Н.-Рж.Извоз). В Дополнении (263) с пометами пск., осташ. твер., в Словаре Даля (IV, 376) с пометой твр. 'кушанье из творогу и гречневой каши'. В новосибирских говорах (СРНГ, 529) сырница 'блюдо из творога с яйцами и маслом'.

Творожница 'запеканка из творога и крупы'. Ставят ф пёчку твораи о крупой, маслам маслят, тваражница, густая, прижарышн

³ Карпов И.И. Краткий очерк простонародных слов, преимущественно Новоржевского, Опочецкого, Островского, Порховского и Псковского уездов Псковской губернии и Осташковского Тверской. 1855 г.- Ряз., БАН, шифр 17.10.16.

Названия кушаний, отмеченных только в псковских и калининских говорах.

малёнька (Локн. Опоки). Слово записано также в Гдовском р-не Псковской обл. В Словаре Даля с пометой пск. творожница 'творожная лепешка с гречневой кашей' (IV, 395). В Дополнении с пометами пск., осташ. твер. творожница 'лепешка из творогу с гречневой крупой' (265). В значении 'творожная запеканка' слово отмечено в говорах бассейна реки Оби (СРСТ, 222).

Топленка 'молочный суп'. Пск.: Таплёнка есь, малёшний суп (Палк. Клеуво); Таплёнка, а па-ранышму заливаха, толькь малакó да рис, да рашкí, да мькарóны (Оп. Макутино). Слово записано также в Псковском и Пушкиногорском р-нах. Калин.: Таплёнка нинчи слáткая (Ост. Заболотье); Две пýстки [крупн] в малакó

фсышиш — вот и таплёнк (Ост. Перетерг); Малако́ с крупой то́-
пят — вот и таплёнк (Ост. Кононово); Любли́ таплёнку на мьла-
кё (Зап. Улин). Слово записано также в Псковском р-не. С по-
метой псковское диалектизм топлёнка в Опыт 'молоко, вареное о
крупам', в русских старожильческих говорах Прибалтики топлён-
ка 'молочный суп с крупой',⁴ у Даля о пометой гж. 'напица на
топлёном молоке' (IV, 416).

Третья группа рассматриваемых слов представлена диалек-
тизмами, отмеченными в современных псковских и калининских го-
ворах и не встречающимися в других говорах русского языка.

Баба́ша 'печёный хлеб'. Пск.: Ку́шай, фи́кусная баба́ша (Локн.
Опоки). Калин.: Па́, вазы́м баба́шу [при обращении к ребёнку]
(Пен. Заборье). В том же значении в Западнодвинском р-не от-
мечено слово баба́ш: Баба́ш сиво́ння ни уда́лся, нилапцёный ка-
ко́й-ть (Улин).

Ба́ли́ша 'мучная каша'. Пск.: Ка́ша ба́ли́ша мучна́я, о муке́
аржа́ной. Хош с паша́нйнай (Вл. Букино). Калин.: Ба́ли́ша — эт
ка́ша, хош из офя́най му́ки, хош из жы́тнай (Лук. Карманиха). Сло-
во записано также в Калининском и Новоторжском р-нах (ОСТК,
29). В СРНГ ба́ли́ша 'кушанье из ячменной муки'. Новоторж. Твер.
(2, 72). С тем же значением в калининских говорах записано
слово оба́ли́ша: И сича́с аба́ли́шу де́лаим (Ост. Корпово); Аба́ли́шай
жы́ткуу ка́шу зва́ли (Ост. Вятка). Отмечено слово также в Камен-
нецком, Медновском, Нелидовском р-нах (ОСТК, 146).

Болто́ки́ша 'загустевшее квашеное молоко, простокваша'. Пск.:
Болто́ки́ша — се́дшее молоко́, кй́слае, пра́стаки́ша ина́че (Тор. Мещо-
ки). Слово записано также в Плюсском и Холмском р-нах Псков-
ской обл. По данным областной лексикографии (Опыт, 12) слово
отмечено как псковское. Однако оно встретилось и в Калининской
обл.: В жа́ру лу́ччи ба́лтаки́шы па́пы, чим малака́ (Зап. Улин).

Карто́фельница́ 'картофельное пюре'. Пск.: Там тибё ма́лень-
кь карто́фельницы зде́льнь, ёта талчо́ная карто́шка с малако́м ски-
пяти́ш (Гд. Ветвеник). В Опыт (78) слово отмечено как псков-

⁴ Немченко В.Н., Синица А.И., Мурни-
кова Т.Ф. Материалы для словаря русских
старожильческих говоров Прибалтики. Рига, 1963, с.325.

ское. Калин.: Картофельница с картошки, двух яиц и обильи (Ост. Ляхово); Картофель толкнут о водой — и ф печь — вот и картофельница (Уд. Санниково); Картофельница — эта картошка, а на заправлялась маслом (Ост. Палиха).

Картошница 'картофельная запеканка'. Пск.: Картошница — картошку растолкуть, масла туда, малака и жарют, када ф той ма пасуди, када на саваротки (Н-Ток. Алё). Слово записано также в Бежаницком, Великолукском и Гдовском р-нах. Калин.: Картошница из картошки, папалам с яйцом (Ост. Хитино); Картошница — первое утешение, жарили ф чашке: картошка, яйцо и малако (Ост. Кононово).

Крупянка 'суп с крупой'. Пск.: Крупянка — о крупн суп (Оп. Духново). В СРНГ (15, 322) крупянка 'похлебка с крупой' с пометами пск., осташ. твр., калин.

Макалка 'соус, в который что-н. (хлеб, блины, картошку) мажут'. Пск.: Сиподни макалку делала, эта памачка такая, блины, какоры макать (Пушкинские горы). Калин.: С макалки фкусней блины (Пен. Заборье); Сколь ты макалки-ть развила (Ост. Заболотье); Макалка — эту картошки растолкут в цашке диривинный, развидут кипятком да хьнаплим маслом залют (Олен. Холмец); В макалку мажут блины (Зап. Козино); Макалка г блинам делашца с творагу (Ост. Палиха).

В том же значении в псковских и калининских говорах отмечено существительное маканка. Пск.: А вот пакушайте маканки нашей деревенской, макать в яё нада картошкой (Холм. Ветно). Калин.: Свари картошку и зделай маканку (Жар. Щучье); Макай хлебом в маканку (Зап. Скрабы). Записано слово также в Удомельском р-не (ОСГК, 124). В СРНГ (17, 307) диалектизм отмечен как калининский.

Наливаха 'толстый блин, лепешка'. Пск.: А еще наливаха, а кто и драчена завёт, с теста з белава (Локн. Опоки). Калин.: Наливаха паспела ужэ (Ост. Заболотье); Наливахи из теста пакуют, там картошка с малаком (Ост. Черный Дор). В Пеновском р-не Калининской обл. записано это слово со значением 'тесто для блинов, лепешек': Наливаху зделель, можнэ и блины печь (Пен. Заборье).

Стульчик 'густая каша (кисель), взбитая при заваривании, охлажденная и нарезанная кусочками'. Пск.: Стульчик — каша га-

ро́хавая и с му́ки, аоты́нет и нареза́й но́жычкам, фку́сная о́чень (Палк. Ключево). Калич.: Сту́льчики де́лали мы, гаро́хавая му́ка кагда́ была. Ве́рили в гарши́к, па́том вы́льют ф ча́шку, па́том засты́нет. Вот э́ти сту́льчики ф ча́шке нама́жут ма́слам и э́ли, как халаде́ц (Ост. Добрая).

В том же значении, что и стульчик, в псковских говорах отмечен диалектизм сту́льцы. Пск.: Сту́льцы де́лали, ма́слым вало́жыли, гаро́х аодирёш, на му́ку наме́лиш, па́ста́виш кипя́ток, в рипа́то вы́вратиш э́ту ка́шу, што́ засты́ла, разре́жыш (Оп. Голованово); А сту́льцы ча́товать так: кипи́т вада́, сы́пиш му́ку и ка́лотиш, па́том уварива́ют, па́том выли́ва́ют, а́на засты́нит, ре́жыш, ма́слом зали́ваеш (Себ. Холмо). В Опыте, Дополнении с пометами пск., твер. осташ., в Словаре Даля с пометой пск. сту́льцы⁵ в том же, что и в псковских говорах, значении. В современных калининских говорах отмечается и однокоренное образование стул 'любо́й о́чень густо́й кисе́ль, засты́вший, наре́занный кусо́чками'.

Сыроква́ша 'загустевшее квашеное молоко, простоква́ша'. Пск.: Сы́раква́ша и пра́стаки́ша, так ча́варят ста́рыи лю́ди (Себ. Припиши); Э́та бу́дя сы́раква́ша, ма́лако́ пра́кисла (Нев. Мелюхи); Там сы́раква́ша, мо́жа у́де све́жая ма́лако́ есь (Вл. Синие Ворота). Калин.: И́де ки́слае ма́лако́ называ́ют сы́раква́ша (Зап. Улин); Ола́дыи я фсе́гда пи́ку на сы́раква́ше (Нелид. Ключевая). Слово отмечено и в других селениях Западнодвинского р-на (ОСГК, 246).

Особо необходимо остановиться на диалектизме снетови́цы 'похлебка, суп со снетками': Пхляба́л бы тыпе́рь снятави́цы (Слав. Амосово); Ма́тка в э́та время снятави́цы сва́рит (Дн. Бурожкино). Слово записано лишь в современных псковских говорах. В Дополнении (249) с пометами пск., твер. осташ. также отмечается этот диалектизм. В современных же калининских говорах слова нет, да и похлебок со снетками не делают.

На лексической карте значки, указывающие распространение слов крупя́нка, снетови́ца, сту́льцы, сы́рни́ца, творожни́ца на территории Калининской области, обведены кружком, так как в совре-

⁵ См. об этом слове и его производных в статье: Лу́то-ви́но ва И.С. Об одном псковском названии гороховой каши (сту́льцы). — В кн.: Псковские говоры. Л., 1979, с. 35–38.

менных калининских говорах они не встречаются, не зафиксированы на данной территории в XIX в.

Довольно большое количество лексем, обозначающих одно и то же кушанье или кушанье, сходное в приготовлении, позволяет говорить о значительном лексическом сходстве западных среднерусских говоров как с севернорусскими, так и между собой. Наличие слов с одинаковым значением, различными словообразовательными аффиксами и одним и тем же мотивировочным признаком — факт живого языка, в котором никогда не прекращаются процессы трансформации и образования новых слов при помощи продуктивных аффиксов.

Данные лингвистической географии подтверждают псковско-калининско-севернорусский ареал. Как уже было ранее установлено по фонетическим и грамматическим данным, территория Псковской области в центральной части и территория Калининской области в западной части — зона западных среднерусских говоров, имеющих в основе черты как севернорусских, так и южнорусских говоров и составляющих некоторое единство.⁶

Материалы данной статьи подтверждают несомненное сходство псковских и калининских говоров с севернорусскими. Установлено также проникновение отдельных лексем в уральские, сибирские говоры. Это явление, вероятно, более позднее, связанное с миграцией населения. Возможность же севернорусской основы как псковских, так и калининских, вернее их части, говоров, вполне вероятна, ведь в XII в. — это территория Новгородской земли.

Связь этих говоров давняя, вызванная исконным соседством псковичей и тверичей, а также общностью происхождения славян этой группы: в летописи с IX в. уже упоминаются кривичи, район расселения их как раз бассейн Великой, Ловати и озера Селигер. По данным археологов, среди кривичей выделяется несколько локальных групп, одна из которых псковская. В зону ее обитания включается территория от Псковского озера и бассейна реки Великой до Валдайских озер и верховьев реки Волги.⁷ Сведения

⁶ Захарова К.Ф., Орлова В.Г. Диалектное членение русского языка. М., 1970, с.147-150.

⁷ Алексеева Т.И. Этногенез восточных славян. М., 1973, с.20.

археологов дают основание предположить, что эта древняя псковская зона проявляет себя и в связях между псковскими и верховолжскими говорами.

Среди опубликованных материалов второй половины XIX в., имеющих пометы пск., твер. остал., выделяется ряд слов, отсутствующих в современных калининских и отмеченных в современных псковских говорах. Это также наводит на мысль о единстве древней основы этих говоров, которые, возможно, ближе к псковским, нежели к селигеро-торжковским говорам.

А.С.Гөрд

К ИСТОРИИ ОБРАЗОВАНИЯ ГОВОРОВ ПОСВИРЬЯ

Почти по самой границе Ленинградской области с КАССР течет Свирь из Онежского озера в Ладокское. Вниз по течению в нее впадают реки Кидьма, порожистая Захенка, Яндеба, Шоткуса, Оять. Этот район от истоков Свири до устья рек Шоткусы и Ояти вместе с деревнями по шоссе Подпорожье — Ошта и образует Посвирье. Сегодня на Свири живут почти исключительно русские.

Посвирье вместе с Олонецким (Ладого-Онежским) перешейком — важный в историко-лингвистическом отношении район. Собранные за последние 20 лет ленинградскими полевыми диалектологами обильные лексические материалы позволяют привлечь их сегодня к решению проблем этнолингвистической истории Посвирья.¹

Отметим типы лексических связей говоров Посвирья с другими говорами на крайнем северо-западе РСФСР.

1. Говоры Посвирья и говоры к югу от Свири (от Свири до Новгорода), исключая Белозерье и говоры к северу от Свири.

Абазурить, абазуриться 'вести себя не так, как следует', абазурник 'озорник', ах, тошно моё, басалай 'шалун, озорник', бапа-бапа, башенька-башенька, бяленька-бяленька 'подзвонные слова для овец', беинка 'тесемка по платью', беленый суп 'суп,

¹ См. КСРГК — архив кафедры русского языка Ленинградского университета.

заправленный сметаной', белить суп 'добавлять сметану в суп', белянка 'блондинка; о любимой', блиндать 'бродить, шататься', боркан 'морковь', бубарага 'метель, ненастье', голы есть (пить) 'обычно: есть без хлеба', горькушка 'пштва', гримнуть 'ударить чем-н.; упасть', гурком 'вместе', двойнята 'близнецы', дробёна 'ячница', ёктаться 'икать', жмода 'жидкий человек', запрошлый год, запрошлым годом 'позапрошлый год, в позапрошлом году', кзмятина 'отходы при обивании масла', каляний 'жесткий, затвердевший', картофине 'псле, с которого убран картофель', кокора 'кушанье', кормилец ты мой 'ласк. обращение', кремляни: 'о человеке крепкого здоровья', липы 'часть окна', маткин берег 'бранно', мугатной 'крепкого сложения', мизгнуться 'упасть', напробоску 'босиком', недосоль 'что-н. недосоленное', ой ты пшнега 'о плаксе; прозвище', пережабина 'мелкое место на озере', плетанна луна 'связка', распустить сено 'разложить для просушки', сиковик 'гриб', сукром 'сруб', чернуть 'зачерпнуть', шалгун 'заплетенный мелок', шурка 'возлюбленный'.

2. Говоры Повирья, говоры к югу от Свири до Новгорода, русские говоры Прионежского и Кондопожского районов КАССР (западное Прионежье), а также говоры Вытегорского района Вологодской области, исключая Заонежье, Беломорье, Белозерье, Каргополье.

Бучило 'то, в чем кипятят белье', каверзять 'сплетничать; портить', летошнии 'годовалое животное', нятина 'тина'.

3. Говоры Посвирья, говоры к югу от Свири, говоры к северу от Свири (Прионежье, Заонежье, Пудожье, Обонежье), исключая Каргополье, Беломорье, Белозерье.

Берестень 'корзина', вещь 'полоска, вежа, знак чего-н.', вольный воздух 'чистый, свежий', вдвоих, гамзить 'делать не так', гомонить 'громко говорить', головщина 'драка; убийство', городня 'изгородь', двойчаты 'близнецы', дровёнки 'сани', мелудок 'желток', заботний 'заботливый', ичея 'часть сета', корец 'ковш', молодливный, олворок 'пристройка около дома', луковая трава 'перья лука', мазурик 'бранно', мали-мали 'подзывные слова для овец, кур', мокрица 'сорняк', пеганый 'пегий',

целиция 'сарай', перехватка 'еда до завтрака', пилькать 'моргать, о глазах', подольховник 'гриб', пята 'небольшое количество чего-н.', распашное окно, рагоза 'ссора', райдуга 'радуга', спорознить 'освободить', старый малец 'холостяк'.

4. Говоры Посвирия, говоры к югу от Свири, говоры к северу от Свири до Терского берега Белого моря, исключая бассейн р. Онеги на востоке, Каргополье, Белозерье.

Благой 'хороший', бора-бора 'подземные слова', бульбук 'пузырь, волдырь', верёх, наверёх, гайтан 'тесемка, шнурок', журавина 'кликва', замкнуть двери, зень 'земля; пол', ивень 'иней', изгорода, колпак 'часть печи', кореник, кореничок 'корзина', лоза 'ива', обуденком 'в один день'.

5. Говоры Посвирия, говоры к северу от Свири (Прионежье, Заонежье, Пудожье, Обонежье), исключая говоры к югу от Свири, Беломорье, Белозерье.

Баба 'укладка снопов', белохрёбтая корова, бородавица 'бородавка', бубарка 'мошка', бурандаты 'ворчать', валюшечка 'шарик теста', кичуга 'охапка, связка', кобылица 'ягода', козовик 'блин', кырандаты 'болтать, бормотать', мячкаты 'бить'.

6. Говоры Посвирия и говоры к югу от Свири, говоры Каргополья (исключая Белозерье, Заонежье, Беломорье).

Кокшаты землю 'взрыхлять', межень 'середина лета', мурашник 'муравейник'.

7. Говоры Посвирия, говоры к югу от Свири и к северу от Свири, включая Каргополье, бассейн р. Онеги, но исключая Белозерье.

Боском, вольный парень, вольница 'шалун, озорник', горькуха 'гриб', гостёвище 'пребывание в гостях', давень 'недавно', душмячий 'душистый', жихарь 'житель', загнета 'щепки', заложка на двери 'засов', Исрдань 'прорубь', лосонить 'блестеть', лытки 'голень', масляк, маслянка 'гриб', маков 'печень', обрядиться 'управиться по хозяйству'.

8. Говоры Посвирия и говоры к югу от Свири до Новгорода и на восток до Белозерья (Череповецкий, Белозерский, Шекснинский районы), исключая говоры к северу от Свири и Каргополье.

Глумяться 'казаться, чудиться', деянки 'варехки', домаха 'хозяйка', доселешний 'старинный, прежний', мулить воду 'му-

жить', клуша 'наседка', патраться 'пачкаться', старый парень 'холостяк', тарковатый 'добрый; щедрый'.

9. Говоры Посвирия, говоры к югу от Свири, говоры к северу от Свири (Прионежье, Заонежье, Пудожье, Обонежье), говоры на восток до Белозерья, исключая Каргополье, Беломорье, бассейны реки Онеги.

Белуга 'тип почвы', глонуть 'глотнуть', глушина 'вид березы', гмыриться 'хмуриться', даже 'очень', жадобный 'ласковое обращение', комлатая 'безрогая', кокша 'топор', красушка 'гриб', лава 'мостки', одёр 'часть телеги'.

Типы лексических связей говоров Посвирия выявляют тем самым и соответствующие диалектные зоны.

Типы 1, 2, 3, 4 обнаруживают прочные связи говоров Посвирия с новгородскими говорами. Тип 1 четко очерчивает северную границу ладого-тихвинской группы, вновь подтверждая справедливость ее выделения.

Тип 3 выявляет собственно северо-западную, ладого-онежскую диалектную зону и противопоставляет ее говорам и Беломорья и Каргополья.

Тип 4 вычленяет новую единую ладого-онего-беломорскую зону русских северо-западных диалектов, как будто бы не отмеченную до сих пор в специальной литературе.

Тип 5 показывает тесные связи говоров Посвирия с говорами в районе Онежского озера и одновременно очерчивает ладого-тихвинскую группу о юга.

Типы 6 и 7 очерчивают две другие диалектные зоны: тип 6 — зону, охватывающую Свирь, южное Обонежье и Каргополье, а тип 7 — основную большую северо-западную зону русских диалектов от Волхова и Карелии до реки Онеги и озера Лача на востоке.

Типы 8 и 9 выделяют особую зону интенсивных исторических связей Поволжья и Посвирия с говорами на восток до Белого озера. Выделение этой группы, по-видимому, началось еще в доновгородский период.

Какова же историческая интерпретация приведенных данных?

В целом типы 1–5, и в особенности тип 4, отражают, по-видимому, сильную собственно новгородскую миграцию по Волхову, Свири, Ладожскому и Онежскому озерам, реке Выг в Карельское

Беломорье, на Теребишский берег. Ее интенсивность была сильнее к югу от Белого моря, о чем и свидетельствуют типы 2,3, достаточно определенно показывающие древнюю противопоставленность всех говоров от Волхова, Ояти и Свири до Онежского озера диалектам Беломорья. С исторической точки зрения тип 3 выявляет новгородско-онежскую зону, а тип 4 — зону новгородско-онежско-беломорскую.

Каковы исторические основы этой противопоставленности? Ее следует искать, с одной стороны, в типе оубстрата, а с другой — в языковой ситуации раннего средневековья. По-видимому, первоначально в Посвирье и в районе Онежского озера жили носители иных прибалтийско-финских диалектов, чем в Беломорье. Как показывают материалы семинара о происхождении карел, проходившего в 1976 г. в Финляндии в Йоэнсуу, ряд авторов полагает, что население Олонецкого перешейка в разные эпохи не было однородным и имело смешанный характер.² Русские летописные источники с Белого моря говорят не о веси и карелах, а о лопи и лопских погостах (о дикий лопи, о лешей лопи). Показательно, что и историки считают, что Карельский берег от устья реки Выг до Керети карелами был освоен позднее XIV в.³

Однако главное в другом. На Ладого-Онежском перешейке, в Посвирье, в Прионежье, Заонежье и Обонежье, где климат мягче, несомненно, издавна более высокой была и плотность населения, как прибалтийско-финского, так и новгородского. Население имело оседлый характер. Именно здесь активно шли процессы этнического и языкового смешения, сильнее проявляли себя тенденции к билингвизму. В Беломорье же проникновение новгородцев носило в основном феодально-монастырский и охотничье-рыболовецкий характер и проходило позднее, чем, по-видимому, массовое заселение Ладого-Онежского перешейка и Обонежья в целом. Тип

² Баранцев А.П. К вопросу о происхождении южно-карельских диалектов. — В кн.: Университет Йоэнсуу. Серия гектограмм А, № 0 24, Б. Происхождение карел. Доклады семинара от 30 - 6 - 2 - 7 1976; Киркин Е.Х. Карелы, изначальное племя или слияние? — Там же, с. 7-19.

³ Черки истории Карелии, т. I. Петрозаводск, 1967, с. 59.

5 как раз и свидетельствует об интенсивности этих процессов, которые в определенный исторический период привели и к обособлению говоров Посвирья вместе с онежскими диалектами как от говоров к югу от Свири, так и от беломорских диалектов.

Следует подчеркнуть также справедливость членения русских диалектов бассейна Свири на две части – северо-западную и юго-восточную, отмеченного на ДКРЯ АН СССР. Говоры Посвирья ниже Уланки-Свирыстрога, Яндебы до устья Свири ближе по своему типу к остальным говорам ладого-тихвинской группы, чем к говорам верховьев Свири. Напротив, именно говоры среднего и Верхнего Посвирья в Подпорожском районе содержат наибольшее число лексических соответствий онежским диалектам. Например, именно здесь зафиксировано большинство овирических глаголов на -айдать (-ан-дять), известных также и на Онежском озере.⁴

Каковы причины этого расчленения? Поскольку здесь, в районе Уланки – Яндебы не проходило никаких политических границ, возможно, что это расчленение связано с разными типами субстрата и само свидетельствует о неоднородности прибалтийско-финских диалектов XI–XII вв. Можно предположить, что именно к северу и северо-западу от линии Яндеба – Уланка, вверх по Свири обитали иные прибалтийско-финские племена, чем к югу от этой линии и ниже по Свири. Не свидетельствует ли именно это расчленение русских диалектов о более старом разделении в этом районе карел и веси?⁵

По-видимому, тип 6 исторически отражает один из отдельных новгородских миграционных потоков на север по Волхову, Ладожскому озеру, Свири и через южное Обонежье в Заволочье.⁶ Более спорно: был ли этот поток чисто славянским в самой своей основе?

⁴ Дубровина З.М., Герд А.С. Изобразительные и звукоподражательные глаголы прибалтийско-финского происхождения в русских говорах Карелии. – Советское финноугроведение, 1979, № 4, с.243–247.

⁵ Кочуркина С.И. Юго-восточное Приладожье в X–XIII вв. Л., 1973, с.66–67.

⁶ Ср. мнение В.В.Пименова о мощном движении по тем же путям в Заволочье древней веси (Пименов В.В. Вепсы. М.; Л., 1965, с.50).

Тип 7 хорошо очерчивает тот этап общего новгородского продвижения на север и на Онегу, когда влияние Великого Новгорода здесь определенно превосходило влияние Ростова Великого.

По ряду признаков к говорам Посвирия тяготеют говоры в бассейне реки Оять, которые вместе образуют северную подгруппу ладого-тихвинских говоров (к северу от рек Капша, Кондета, нижнее течение Паши), противостоящую южной пашско-сясьской подгруппе ладого-тихвинских говоров. Противопоставлению этих двух подгрупп определенно способствовало и то, что с первой трети XVIII в. именно в междуречье Ояти, Паши и Капши в разное время проходила южная граница Олонецкого уезда, Олонецкой провинции с Ингерманландией или Новгородской губерниями, а с 9 сентября 1801 г. и до 1917 г. — южная граница Олонецкой губернии. Примечательно, что и по сей день именно здесь — в междуречье Ояти и Паши — проходят южные границы Лодейнопольского и Подпорожского районов Ленинградской области.

Говоры к югу от Капши, Кондета, Паши, в бассейне Волхова, исторически развивались, по-видимому, на территориях, где не славянское население к моменту новгородского заселения встречалось уже спорадически, островами. Не последнюю роль играла начиная с 1144 г. близость и к самому Новгороду, и к Старой Ладоге, а с 1560-х годов — к Тихвинскому и Зеленецкому монастырям.

Типы ареальных и исторических связей, выделенные в статье, представляют тем самым и предварительное членение русских северо-западных диалектов по лексическим данным.

Н.А.Мещерский

О НОВЫХ ТРУДАХ ПЕРМСКИХ ДИАЛЕКТОЛОГОВ

Диалектологи Пермского государственного университета им. М.Горького и Пермского педагогического института в течение последних лет опубликовали ряд новых интересных исследований.¹

¹ О работах более раннего времени см. наши обзоры в кн.:

Успешно продолжается выпуск межвузовских тематических сборников статей "Живое слово в русской речи Прикамья". В 1976 г. вышел в свет пятый выпуск названной серии в составе двенадцати статей.

Т.И.Ерофеева в статье "Взаимодействие литературного языка и диалекта (к вопросу о локальных морфологических явлениях в речи лиц, владеющих литературным языком)" продолжает начатую ранее актуальную тему об особенностях разговорной речи местной интеллигенции.

Ф.Л.Скитова плодотворно расширяет и углубляет исследование истории слов, вошедших из пермских говоров в общенациональный русский литературный язык в течение последних десятилетий. В ее статье рассмотрена история слова волокуша.

Н.А.Медведева затронула проблему воздействия языка художественной литературы на обогащение общенародного языка областными словами. По ее наблюдениям, слово баз 'скотный двор', характерное для южнорусских говоров, проникает в речь жителей севера не без влияния известных произведений М.А.Шолохова.

Языком пермских письменных памятников XVII — начала XVIII в. продолжает заниматься Е.Н.Полякова. В ее статье речь идет о различных наименованиях имущества в изученных ею документах.

А.А.Грузберг уже вторую свою работу посвятил словам древнерусского языка в лексике пермских говоров. В его работе анализируются группы слов, производных от глагола блзнить. Внимание автора останавливается также на существительном водо-поле, на слове челпан 'вид хлеба', прилагательных черемной 'красно-багряный', шадровитый (от шадра 'оспа'). Исследование истории названных слов приводит автора статьи к правильному заключению, что в народных говорах и в городском просторечии нередко могут сохраниться любопытные материалы для построения исторической лексикологии русского языка.

А.В.Шварц в статье "К вопросу о дублетности в народной речи" исследует слова антонимической пары давно - недавно, микросистемы со значениями 'в течение некоторого времени', 'с

малых (молодых) лет до настоящего времени', 'на следующий день', 'на следующее утро', 'в первое время'. Автор отмечает трудность внедрения в говоры таких слов литературного языка, как, например, первоначально, что может быть объяснено, с точки зрения автора, наряду с другими факторами также и тем, что в говорах вполне достаточно своих лексических средств для выражения близких рассмотренных выше значений.

С точки зрения общей и исторической лексикографии представляет интерес работа А.П.Чудикова "Слова семантически сильной и слабой позиции в контексте (к вопросу об иллюстративных материалах в словарях)". Мы согласны с автором статьи в том, что составителям словарей необходимо следить за тем, чтобы предложения, иллюстрирующие употребление в речи каких-либо слов, приводили бы в контекстах с наиболее характерным для данного слова употреблением в сильной семантической позиции, наиболее ярко и полно раскрывающим данное значение.

А.П.Галичева и Л.В.Сахарный посвятили совместно написанную статью проблемам экспериментального исследования "нового" слова на материале диалектной речи. Названная работа убедительно показывает продуктивность применения лингвистического эксперимента, проводимого через распространение и заполнение анкет, при изучении словопроизводства в народной речи.

А.А.Мошева рассматривает в своей работе существительные типа быстрядь, чернядь, образованные от прилагательных в говоре села Акчим. Заметим, что этот весьма продуктивный тип словообразования характерен не только для говоров, но может быть назван общерусским. Имена существительные подобной словообразовательной модели, производные от качественных прилагательных, наблюдались не только в лексике деловых памятников XIV в., как это отмечено в статье, но и в более ранний период, по нашим наблюдениям, в повествовательных произведениях XII в.

К.А.Федорова в заметке "Чайник скипел или вокипел?" ставит вопрос о том, как оформлять заглавное слово словарной статьи, если в речи оно употреблено с приставкой, образованной с пропуском начального согласного в (приставки ва-, во-). Мы согласны с автором, что в таких случаях целесообразно приводить в заголовке статьи слово в его литературном оформлении, а

далее делать пометку то же; например: вздумать — то же, что одумать, и лишь затем уже давать семантические пояснения. Эта рекомендация может рассматриваться лишь как самая общая, во всех сомнительных случаях следует исходить из внимательного анализа не только формы, но и семантической функции данных приставок.

Интересно для до сих пор еще мало разработанной области диалектной фразеологии остановиться на статье "Образно-выразительная фразеология в оликамском говоре Пермской области", написанной А.Н.Борисовой. В работе разбираются метафористические стержни таких фразеологизмов, как не входить в кожу 'расползаться', животы рвать 'омяться сильно, до изнеможения', ног не видеть 'быть чрезмерно полным' и т.п. Выражения подобного рода приусти всем русским и славянским народным говорам.²

Наконец, в статье Н.Т.Потаповой, иллюстрированной речевыми примерами и наглядными графическими таблицами, рассмотрены различные способы выражений причинно-следственных отношений в простом предложении. В этой статье речевой материал говоров севера Пермской области сопоставлен с лексикой и синтаксисом деловой письменности XVIII в.

Шестой выпуск обсуждаемой нами серии появился в 1978 г. В нем содержится 14 работ. Статья Ф.Л.Скитовой "Слово матаня в словарном запасе жителей Перми" рассматривает взаимодействие диалектной и общерусской лексики в разработке терминологии современной русской фольклористики. Слово матаня используется для обозначения частушки особой разновидности. Это слово бытует в говорах приволжских и заволжских областей, в том числе широко распространено среди населения пермского края. Статья Т.И.Ерофеевой и Л.К.Королевой, сотрудницы Пермского комитета по телевидению и радиовещанию, посвящена определению статуса разговорной речи на материале речевого общения жителей Перми. Авторы считают, что официальную разновидность речи пермяков есть основание включить в рамки устной неподготовленной речи носителей литературного языка при их официальном общении. Тем самым расширяется лингвистический статус современной русской

² См. об этом кн.: И в а л к о Л.А. Очерки русской диалектной фразеологии. Л., 1961.

разговорной речи. Следующая статья написана также Т.И.Ерофеевой и посвящена акустическим явлениям в разговорной речи горожан. Автор полагает, что наличие колебаний в произносительной литературной норме отражает борьбу письменной традиции и живой народной речи.

Статья Л.Е.Чербаковой "Слова гололед, гололедица и ожедь в русской научной терминологии и разговорной речи" освещает проникновение в специальную терминологию народных слов, обозначающих различные атмосферные явления. Статья О.И. Богословской и В.В.Биктагировой посвящена изучению семантической структуры слова в народно-поэтической и народно-разговорной речи. Авторы утверждают, что язык фольклора, будучи неадекватен местному диалекту, является его художественной формой, представляя особую функционально-стилевую разновидность. Работа А.П.Чудинова (Стерлитамакский пединститут) показывает соотношение лексико-семантических групп глаголов бытийности в литературном языке и диалектах. В статье В.А.Галичевой дано экспериментальное исследование процесса дериватизации производных слов на материале верхневихерских говоров Красновишерского района Пермской области. Работа выполнена на основании картотеки Акчимского словаря. Лексика акчимского говора посвящена работе А.А.Мошовой (Пермский университет) и А.П.Медведевой (Зональная школа комсомольского актива г.Перми) об именах существительных с суффиксом -ость. В работе А.А.Мошовой и Л.И.Поповой исследуются префиксальные прилагательные в том же говоре. В.В.Мерлин (Пермский пединститут) описывает частицу дак, широко распространенную в севернорусских говорах, как средство выражения актуального членения. В литературном языке этой частице соответствует слово так, употребляемое в Акчимском говоре в качестве наречия и местоимения. Возникновение дак из так объясняется отличием этой частицы от наречия-местоимения при ее специализации для выражения актуального членения. Работа Л.В.Потаповой и Л.В.Загородной показывает употребление сочетаний существительных в род. падеже с предлогами от и из в говорах севера Пермской области. Статья Е.Н.Полковой, как и ее работы в ранее опубликованных сборниках, раскрывает источники изучения разговорной лексики XVII в. В данном случае речь идет

о переписной книге Прокопия Елизарова 1649 г. по вотчинам Строгановых. В работе Е.Н.Поляковой и Т.М.Разумовой (учительницы оредней школы с.Березовка Пермской области) изучаются названия растений в Пермских письменных памятниках конца XVII – начала XVIII в.

Завершается сборник двумя развернутыми рецензиями: на "Словарь говоров Соликамского района Пермской области" (Пермь, 1973) и на книгу Н.Н.Прокошевой "Материалы для фразеологического словаря говоров северного Прикамья" (Пермь, 1972). Заметим, что обе рецензируемые книги принадлежат перу сотрудников Пермского пединститута.

Седьмой выпуск одноименной серии межузовского сборника научных трудов вышел в свет в 1979 г. В этом сборнике 15 статей. В составе редколлегия сборника, возглавляемой Ф.Л.Скитовой, кроме работников Пермского университета, находим сотрудников Пермского пединститута, Уральского университета, Владимирского пединститута и др. Среди авторов видим фамилии не только преподавателей вузов, но и, например, Т.А.Шубину, сотрудницу завода им. Калинина в Перми, Л.Е.Щербакову из Пермского медицинского института и др.

Содержание помещенных в этом сборнике статей столь же разнообразно и интересно, как и в выше рассмотренной книге. Статьи седьмого выпуска посвящены главным образом семантической и грамматической специфике диалектного слова в целом и отдельных лексических групп. В ряде статей определяется статус некоторых лексико-грамматических единиц в говорах: например, статья С.Ю.Аддиванкина и Н.П.Потаповой "К вопросу о лексико-грамматическом статусе предикативных несогласуемых глагольных словоформ на -но, -то-то". Обращается внимание на язык произведений фольклора – статья Л.И.Новиковой "Явления функциональной омонимии в языке прикамских частушек".

В ряде статей анализируются диалектизмы в произведениях местных писателей как своеобразный материал для диалектологических исследований: например, статья Ф.Л.Скитовой и Л.А.Грузберг "Диалектизмы в произведениях местных писателей", статья Л.А.Грузберг, А.Н.Борисовой, А.М. Шварц "Диалектная лексика А.П.Ромашева".

Е.Н.Полякова, как и раньше, исследует язык старопермских деловых памятников. Ее статья называется "К изучению гнезд однокоренных слов пермских памятников XVII — начала XVIII в."

Специального внимания в названном выпуске заслуживают статьи, показывающие возможности освещения вопросов истории музыки по материалам диалектной речи (статья В.А.Альбинского, сотрудника музыкального педагогического института в Москве, "Древнерусский музыкальный термин возгудать в современных уральских говорах"), а также использование нотной транскрипции для записи и передачи интонации живой и разговорной диалектной речи (статья Т.А.Иноземцевой, преподавательницы средней школы села Гамово Пермской области, "Интонация в нотной транскрипции").

Краткое рассмотрение статей рецензируемого сборника показывает, что положительный научный потенциал пермских диалектологических исследований за последние годы не только сохраняется в полном объеме, но и значительно возрастает. И в этом тоже можно усматривать несомненную заслугу главного редактора сборников доцента Ф.Д.Скитовой.

Этой же исследовательнице принадлежит инициатива в издании несколько ранее начатой серии межвузовских сборников научных трудов "Литературный язык и народная речь". Выпуск I названной серии вышел в свет в Перми в 1977г. и содержит 10 статей. При этом состав редколлегии сборника кроме известных по предыдущим сборникам сотрудников пополнился научными работниками из Ленинграда, в их числе можно назвать доктора филологических наук Л.С.Ковтун (Институт русского языка АН СССР), а также автора данной рецензии.

Узловая проблема, освещаемая в статьях сборника, — это вопросы взаимодействия русского языка и территориальных диалектов. Этому посвящена вступительная статья, написанная Ф.Д.Скитовой. Автор успешно продолжает изучать историю отдельных диалектизмов, переходящих в общелитературную лексику. Ее статья озаглавлена "Наименование частушек страдания в словарном запасе жителей Пермской области (к вопросу о признаках перехода областного слова в общелитературную лексику)". В этой работе приводятся интересные доказательства, что такие наименования

чаотушек, как страдания, припежки, матани, издавна присущие различным говорам, в 1920-х годах начали активно употребляться и оттуда перешли в общелитературное использование. Статья Ф.Л.Скитовой заслуживает внимания и потому, что ее выводы основываются на широко применяемом лингвистическом эксперименте, проводимом путем анкетирования.

К рассмотренной статье примыкает работа учителя Донецкой средней школы Ю.П.Перепелкина "К вопросу о пополнении лексики русского литературного языка профессионально-местными словами. Неполадки". В статье показывается, что изучаемое слово с начала нынешнего века получило широкое распространение в лексике горняков Донецкого бассейна, откуда перешло в газетную печать и в техническую литературу. И лишь относительно недавно слово в более обобщенном значении стало употребляться повсеместно. В ряд таких статей может быть поставлена и написанная автором настоящих строк, в которой разбирается история слова работяга.

Из остальных работ сборника обратим внимание на работу Л.К.Андреевой (Владимирский педагогический институт) "О влиянии литературного языка на фразеологию говоров" и статью Т.В.Кирилловой (Калининский педагогический институт) "К изучению процессов изменения русских народных говоров под воздействием литературного языка". В последней основное внимание автора сосредоточено на изменениях фонетики и морфологии говоров.

И в рассматриваемом сборнике Т.И.Ерофеева продолжает разработку давно выбранной ею темы о территориальном варьировании устной формы литературного языка. Е.Н.Полякова тоже остается верна своей основной теме, исследуя лексику письменного языка и живой речи в пермских деловых памятниках XVII в.

Лингвисты, работающие в Пермском пединституте, в 1978-1979 гг. издали два сборника научных трудов под одним и тем же заглавием "Лингвистическое краеведение Прикамья".

В 19-ти статьях этих публикаций, из которых мы назовем наиболее для нас интересные, разрабатываются вопросы диалектологии Северного Урала, особенность языка местных деловых письменных памятников, созданных в Пермской области в XVII-XVIII вв., в сопоставлении с явлениями общенационального письменного языка той же эпохи. Изучаются также диалектизмы в языке местных

писателей в качестве материала для диалектной лексикологии и лексикотрафии. Названным темам посвящены статьи, написанные совместно А.Н.Борисовой, Л.А.Грузберг, А.П.Шварц. Л.Е. Шербакова обращает внимание читателей на терминологию дождя в лексике пермских говоров. К.Н.Прокосева исследует диалектную фразеологию в говорах Прикамья. И.А.Подикаев рассказывает о диалектных фразеологических единицах, обозначающих состояние человека. К.В.Бажутина рассматривает системные отношения между вариантами фразеологизмов на материале русского литературного языка и говоров Северного Прикамья. Среди других статей обращает на себя внимание финноугроведческая работа А.С.Кривошековой-Гантман "Некоторые вопросы развития коми-пермяцкого языка".

Несомненно, все статьи этих сборников обратят на себя внимание специалистов не только Прикамья, но и других регионов страны.

Не довольствуясь отдельными статьями, Т.И.Ерофеева и Е.Н.Полякова обобщили свои многолетние наблюдения в виде книг. В 1979 г. в Перми вышла книга Т.И. Ерофеевой "Локальная окрашенность литературной разговорной речи (Учебное пособие по спецкурсу)". В этой книге опубликованы многие материалы, появлявшиеся ранее в печати. Работа Т.И. Ерофеевой состоит из введения, четырех глав основного текста и краткого заключения. К монографии приложен библиографический перечень, насчитывающий 69 названий. В книге Т.И.Ерофеевой рассматриваются общая проблема локальной окрашенности литературной речи в русистике, локальные явления фонетического уровня в речи жителей Перми, владеющих русским литературным языком, подобные же явления лексического уровня и локальные явления в речи интеллигентных жителей Перми на уровне морфологии и синтаксиса. Можно признать монографию Т.И.Ерофеевой, написанную на безусловно актуальную тему, вносящей немало нового как в общее языкознание, так и в изучение русского языка и его говоров.

Вторая книга, изданная Пермским университетом в 1979 г., принадлежит перу доцента Е.Н.Поляковой. Ее труд называется "Лексика местных деловых памятников XVII - начала XVIII века и принципы ее изучения". В монографии обобщены материалы, наблю-

дения и выводы, публиковавшиеся ее автором ранее в форме статей в упомянутых нами сборниках. В книге содержится введение, три главы основного текста, заключение. В приложении к работе даны: список использованных статей и книг (100 названий), список использованных словарей, словников и словарных карточек (50 названий), список использованных пермских памятников XVII — начала XVIII в. (20 названий опубликованных и неопубликованных собраний). К монографии присоединена схематическая карта Прикамья XVII в. Е.Н.Поляковой исследован язык документов уездных канцелярий Чердынской, Соликамской, Усольской, Кунгурской приказных изб, а также язык деловых бумаг из личных владений именитых людей Строгановых, центром которых был в то время г.Орел на Каме. В первой главе монографии дана детальная характеристика источников, обоснованы методы исследования и классификации лексики памятников. Во второй главе определяется метод исследования синонимов и анализируются синонимы в наблюдаемых по памятникам лексических системах. В третьей главе обобщаются итоги исследования синонимов в пермских деловых документах XVII — начала XVIII в. Объем монографии Е.Н.Поляковой 100 страниц. Книгу Е.Н.Поляковой можно считать отвечающей одной из актуальных задач современного русского языкознания — изучению деловой письменной речи периода начала формирования национального русского языка, выступающего в качестве одного из главных признаков складывавшейся русской нации.

Назовем еще монографически оформленную работу А.А.Мошевой и А.И.Арапова "Изучение правописания имен прилагательных и существительных, имеющих в суффиксе -н- в условиях местного диалекта" (Пермь, 1980). Эта книга имеет двойную направленность. Во-первых, в ней обращается внимание на своеобразное явление в пермских говорах и в речи горожан, живущих в Прикамье, состоящее в удлинении звука -н- в тех словах, где литературный язык требует непротяженного произношения этого согласного: прилагательное голубиний, костяной, глиняный; существительные труженик, механик и т.п. Во-вторых, работа сосредоточивает внимание учителей на преодолении орфографических ошибок, связанных у учащихся с данным диалектным явлением. Для преодоления ошибок, вызванных этим, в книге приводятся обоснованные рекомендации

(как проводить уроки в связи с данными темами, как сочетать орфоэпическую работу с орфографической). В книге мы найдем специальные упражнения разного типа. К изданию приложены полные списки слов (имена прилагательные с суффиксами -ан-, -ян-, -ин-, имена существительные на -ник, -ница). Выразим уверенность, что книга окажет методическую помощь учителю.

В заключение нашего обзора мы можем признать, что научный коллектив пермских диалектологов за последние годы показал значительный территориальный, количественный и качественный рост своего научно-исследовательского потенциала. Пожелаем же нашим коллегам дальнейших успехов.

СОКРАЩЕНИЯ, ПРИНЯТЫЕ В СБОРНИКЕ

- ААЭ - Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской Империи Археографическою экспедицею.
- АГО - Архив Географического общества СССР (Ленинград).
- А.гражд.распр. - Акты, относящиеся до гражданской расправы древней России /Сбор. и изд. А.Федотов-Чеховский. Киев, 1860-1863.
- АЕ - Археографический ежегодник за 1966 г. М., 1968.
- АМЭ - Архив Государственного музея этнографии народов СССР, фонд Тенишева.
- Англ.д. - Памятники дипломатических сношений Московского государства с Англиею, т.2 /Изд. под ред. К.Н.Бестужева-Рюмина. - Сб. Русского исторического общества, т.38. СПб., 1823.
- АПД - Архив Сектора фольклора Института русской литературы АН СССР (Пушкинский дом), г.Ленинград.
- арх. - архаический.
- Арханг. лет. - Устюжский летописный свод (архангелогородской летописец) /Подгот. к печати и ред. К.Н.Сербиной. М.; Л., 1950.
- АФЗХ - Акты феодального земледелия и хозяйства XIV-XVI вв., ч.1 /Подг. к печати Л.В.Черепнин. М., 1951.
- АХУ - Акты Холмогорской и Устюжской епархий, ч.2,3. СПб., 1894-1908 (РИБ, т.14,25).
- АЮ - Акты юридические, или собрание форм старинного делопроизводства. СПб., 1838.
- БАН - Библиотека Академии наук СССР (Ленинград).
- БД - Беленски дамаскин. Ркп. № 718(445), 200 л. Народная библиотека в Софии.
- ВОКМ - Вологодский областной краеведческий музей.
- ВХК - Вотчинные хозяйственные книги XVI в. М.; Л., 1979.
- ГААО - Государственный архив Архангельской области.
- ГВАО - Государственный архив Вологодской области.
- ГАЛО - Государственный архив Ленинградской области.
- Гильфердинг - Онежские быliny, записанные А.Ф.Гильфердингом летом 1871 г., т.1. 4-е изд. М.; Л., 1949-1951.
- ГПБ - Государственная публичная библиотека им. М.Ф.Салтыкова-Щедрина (Ленинград).

Грандильевский - Грандильевский А. Родина Михаила Васильевича Ломоносова: Областной крестьянский говор. - Сб. Отд. рус. яз. и словесности, т.83, № 5. СПб., 1907.

ДАИ-7 - Дополнения к Актам историческим, собранным и изданным Археографической комиссией, т.7. СПб., 1846-1875.

Даль - Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка, т.1-IV. М., 1955.

диал. - диалектный.

ДКРЯ АН СССР - Диалектологическая карта русского языка. - в кн.: Русская диалектология, М., 1964 (вкладыш).

Дм. - Домострой по списку Общества истории и древностей Российских. - Чтения ОИДР, 1881, кн. 2, с.1-165.

Дог. Смол. с Ригой - Договор Смоленска о Риге (I редакция). - В кн.: Памятники русского права, вып.2. М., 1953.

Дополнение - Дополнение к Опыту областного великорусского словаря. СПб., 1858.

ДП - Деловая письменность Вологодского края XVII - начала XVIII в. Вологда, 1979.

Др.об. - Дряновский сборник. Ркп. № 336 (523), 30 л. Народная библиотека в Софии.

Ерш-Ерш. - Повесть о Ерше Ершовиче. - В кн.: Адрианова-Перетц В.П. Очерки по истории русской сатирической литературы XVII в. М.; Л., 1937, с.157-162.

Жит.Ал.Нев. - Мансыка В. Житие Александра Невского: Разбор редакций и текст. СПб., 1913, с.33-48.

Жит.Ник. - Месяца сентября в 24 день житие и подвизи преподобного отца нашего Никандра пустынножителя, иже на Демяне озере жившаго Порховския области. - В кн.: Серебрянский Н. Очерки по истории монастырской жизни в Псковской земле. - Чтения ОИДР, 1908, кн.4, с.538-545.

Заб. - Забелин И. Домашний быт русских царей в XVI и XVII ст., ч.1. М., 1895.

Зеп. прик. людей - Тихомиров М.Н. Записки приказных людей конца XVII в. - Труды Отделения древнерусской литературы, 1956, XII, с.442-457.

КД - Котленский дамаскин. Ркп. № 13.5.18, 177 л. БАН.

КДРС - Картотека Сл.РЯ XI-XVII вв. Хранится в Ин-те русского языка АН СССР (Москва).

Карша Данилов - Древние российские стихотворения, собранные Киршем Даниловым, М., 1938.

Кн. прих.-расх. Каз. пр.- Приходо-расходные книги Казенного приказа 1613-1614. - РИБ. СПб., 1884, т.9, с.1-351.

Ков. сб. - Кованьшки оборник. Ркп. № 13.6.16, 182 л. БАН.

Крым. д. I - Памятники дипломатических сношений Московского государства с Крымскою и Ногайскою ордами и с Турциею, т.1. - Сб. Русского исторического о-ва, т. 41. СПб., 1884.

К.сб. - Котленски сборник. Ркп. № 437 (630) 106 л. Народная библиотека в Софии.

КСРГК - Картотека Словаря русских говоров Карелии и смежных районов сопредельных областей, хранится на кафедре русского языка Ленинградского ун-та.

КСРНГ - Картотека СРНГ.

Куликовский - Куликовский Г.И. Словарь областного олонецкого наречия в его бытовом и этнографическом применении. СПб., 1898.

КЯОС - Мельниченко Г.Г. Краткий ярославский областной словарь. Ярославль, 1961.

ЛГПИ - Ленинградский государственный институт им.А.И.Герцена.

лит. - литературный язык.

ЛОИИ - Ленинградское отделение Института истории АН СССР.

ЛСТ - Лексико-семантическая группа.

ЛЯ - литературный язык.

междиал. - междиалектный.

Ник. - Приходо-расходные книги Кирилло-Белозерского монастыря за 1567, 1581, 1601, 1603, 1604, 1606, 1607, 1608, 1610 гг. - В кн.: Никольский Н. Кирилло-Белозерский монастырь и его устройство, т.1, вып.2. СПб., 1910.

НЛ - Новгородская летопись.

Новг. судн. гр. - Судная Новгородская грамота 1471 г. - ААЭ, т.1. СПб., 1836, № 92.

Новг. рядн. XV в. - Шесть новгородских рядных XV в. - В кн.: АН.

Новоторг.устав - Новоторговый устав 1667 г. - В кн.: Памятники русского права, вып.7. М., 1963.

ОИДР - Общество истории и древностей российских при Московском университете.

- Опыт - Опыт Областного великорусского словаря /Изд. Вторым отделением АН. СПб., 1852.
- ОСГК - Опыт словаря говоров Калининской области /Кириллова Т.В., Бондарчук Н.С., Куликова В.П., Белова А.А. Калинин, 1972.
- Паз. об. - Сборник от XVIII в. писан в Пазарджик. Ркп. № 435 (635), 190 л. Народная библиотека в Софии.
- ПД-1 - Пирдопски дамаскин. Ркп. № 341(432), 128 л. Народная библиотека в Софии.
- ПД-2 - Пирдопски дамаскин. Ркп. № 335(433), 262 л. Народная библиотека в Софии.
- Переп. Безобразова - Памятники русского народно-разговорного языка XVIII столетия (из фонда А.И.Безобразова) /Изд. подг. С.И.Котков и Н.И.Тарбакова. М., 1965.
- ПК-ВМ - Приходные книги Кирилло-Белозерского монастыря.
- Пов. о чуд. ик. - Повесть о явлении чудотворных иконъ пресвятыя зладичицы во области града Пскова на Синичьи горы, иже нынѣ зовома Святая гора. - В кн.: Серебрянский Н. Очерки по истории монастырской жизни в Псковской земле. - Чтения ОИДР, 1908, кн.4, с.552-561.
- Пов. печ. мон. - Повесть о начале и основании Псковского Печерского монастыря. Псков, 1849.
- Подвысоцкий - Подвысоцкий А.И. Словарь областного архангельского наречия. СПб., 1885.
- Польск. д.Ш - Памятники дипломатических сношений Московского государства с Польско-Литовским государством, т.3, 1560-1571 гг. - Сб. Русского исторического о-ва, т.71. СПб., 1892.
- ПОС - Псковский областной словарь с историческими данными, вып. 1-5. Л., 1967-1968.
- Посл. Корн. - Послание Корнелия, инокса Снетныхъ горы, к ону его, попу Ивану. - В кн.: Серебрянский Н.И. Очерки по истории монастырской жизни в Псковской земле. - Чтения ОИДР, 1908, кн.4, отд.3, с.527-532.
- Посл. Новг. арх. Генн. м. Сим. 1496-1504 гг. - Послание Новгородского архиепископа Геннадия митрополиту Симону. 1496-1504 г. - В кн.: Акты исторические, т.1. СПб., 1841, № 104.
- Посольство Яир.-Засекина - Посольство в Персию Александра Федоровича Яироваго-Засекина. - В кн.: Памятники дипломатических и торговых сношений Московской Руси с Персией /Изд. под ред. Н.И.Веселовского, т.2. СПб., 1832 (Труды Вост. отделения Рус. археол. о-ва, т.21), с.1-143.
- ПРК-ВМ - Приходо-расходные книги Кирилло-Белозерского монастыря.
- ПРП-7 - Памятники русского права. Вып.7. М., 1963.

прост. - просторечный.

ПРС-ПМ - Приходо-расходные книги Спасо-Прилуцкого монастыря.

ПСТ - Псковская судная грамота /Изд. Археогр. комис. СПб., 1914.

ПС-ПМ - Приходные книги Спасо-Прилуцкого монастыря.

РИБ - Русская историческая библиотека.

РК-БМ - Расходные книги Кирилло-Белозерского монастыря.

РС-ПМ - Расходные книги Спасо-Прилуцкого монастыря.

РТП - Раходные книги Тотемского соляного промысла.

Рус.-лив. а. - Русско-ливонские акты /Собр. К.Е.Напьерским; Изд. Археогр. комиссиею. СПб., 1868.

РФВ - Русский филологический вестник.

Сакович - Сакович С.И. Из истории торговли и промышленности России конца XVII в. М., 1956 (Книга записная мелочных товаров Московской большой таможни 1694 г.).

СГТД - Собрание государственных грамот и договоров, хранящихся в Государственной коллегии иностранных дел, ч.IV. М., 1828.

СПП - Иванова А.Ф. Словарь говоров Подмосковья. М., 1969.

СД - Свищовски дамаскин - Български старина, кн.VII.София,1923.

Сл. Забайк. - Элиасов Л.Е. Словарь русских говоров Забайкалья. М., 1980.

Сл. РЯ XI-XVII вв. - Словарь русского языка XI-XVII веков, т.1-9. М., 1975-1982.

Сл. отар. - Словарь русских старожильческих говоров средней части бассейна р.Оби, т.1. Томск, 1964; т.2, 1965; т.3, 1967.

Соф. вр. - Софийский временник по рукописи Публичной библиотеки /Изд. П.Строева. М., 1820-1821.

СПТЗ - То же, что Сл.Забайк.

СПТН - Словарь русских говоров Новосибирской области. Новосибирск, 1979.

Срезневский - Срезневский И.И. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам, т.1-3. СПб., 1893-1912.

СРНГ - Словарь русских народных говоров, т.1-15. М.;Л., 1965-1979.

СРСТ - То же, что Сл. стар.

ССРЛЯ - Словарь современного русского литературного языка, т.1-17. М.; Л., 1948-1965.

- Ст. Еп. — Стоянова епистолия. Ркп. № 742(104), 83 л. Народная библиотека в Софии.
- Суворов — Суворов И. Сборник актов Северного края XVII в. Вологда, 1926 (Вологодская областная библиотека, машинопись).
- Суд. 1497 г. — Судебник 1497 г. — В кн.: Судебники XV—XVI вв. Подг. текстов Р.Б.Мюллер и Л.В.Черепнина. М.; Л., 1952, с.19—34.
- Суд. 1550 г. — Судебник 1550 г. — Там же, с.135—177.
- Суд. 1589 г. — Судебник 1589 г. — Там же, с.349—414.
- Тет. сб. — Тетевенски сборник. Ркп. № 695 (117^a), 63 л. Народная библиотека в Софии.
- ТК — Таможенные книги Московского государства XVII в., т.1—3. М.; Л., 1950—1951.
- Уст. Дв. гр. — Уставная грамота вел. кн. Василия Дмитриевича деднянам 1397 г. — В кн.: Акты археографической комиссии, т.1. СПб., 1836, № 13.
- Уст. лет. — Устюженский летописный свод. Архангелогородской летописец /Подгот. к печати и ред. К.Н.Сербиной. М.; Л., 1950.
- Фасмер — Фасмер М. Этимологический словарь русского языка, т.1—III. М., 1964—1973.
- Фенне — Tonnie's Fenne's low German manual of spoken Russian. Rykov 1607. Vol. II. Copenhagen, 1970.
- ЦГДА — Центральный государственный архив древних актов.
- Шляпин — Шляпин В.П. Акты Велико-Устюжского Михаило-Архангельского монастыря, т.2. Великий Устюг, 1913.
- ЭСЯ — Этимологический словарь славянских языков: Праославянский лексический фонд, вып.1—9. М., 1974—1981.

СОКРАЩЕННЫЕ ОБОЗНАЧЕНИЯ РАЙОНОВ И ОБЛАСТЕЙ

Арх.	- Архангельская обл.
Баб.	- Бабаевский р-н Вологодской обл.
Без.	- Безаницкий р-н Псковской обл.
Белоз.	- Белозерский р-н Вологодской обл.
Белом.	- Беломорский р-н Карельской АССР
Бокс.	- Бокситогорский р-н Ленинградской обл.
Вашк.	- Вашкинский р-н Вологодской обл.
Вл.	- Вельсколукский р-н Псковской обл.
Волог.	- Вологодская обл.
Волх.	- Волховский р-н Ленинградской обл.
Вост. Сибирь	- Восточная Сибирь
Вят.	- Вятский р-н Вологодской обл.
Выл.	- Вышневолоцкий р-н Калининской обл.
Вят.	- Вятская губерния
Гд.	- Гдовский р-н Псковской обл.
Дед.	- Дедовичский р-н Псковской обл.
Дн.	- Дновский р-н Псковской обл.
Мар.	- Марковский р-н Калининской обл.
Заон.	- Заонежский р-н Карельской АССР
Зап.	- Западновинский р-н Калининской обл.
Иркут.	- Иркутская обл.
Кад.	- Кадуйский р-н Вологодской обл.
Калин.	- Калининская обл.
Калуж.	- Калужская губерния
Камч.	- Камчатка
Кадн.	- Кадниковский р-н Вологодской обл.
Канд.	- Кандамакский р-н Мурманской обл.
Карт.	- Каргопольский р-н Архангельской обл.
Карп.	- Карпогорский р-н Архангельской обл.
Кем.	- Кемский р-н Архангельской обл.
Кирил.	- Кирилловский р-н Вологодской обл.
Кириш.	- Киришский р-н Ленинградской обл.
Конд.	- Кондопожский р-н Карельской АССР
Кр.	- Красногородский р-н Псковской обл.
Куш.	- Кушелевский р-н Калининской обл.

Лен.	- Ленинградская обл.
Лео.	- Лесной р-н Калининской обл.
Лод.	- Лодейнопольский р-н Ленинградской обл.
Локн.	- Локнянский р-н Псковской обл.
Лоух.	- Лоухский р-н Карельской АССР
Луж.	- Лужский р-н Ленинградской обл.
Лук.	- Луковичковский р-н Калининской обл.
Льонт.	- Львотинский р-н Новгородской обл.
Ляд.	- Лядский р-н Псковской обл.

Мако.	- Максатихинский р-н Калининской обл.
Медв.	- Медвежьегорский р-н Карельской АССР
Мурм.	- Мурманская обл.

Нев.	- Невельский р-н Псковской обл.
Нелид.	- Нелидовский р-н Калининской обл.
Новог.	- Новгородская обл.
Новосиб.	- Новосибирская обл.
Н.-Рж.	- Новоржевский р-н Псковской обл.
Н.-Сок.	- Новосколянический р-н Псковской обл.

Олон.	- Олонецкая губерния
Олен.	- Оленинский р-н Калининской обл.
Онеж.	- Онежский р-н Архангельской обл.
Оп.	- Опочечский р-н Псковской обл.
Ост.	- Осташковский р-н Калининской обл.
Остр.	- Островский р-н Псковской обл.

Палк.	- Палкинский р-н Псковской обл.
Пен.	- Пеновский р-н Калининской обл.
Перм.	- Пермская обл.
Пест.	- Пестовский р-н Новгородской обл.
Печ.	- Печерский р-н Псковской обл.
Пин.	- Пассейн р. Пянеги
Плео.	- Плесецкий р-н Архангельской обл.
Подп.	- Подпорожский р-н Ленинградской обл.
Порх.	- Порховский р-н Псковской обл.
Прион.	- Прионежский р-н Карельской АССР
Пок.	- Псковская обл. и Псковский р-н
Пуд.	- Пудожский р-н Карельской АССР
Пуот.	- Пуотшжинский р-н Псковской обл.
Пыт.	- Пыталовский р-н Псковской обл.
Пушк.	- Пушкиногорский р-н Псковской обл.

Ряз.	- Рязанская обл.
------	------------------

Свердл.	- Свердловская обл.
Себ.	- Себежский р-н Псковской обл.
Сегеж.	- Сегежский р-н Карельской АССР

Сер. - Середкинский р-н Псковской обл.
 Сиб. - Сибирь
 Сл. - Славковский р-н Псковской обл.
 Слан. - Сланцевский р-н Псковской обл.
 Солецк. - Солецкий р-н Новгородской обл.
 Стр. - Стругокрасненский р-н Псковской обл.

Тер. - Терский р-н Мурманской обл.
 Тихв. - Тихвинский р-н Ленинградской обл.
 Тор. - Торопецкий р-н Псковской обл.

Уд. - Удомельский р-н Калининской обл.
 Уст. - Устюженский р-н Вологодской обл.

Холм. - Холмский р-н Новгородской обл.

Чар. - Чагодощенский р-н Вологодской обл.
 Чер. - Череповецкий р-н Вологодской обл.
 Чуд. - Чудовский р-н Новгородской обл.

Шекон. - Шекнинский р-н Вологодской обл.

Якут. - Якутия
 Яросл. - Ярославская обл.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	3
<u>Демадова Г.И.</u> , (Ленингр. пед. ин-т). Склонение имен существительных в севернорусских и южнорусских диалектах (именительный падеж множественного числа)...	6
<u>Каворулина Л.В.</u> , <u>Герд А.С.</u> (Ленингр. ун-т). К истории именного склонения в языке древнего Пскова	17
<u>Михайлова Л.П.</u> , <u>Черкасова Н.А.</u> (Карел. пед. ин-т). Указательные слова о начальном <i>э</i> - в русских говорах Карелии и сопредельных областей	40
<u>Новикова Е.И.</u> (Петрозав. ун-т). Безаффиксное словообразование имен прилагательных в русских говорах Карелии и сопредельных областей	58

<u>Чайкина В.И.</u> (Вологод. пед. ин-т). Названия лиц по ремеслу и занятиям в деловой письменности русского Севера XVI-XVII вв. (на материале приходо-расходных книг Кирилло-Белозерского и Спасо-Прилуцкого монастырей)	63
<u>Судаков Г.В.</u> (Вологод. пед. ин-т). Лексические диалектизмы в севернорусских актах XVI-XVII вв. (названия руковиц)	75
<u>Мельская О.С.</u> (Ленингр. ун-т). Лексика поковского рынка начала XVII в.	84
<u>Черепанова О.А.</u> (Ленингр. ун-т). Шуликуни. Образ и слово	97
<u>Арзуманова Н.Г.</u> (Ленингр. ун-т). Взаимодействие лексико-семантической группы глаголов со значением 'бить, ударять' с глаголами других семантических классов	107
<u>Головина Э.Д.</u> (Киров. пед. ин-т). Внутрисловная вариантность в севернорусской географической терминологии (на материале говоров Кировской области)	113
<u>Воронова Л.А., Шапиро С.С.</u> (Карел. пед. ин-т). Заметки по севернорусской фразеологии	121
<u>Трубинский В.И.</u> (Ленингр. ун-т). О распространителе у + род.п. в личных конструкциях с предикативным причастием	127
<u>Белоусова Е.А.</u> (Ленингр. ун-т). Глагол <u>бывать</u> в русских говорах Карелии	137
<u>Рускова М.П.</u> (Ленингр. ун-т). Глагольные конструкции с предлогами <u>из, от</u> в севернорусских и восточноболгарских памятниках письменности XVII-XVIII вв.	147
<u>Комягина Л.П.</u> (Арханг. пед. ин-т). Соотношение изоглоссы и изографа на территории современной Архангельской области	155
<u>Лутвинова И.С.</u> (Ленингр. ун-т), <u>Меркулов Н.Ю.</u> (Калинин. ун-т). О лексических связях западных среднерусских говоров с севернорусскими (на материале названий кушаний)	165
<u>Герд А.С.</u> (Ленингр. ун-т). К истории образования говоров <u>Посвирья</u>	174
<u>Мещерский Н.А.</u> (Ленингр. ун-т). О новых трудах пермских диалектологов	180
Сокращения, принятые в сборнике	191
Сокращенные обозначения районов и областей	197